

Социально-экономическое развитие,
государственно-правовое регулирование
и национальная безопасность России:
модели, решения, прогнозы

Сборник научных трудов XI Уральских научных чтений
профессоров и докторантов гуманитарных наук

(Екатеринбург, 15 февраля 2024 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Свердловская региональная общественная организация
Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ,
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
МОДЕЛИ, РЕШЕНИЯ, ПРОГНОЗЫ**

Сборник научных трудов
XI Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук
(Екатеринбург, 15 февраля 2024 г.)

Екатеринбург
2024

УДК 332.1
ББК 65.049
С69

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор
Я. П. Силин,
доктор географических наук, профессор
Е. Г. Анимица

Ответственный редактор

доктор экономических наук, доцент
Н. А. Истомина

С69 **Социально-экономическое развитие, государственно-правовое регулирование и национальная безопасность России: модели, решения, прогнозы** : сборник научных трудов XI Уральского научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук (Екатеринбург, 15 февраля 2024 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Свердловская региональная общественная организация Вольного экономического общества России, Уральский государственный экономический университет; ответственные за выпуск: Я. П. Силин, Е. Г. Анимица ; ответственный редактор Н. А. Истомина. — Екатеринбург : УрГЭУ, 2024. — 214 с.

Уральские научные чтения профессоров и докторантов гуманитарных наук традиционно являются площадкой, на которой представляют результаты своих исследований ученые Российской Федерации (в том числе Уральского макрорегиона), а также зарубежных стран. В сборнике представлены научные статьи, охватывающие вопросы эволюции пространства, регионального развития и развития муниципальных образований, экономического благополучия, управления знаниями, мотивации и экономики впечатлений, платформенных отношений, цифровизации и другие аспекты социально-экономического развития, государственно-правового регулирования и национальной безопасности.

Сборник будет полезен научным работникам, соискателям ученых степеней, преподавателям и сотрудникам учреждений высшего и среднего профессионального образования, научных учреждений, руководителям и специалистам органов государственной власти и местного самоуправления, студентам высших учебных заведений.

УДК 332.1
ББК 65.049

© Авторы, указанные в содержании, 2024
© Уральский государственный
экономический университет, 2024

Я. П. Силин, Е. Г. Анимица

Эволюция пространства России в контексте геополитики

Рассматриваются основные изменения в российском пространстве, обосновывается тезис о идеологии пространственной экспансии русской державности. Центральным концептом нового российского геопространства становится поворот на Восток. Приводится матрица миропонимания России и еще раз обосновывается необходимость новой индустриализации.

Ключевые слова: пространство; геополитика; поворот на Восток; теллурократия; талассократия; матрица миропонимания; новая индустриализация.

Известно, какой огромный вред нашей стране в послевоенное время нанесло непризнание советским обществом трех наук, в том числе отнесение *генетики* к «лженауке фашистов». Тот же ярлык был приложен к *кибернетике*, что существенно затормозило научно-технический прогресс в СССР и как следствие развитие цифровизации экономики. Не менее отрицательные последствия для нашей страны имело игнорирование на протяжении многих десятилетий такой «буржуазной науки», как *геополитика*.

Геополитика, — *это политологическая концепция, возникающая на рубеже XIX–XX вв.*, согласно которой пространственные изменения государства, преобразования, экспансия границ государств, их объединений, союзов *предопределяются* природными географическими факторами, в частности, местоположением страны, наличием природных ресурсов, особенностями климата и др., рассматриваемыми в совокупности [3; 4; 6]. Серьезная трансформация этих компонентов способна одномоментно изменить геополитическую ситуацию в каком-либо государстве, регионе или даже во всем мире [6]. Геополитика говорит о «человеке пространственном», предопределенном и обусловленным пространством, спецификой данных мест.

Пространственные преобразования в России. Россия относится к типу государств, в которых во все времена существования происходили активные пространственные преобразования.

Русская державность выросла и развилась из идеологии **пространственной экспансии**, т. е. постоянного расширения

и преобразования (корректировки) государственных границ. Веками люди (россияне) привыкали, что экономические проблемы разрешаются в первую очередь за счет расширения пространства. Эта концепция пространства, по существу, продолжается и в настоящее время. За какие-то 140 лет после покорения при Иване IV Казани и Астрахани русские первопроходцы вышли за Урал и в самые короткие сроки достигли берегов Тихого океана.

Для сравнения: американцы добрались из Новой Англии в Калифорнию за 230 лет. Завоевание Россией Сибири, Кавказа, Средней Азии, Аляски, Калифорнии было приоритетным делом государства. Можно утверждать, что в течение многих лет преобладали восточный, северный и южный векторы освоения Россией пространства. Если европейские страны страдали от нехватки пространства, то Россия — *от переизбытка пространства*. Пришлось продать Аляску и Калифорнию и написать в конце концов мюзикл «Юнона и Авось». После Великой Отечественной войны к СССР были присоединены обширные территории Западной Украины, а несколько ранее — Западной Белоруссии. Освоение целинных земель в 1950-е гг. при Н. Хрущеве оказалось предпочтительней повышения эффективности сельского хозяйства в районах Нечерноземья. Крым присоединился к России в 2014 г., а Луганская и Донецкая республики, Херсонская и Запорожская области — в 2022 г.

Разворот России на Восток. В настоящее время Россия разворачивается от Европы к поднимающейся Азии. Все то, что не удалось немцам в течение двух мировых войн, — вытеснить Россию из Европы — виртуозно удалось сделать ангlosаксам. Россия утратила позиции державы, без которой ни одна пушка в Европе не стреляла. Страна перестала быть «хранительницей» стратегического равновесия между цивилизациями Запада и Востока. Начался новый передел мира. От Европы Россия за 300 лет, начиная с Петра I, получила почти все, что смогла, несмотря на то что Европа оказалась враждебной России [2]. В первую очередь она приобрела многие необходимые ей технологии, ибо с XVII в. Европа была почти единственным в мире генератором передовых идей и технологий. Россия взяла из Европы и многие социальные технологии (в частности, идеи коммунизма), более комфортный образ жизни.

Без всякого сомнения, цивилизационный код России, так же как стран Европы, основан на христианстве. И это объединяет Россию с европейскими государствами. Но в настоящее время Европа отгораживается от России, создает новый «железный занавес» себе в убыток, себе во вред. В результате в мире, и в Европе в частности, стала доминировать так называемая «англосаксонская ось». В XXI в. она опять стала занимать те же самые позиции, к которым она практически стремилась в течение последних двух веков.

Начиная с 2014 г., когда начался период антироссийских санкций, видимо, достигнут *предел петровского периода русской истории*. Вряд ли Европа останется маяком для России. Она будет с ней дружить, соседствовать, но не более того. Российскому обществу нельзя отказываться от своей преимущественно европейской культуры, от своей европейской идентичности. Люди русской культуры с ее открытостью к другим культурам, веротерпимостью имеют мощное конкурентное преимущество стать центральным элементом грандиозного евразийского мегапроекта. Активный поворот России на Восток тормозят идейно-психологические, культурные и иные цивилизационные ограничения, которые нужно переосмыслить в ближайшие десятилетия.

Теллуократия и талассократия. В геополитике ученые выделяют два больших типа государств: *теллуократические* (от лат. *tellūs* — земля, суша + греч. *κράτος* — власть), т. е. сухопутное могущество и *талассократические* (от греч. *θάλασσα* — море + *κράτος* — власть), т. е. морская владычица. Ныне теллуократию ассоциируют с понятием *евразийство*, а талассократию — с концепцией атлантизма.

У России сложилась особая роль в геополитической ситуации. Обширные морские границы России вынуждают ее иметь сильный флот, хотя моря, омывающие нашу страну, большей частью холодные и не способствуют морской экспансии.

Невероятные по протяженности сухопутные границы заставляют нас больше внимания обращать на армию, чем на флот. Поэтому притязания России на заморское влияние весьма невелики. Русская школа геополитики, не уходя от ее геополитических категорий, придает этому делению на талассократию и тел-

луократию *духовно-нравственные*, идейно-духовные основания к философскому осмыслению жизни человечества.

Матрица миропонимания России. Каждая цивилизация создает для себя систему духовно-нравственных ценностей, которые являются важными условиями самоидентичности любого народа. В России смысложизненные императивы, качества и ценности отличаются от европейских и тем более от азиатских. Среди многочисленных разнокачественных и разнохарактерных компонентов духовно-нравственной парадигмы особо выделяются:

а) *духовность* — нравственная внутренняя сущность человека, интеллектуальная природа человека, противоположная ипостась телесной, физической сущности, духовный стержень человека;

б) *справедливость* — беспристрастное следование истине, законам, нормам, требованиям; это — высшая добродетель;

в) *совесть* — понятие морального сознания, следование совокупности принципов и норм поведения людей, внутренняя убежденность в том, что является злом и добром, чувство моральной ответственности.

Эта триада служит своеобразной сеткой координат, которая в той или иной степени полноты входит в жизнь и в культуру каждого российского человека. Русская научная школа геополитики не считает конфронтацию между континентальными и морскими державами объективно необходимой и неизбежной. Русской школе свойственен мессианский цивилизационный подход, а западной — конфронтационный.

Новая индустриализация. В контексте геополитики проблема создания собственных технологических платформ и компетенций — одна из ключевых для России в этом десятилетии. В стране активно формируются условия для создания так называемого технологического суверенитета. Построение основ технологического суверенитета при приложении максимальных усилий может занять от 7 до 10 лет, а реальное его обретение — 15–20 лет. Причем рассчитывать приходится исключительно на собственные силы. Следует уловить дух времени, чтобы сделать наше общество способным выстоять в геополитическом противостоянии.

Создание новой экономики, обладающей не только технологической, но и производственной, кадровой и научной независимостью, фактически означает запуск в стране новой индустриализации. Российское правительство активно стимулирует разработку и производство новых видов отечественной продукции, поддерживает инновационные проекты и компании, создает благоприятные условия для цифровизации экономики, запускает программы промышленной ипотеки и формирования новых промышленных комплексов (кластеров). В целом можно констатировать, что Россия становится крупным центром одного из мировых полюсов — евроазиатского [5]. Россия превращается в крупную независимую страну с новой экономикой, уникальной культурой, пониманием своего места в мире, уважением к своим традициям, выстраиванием на их основе своего будущего [1].

Библиографический список

1. *Глазьев С. Ю.* Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2016. 640 с.
2. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 548 с.
3. *Дугин А. Г.* Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. М.: Академический проект, 2014. 359 с.
4. *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 3-е изд. М.: Арктогея-центр, 1999. 928 с.
5. *Евразийская интеграция в турбулентном мире* / Л. Б. Вардомский, Л. З. Зевин, Т. В. Соколова и др.; отв. ред. Л. Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2019. 288 с.
6. *Ивашов Л. Г.* Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? М.: Аргументы недели, 2021. 528 с.

Создание экономического благополучия на муниципальном уровне: от устойчивого к ответственному развитию

В статье анализируется одно из теоретических оснований экономического благополучия муниципальных образований — концепция устойчивого развития. Сделан вывод о необходимости акцентирования ответственности и осознанности в следовании ценностям устойчивого развития, а также перехода к использованию термина «ответственное развитие».

Ключевые слова: муниципальное образование; региональная экономика; экономика благополучия; устойчивое развитие; ответственное развитие.

Интерпретируя экономическое благополучие муниципального образования как экономически безопасное состояние материальной и нематериальной обеспеченности территории осуществления местного самоуправления, формируемое на основе устойчивого, пространственно инклюзивного, планового, индивидуализированного, осознанного воспроизводственного процесса [9], следует уделить особое внимание значению устойчивого развития в его формировании. Цель статьи — на основе анализа становления концепции устойчивого развития конкретизировать ее роль в формировании экономического благополучия муниципального образования.

Концепция устойчивого развития (КУР) сформировалась и получила активное развитие в международном общественно-политическом и научном дискурсе благодаря сочетанию нескольких обстоятельств: с одной стороны, создания после Второй мировой войны ООН, которая стала платформой для обсуждения наиболее острых глобальных проблем, а с другой — послевоенного «славного тридцатилетия» экономического роста, порожденного необходимостью восстановления разрушенной материальной базы, которое также стало временем резкого увеличения антропогенного влияния на окружающую среду. В результате, на фоне продолжающегося роста численности населения Земли, опасения, высказанные Т. Мальтусом в 1798 г., о том, что если не предпринимать решительных шагов по ограничению роста

населения сообразно объему ресурсов, имеющихся в распоряжении, то это приведет к катастрофе [4], вновь вышли на повестку.

Кратко охарактеризуем основные события в становлении КУР.

В 1968 г. состоялась первая встреча Римского клуба, который основали А. Печчеи, итальянский промышленник, и А. Кинг, руководитель шотландского научного отдела ОЭСР¹. Римский клуб является международной независимой некоммерческой организацией, «объединяющей политическую, финансовую, научную и культурную элиту многих стран для изучения существующих и возможных глобальных проблем современного мира»². Основателей объединила озабоченность долгосрочным будущим человечества и планеты, тем, что они назвали современным «затруднительным положением человечества»³. Ежегодно Римский клуб публикует доклады в рамках этой проблематики, которые вызывают активное обсуждение.

В 1972 г. прозвучал доклад Римскому клубу «Пределы роста» [10]. В нем группа международных исследователей из Масачусетского технологического института начала изучение последствий продолжающегося экономического роста мировой экономики на основе анализа пяти базовых факторов — роста населения, сельскохозяйственного производства, истощения невозобновляемых ресурсов, объемов промышленного производства и производимых загрязнений. Компьютерное моделирование показало, что мировая природная система, вероятнее всего, не сможет поддерживать текущие темпы роста населения и экономики максимум после 2100 г., даже при совершенствовании технологий, поэтому выживание человечества зависит от того, сможет ли оно найти баланс численности населения и материального производства и выдержать соответствующие этому балансу ограничения.

¹ *History / The Club of Rome*. URL: <https://www.clubofrome.org/history/> (дата обращения: 02.02.2024).

² *Римский клуб* // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/rimskii-klub-2403ed> (дата обращения: 02.02.2024).

³ *History / The Club of Rome*. URL: <https://www.clubofrome.org/history/> (дата обращения: 02.02.2024).

1972 г. также ознаменовался проведением Конференции по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме, Швеция¹, итогами которой стали: 1) Стокгольмская декларация, содержащая 26 принципов по решению вопросов охраны окружающей среды, которые впоследствии легли в основу международного экологического права; 2) план действий по защите окружающей человека среды — обобщенной группы мероприятий в данной области; 3) учреждение Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) — органа ООН, задача которого заключается в наблюдении, информировании и стимулировании мероприятий по охране природы.

В конце 1970-х гг. Король Бутана установил в качестве измерителя прогресса новый, отличный от ВВП, показатель — валовое национальное счастье (ВНС), который стал первым примером изменения ценностей экономического развития на уровне страны. Много позднее (в 2012 г.) была предпринята попытка продвижения данного показателя в ООН². Значение ВНС главным образом связано именно с ценностной составляющей, так как общество стремится к тому, что является мерилом прогресса. Следовательно, до тех пор, пока максимизация материального производства является целью, невозможна его корректировка, снижение для сокращения негативных последствий.

В 1983 г. в ООН создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development, WCED) под руководством Г. Х. Брундтланд, экс-премьера Норвегии. К 1987 г. Комиссии удалось подготовить доклад «Наше общее будущее»³, который оказался

¹ Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, 5–16 июня 1972 г., Стокгольм, Швеция / Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (дата обращения: 02.02.2024).

² Бутан предлагает новый критерий благополучия: индекс валового национального счастья // Новости ООН. 2012. 30 марта. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/03/1199551> (дата обращения: 02.02.2024).

³ *Our Common Future* / World Commission on Environment and Development. Oxford University Press, 1987. 416 p. (рус. изд.: Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелега; предисл. Г. Харлем Брундтланд. М.: Прогресс, 1989. 371 с.)

не только консенсусным «документом исключительной актуальности, содержательности и политической силы», но и впоследствии стал программной базой для «всех последующих действий по переходу к устойчивому развитию как в рамках глобального управления, так и на национальном уровне» [8, с. 2]. В нем также представлено основное «поколенческое» определение устойчивого развития, которое, однако, уже упоминалось в более ранних документах, разработанных совместно ЮНЕП, Всемирным фондом дикой природы и Международным союзом охраны природы (Всемирная стратегия охраны природы, 1979, 1980 гг.), но скорее в контексте природоохранной деятельности и использования биосферы.

В 1992 г., когда прошла Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (Саммит Земли), концепция устойчивого развития получила всеобщее распространение. Следует отметить, что на тот момент СССР уже не существовало, поэтому Россия, находясь в сложном переходном периоде, приняла в ней не такое активное участие, как в формировании доклада Комиссии Г. Х. Брундтланд. По результатам Саммита была принята «Повестка дня на XXI век», а также «Декларация Рио-де-Жанейро» из 27 принципов, развивающих 26 принципов Стокгольмской конференции. В Декларации провозглашалось, что «забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и продуктивную жизнь в гармонии с природой»¹.

Наконец, в 2015 г. на Саммите ООН по устойчивому развитию² была принята Повестка дня на период до 2030 г. и 17 целей устойчивого развития³, которые на данный момент являются актуальной формализацией КУР.

¹ Конференция ООН по проблемам окружающей среды и устойчивого развития / Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment> (дата обращения: 02.02.2024).

² Саммит ООН по устойчивому развитию, 25–27 сентября 2015 г., Нью-Йорк / Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/newyork2015> (дата обращения: 02.02.2024).

³ Цели в области устойчивого развития / Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 02.02.2024).

Таким образом, КУР стала общественно-политической декларацией обеспокоенности мирового сообщества проблемами сохранения окружающей среды по мере роста материального благосостояния, стремления удержать экономический успех и процветание в будущем. Будучи порожденной проблемами природопользования, КУР в итоге стала символом глобального благополучия.

Существует значительное количество модификаций определения устойчивого развития [2; 7]. Приведем определение В. В. Снакина, заведующего лабораторией ландшафтной экологии ИФПБ РАН, которое сочетает в себе изначальный посыл КУР, а также его научное осмысление. Устойчивое развитие — «гипотетическое развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остается в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества. Предполагается, что при устойчивом развитии удовлетворение потребностей осуществляется без ущерба для будущих поколений, а охрана окружающей среды становится неотъемлемой компонентой процесса развития» [6]. Отметим, что попытки воплотить идеи устойчивого развития, следовать его принципам вызвали к жизни разработку ряда моделей для функционирования экономики, в том числе концепции зеленой, синей, био- и циркулярной экономики [5].

В настоящее время дискуссии об устойчивом развитии, которое со времен Комиссии Г. Х. Брунтдланд, включало комплекс разнообразных вопросов — социального (неравенство по доходам), технологического (материало- и энергоемкость), природоохранного, экономического характера, — становятся дискуссиями о развитии в целом: «Так ли необходим экономический рост всем странам, вне зависимости от уровня их развития?», «Следует ли бесконечно повышать качество жизни?», «Что измеряет подлинный прогресс?», «Являются ли универсальными маркеры и показатели этого развития?» Для ответа на эти вопросы, а также для обеспечения гармонии между человечеством и природой значимым становится понятие ответственности.

Ответственность тесно связана со способностью действующих лиц предполагать, оценивать и планировать желательность

своих действий в соответствии с обозначенными приоритетами и ценностями. Еще А. Печчеи писал о «новой системе ценностей человека, ориентированной на то, чтобы не больше иметь, а быть человеком, ответственным не только за себя, но и за судьбу других людей и человечества в целом» [3].

Рассмотрение устойчивого развития прежде всего как ответственного опирается на этику ответственности. Этика ответственности подчеркивает важность принятия на себя ответственности за свои действия и их последствия. Она основана на идее о том, что люди и общества обязаны действовать таким образом, чтобы способствовать благополучию других людей и планеты, и избегать действий, которые причиняют вред или создают риски¹.

По заключению Е. В. Беляевой, которая сравнивает «этику блага» и «этику долга» с «этикой ответственности» по ключевым параметрам, характеризующим любую теорию морали, «этика ответственности» может обоснованно выступать как особый тип теории морали, способный стать основой нравственной жизни современного человека [1, с. 91]. Исследователь отмечает, что среди предпосылок этого, во-первых, глобальность современного мира, его глубокая и всесторонняя взаимосвязанность, когда любая проблема затрагивает интересы каждого; во-вторых, неустойчивость мира (состояние перманентного хаоса), в котором люди все же пытаются управлять собственной жизнью, «построить ее как хорошую, правильную, ответственную»; в-третьих, масштабная вовлеченность в электронные сетевые коммуникации [1, с. 75].

Можно сделать вывод, что обеспечение устойчивости современного экономического развития на любом территориальном уровне не может не опираться на ответственность акторов. Так, ответственность при формировании экономического благополучия конкретного муниципального образования проявляется в том, чтобы, во-первых, исходить из несущей способности территории при обеспечении потребностей населения, а также принимая решение о стимулировании миграции; во-вторых, намеренно внедрять использование техник и технологий, позволяю-

¹ *The Ethics of Responsibility: A Comprehensive Overview*. Understanding the Principles of Ethics of Responsibility. June 6, 2023. URL: <https://philodive.com/blog/the-ethics-of-responsibility--a-comprehensive-overview> (дата обращения: 02.02.2024).

щих снизить потребление ресурсов, объем вредного воздействия; в-третьих, стимулировать ответственное поведение организаций и населения. Следовательно, считаем целесообразным использование термина «ответственное развитие», понимая его как развитие, основанное на намеренном, осознанном следовании ценностям и приоритетам устойчивого развития.

Библиографический список

1. *Беляева Е. В.* «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага» // Вестник прикладной этики. 2022. Вып. 59. С. 73–92.
2. *Грузневич Е. С.* Развитие, устойчивое развитие и сбалансированное устойчивое развитие и их взаимосвязь на уровне региона: терминологические аспекты // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. Вып. 12, ч. 2. С. 839–844.
3. *Лейбин В. М.* Аурелио Печчеи: штрихи к портрету // Век глобализации. 2008. № 1. С. 154–158.
4. *Мальтус Т. Р.* Опыт закона о народонаселении. М.: АСТ, 2023. 256 с.
5. *Си Ф.* Развитие концепции устойчивого развития // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 4–9.
6. *Снакин В. В.* Устойчивое развитие // Жизнь Земли. 2018. Т. 40, № 1. С. 101–110.
7. *Третьякова Е. А.* Россия и Беларусь: динамический взгляд на устойчивое развитие // Вестник ПГУ. Сер.: Экономика. 2014. № 3. С. 29–41.
8. *Юргенс И., Ромов Р.* Комиссия Брунтланн и концепция устойчивого развития в истории СССР/России 1980-х — 1990-х гг.: Шарм-эш-Шейх, следующая — Дубай. Климатические саммиты 2022 и 2023 годов: промежуточные станции или поворотный этап? М.: Центр устойчивого развития и ESG трансформации МГИМО, 2023. 51 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntlann-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
9. *Belousova E. A.* Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level // Journal of New Economy. 2022. Vol. 23, no. 4. P. 46–68.
10. *Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. III.* The limits to growth. New York: Universe Books, 1972. 211 p.

Эволюция ремесленного производства как вида малого предпринимательства в условиях новой реальности¹

Рассматриваются особенности формирования ремесленной деятельности в России как стратегически значимой формы хозяйствования. Дается определение ремесленного производства. Раскрывается специфика его функционирования и выделяются разнохарактерные промыслы в его структуре. Выявлены узловые принципы развития. Обосновывается формирование новой ремесленной экономики, в которой важную роль будет играть производство коллаборативных роботов (коботов).

Ключевые слова: ремесло; ремесленная деятельность; художественные промыслы; принципы функционирования; новая ремесленная экономика; коллаборативные роботы.

Стремительный технологический прогресс и серьезные экономические преобразования в конце XX — начале XXI в. послужили толчком к обновлению и трансформации ремесленного производства как особого вида хозяйствования.

Ремесленное производство — это одна из старейших форм производственной человеческой деятельности, которую можно определить как производство, основанное на применении ручных орудий труда при изготовлении товаров и вещей, личном мастерстве работника, собственных знаниях, позволяющее производить высококачественные, нередко уникальные высокохудожественные изделия, которые невозможно воспроизвести массовым способом [1; 5].

Согласно единой терминологии ВТО и ООН ремесленная деятельность — это вид профессиональной деятельности по производству товаров, работ, оказанию услуг преимущественно потребительского назначения мелкими партиями, штучно, в том числе по индивидуальным заказам, с использованием особых знаний, специальных технологий, навыков, умений, традиций, секретов.

Ремесленное производство можно считать специфической формой малого предпринимательства, ибо оно характеризуется

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2024–2026 гг.

такими признаками, как небольшие масштабы производства, ограниченное число занятых, непосредственная связь с потребителем, узкая специализация при производстве товаров, возможность начать собственное производство с относительно небольшим объемом стартового капитала, высокое качество выполняемой работы, а также неформальный стиль управления, персональная ответственность и совмещение функций собственника и менеджера и др. [6; 8].

Развитие различных ремесел можно также считать важным инструментом самозанятости населения.

Среди отечественных ученых, внесших заметный вклад в развитие теории предпринимательства, следует отметить ученого-юриста Г. К. Гинса. В своей книге «Предприниматель» он относит понятие предпринимательства к области хозяйственной психологии. Предпринимателем он считал «человека со свободной инициативой, рискующего своими средствами ради получения выгодного хозяйственного результата» [4, с. 22].

В структуру ремесленной деятельности в качестве относительно целостной доминанты встроены *народные художественные промыслы*, которые можно рассматривать как одну из форм народного художественного творчества, как производство фольклорных художественных изделий [7, с. 639], имеющие к тому же социально-психологическое значение. Поддержка традиционных художественных промыслов осуществляется на уровне ЮНЕСКО¹.

Учитывая значительные масштабы данного производства, отражающего культуру и самобытность конкретного народа, принимая во внимание приобщение человека к своему духовно-нравственному наследию, профессор Н. М. Шабалина предложила систему развитых народных промыслов рассматривать в качестве основы художественной промышленности [14].

В России получили широкую известность такие разнохарактерные уникальные промыслы, как тагильская и жостовская роспись по металлу, ростовская финифть, федоскинская и палехская миниатюра, гжель, хохлома, тульское и златоустовское ору-

¹ ЮНЕСКО. URL: <https://www.unesco.org/ru> (дата обращения: 02.02.2024).

жейное дело, оренбургский пуховый платок, кубачинская обработка металлов, вятское и вологодское кружево и др. [9].

Народные художественные промыслы обладают ярко выраженной региональной спецификой, ибо народное ремесло зависит от местных природно-географических условий, религиозных, культурных убеждений людей, населяющих ту или иную местность, область, регион¹.

Местами развития народных промыслов в Свердловской области являются 21 муниципальное образование. Из традиционных народных промыслов здесь развивается камнерезно-гранильное и ювелирное производство, художественнаяковка металла, лаковая роспись по металлу, ручное ткачество, деревообрабатывающие промыслы, производство изделий из художественной керамики и фарфора. Народные промыслы, включенные в местную экономику, делают культуру любого поселения богатой и неповторимой. Именно эти производства помогают сохранить культурный код региона, сберечь традиции культурного наследия проживающего здесь населения и передать его нашим потомкам.

В настоящее время в Свердловской области субъектами народных художественных промыслов являются 137 мастеров. Подтверждение статуса мастера художественного промысла — это не только признание его высокого мастерства и самобытности, оно позволяет получать субсидии из бюджета Свердловской области.

Основные принципы функционирования ремесленного предпринимательства. Анализ многовекового функционирования ремесленного производства позволил выявить несколько основных *признаков*, которые наиболее полно характеризуют отличительные особенности ремесленного предпринимательства [12].

Во-первых, ориентация на активные практические действия — один из важнейших принципов функционирования ремесленного производства. Он заложен в природе самого бизнеса, означающего осмысление всего процесса изготовления конкретного продукта, доведение начатого дела до самого конца, до получения готового продукта.

¹ *Виртуальный каталог «Народные художественные промыслы России»*. URL: https://web.archive.org/web/20200922135931/http://www.remeslennik.ru/VD/VDList_Razd_Yes_CPage_1.html (дата обращения: 02.02.2024).

Во-вторых, высокий профессионализм предпринимателя и особенно руководителя. Он должен быть мастером своего дела, иметь предпринимательский менталитет, в совершенстве владеть всеми трудовыми операциями технологического процесса. Знать экономическую сторону выполняемой работы, осуществлять контроль качества изготовления продукта и нести за него полную ответственность. Он должен обладать оптимизмом и способностью рисковать, но при этом сохранять собственную самоидентификацию.

В-третьих, в этой форме деятельности наиболее полно проявляется правило (формула) «одной цифры», означающее, что информации о деятельности предпринимателя должно быть лишь столько, «сколько должно быть», т. е. информация должна быть минимальной, рациональной, четко оптимальной и легитимной.

В-четвертых, ориентация на потребителя, что по своей сути, по своей логике является производственной необходимостью. Со временем предприниматель должен гибко реагировать на запросы рынка товаров и услуг, уметь рекламировать товар, завлечь покупателя, создать спрос с учетом потребностей и вкусов данного рынка. Он должен сохранять социальную защищенность и профессиональную конкурентоспособность.

Новая ремесленная экономика в России? Многие ученые-экономисты в своих прогнозах доказывают, что в ближайшем будущем следует ожидать ренессанс ремесленничества, где малые предприятия этой области предпринимательства станут более динамичными, гибкими, оснащенными современными технологиями, способными изготавливать знаниеемкие, высокотехнологичные уникальные товары¹.

Все это приведет к формированию в России такого феномена, как *«новая ремесленная экономика»* [3]. Она может дать нашей стране мощный экономический, образовательный, социальный, культурный, демографический эффект. В частности, в современной России с ее многонациональным населением и богатыми культурными традициями новая ремесленная экономика может

¹ Проект «Новые ремесленники России: возрождение социального слоя ремесленников-предпринимателей» / Агентство стратегических инициатив. URL: <http://www.asi.ru/projects/800> (дата обращения: 02.02.2024).

стать базой развития малого промышленного предпринимательства и дать импульс для его коренной модернизации.

Кобот нам в помощь! В настоящее время в мире уже четко обозначились две мощные технико-технологические системы. Одна — англосаксонская, с Cisco и Facebook (соцсеть, заблокированная в РФ), другая — китайская, с Huawei и WeChat. Между ними разгорелась ожесточенная конкурентная борьба.

С наших современных стартовых позиций надеяться догнать мировых грандов в обозримом будущем, завоевать даже малейший кусочек мирового рынка серьезной промышленной продукции — это по меньшей мере наивно. России необходимо найти свою собственную технологическую нишу, в которой мы можем и должны обеспечить нашей стране безоговорочные конкретные преимущества. Движение к научно-технологическому суверенитету уже начато [10]. Следует напомнить, что русским Левше и Кулибину заниматься рутинным, массовым, конвейерным производством неинтересно, не по душе. У русских умельцев гораздо лучше получается производить какие-то единичные, уникальные виды продукции, а не изделия серийных разработок. Мы можем построить самую мощную атомную подводную лодку, самый большой космический корабль... или подковать механическую блоху.

Учитывая эту специфику есть смысл сосредоточиться, в частности, на производстве уникальных *коллаборативных роботов* (коботов), используемых для мелкосерийных и персонализированных видов деятельности. Они могут совершать любую монотонную работу, которую нельзя полностью автоматизировать, в составе или при сотрудничестве с людьми в одном пространстве [2; 15]. Эксперты фирмы ABI Research рассчитали, что к 2030 г. мировой рынок коллаборативных роботов достигнет 11,8 млрд долл.

В трех регионах Урала — Челябинской, Свердловской областях и Пермском крае уже начало концентрироваться производство коллаборативных роботов, которые успешно «трудятся» консультантами в банках, гидами в музеях, продавцами, участвуют в других мероприятиях. Первый кибер-космонавт — Фёдор — в 2019 г. был отправлен в космос и производил различные эксперименты на МКС.

Цифровизация ремесленного производства не предполагает отказ человека от традиционной ремесленной деятельности. Речь может идти только о новых качествах и компетенциях ремесленника-профессионала (например, способность быстро анализировать, обобщать и структурировать информацию, креативность, т. е. мотивация к созданию нового продукта индивидуального стиля и т. п.) [11; 13].

В итоге следует констатировать, что ремесленничество, являясь важной формой малого предпринимательства, обогащаясь в новых условиях реальности новыми знаниями, новейшими технологиями, необходимыми материалами, благоприятными возможностями для коммуникации, специализации и кооперации, становится важным фактором и серьезным драйвером роста экономики России и ее регионов.

Библиографический список

1. *1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М.: Современник, 1995. 478 с.*
2. *Акопян А. А., Дмитриев Н. В. Применение коллаборативных роботов в различных отраслях производства // Мехатроника, автоматика и робототехника. 2023. № 11. С. 43–46.*
3. *Водянова И. Н. Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства // Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 206–209.*
4. *Гинс Г. К. Предприниматель. 2-е изд. М.: Посев, 1992. 222 с.*
5. *Индивидуальная предпринимательская деятельность: справ. пособие / сост.: М. Н. Федорова; отв. ред. П. В. Савченко. М.: Экономика, 1992. 191 с.*
6. *Колесников А., Колесникова Л. Малый и средний бизнес: эволюция понятий и проблема определения // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 53–54.*
7. *Краткая российская энциклопедия: в 3 т. / сост. В. М. Карев. М.: Большая российская энциклопедия: ОНИКС 21 век, 2003. Т. 2. 1135 с.*
8. *Лапуста М. Г., Старостин Ю. Л. Малое предпринимательство. М.: ИНФРА-М, 1997. 320 с.*
9. *Народные художественные промыслы России: история, география и культура / Д. А. Аманжолова, Е. Н. Васильева, Г. В. Ганышина и др. М.: РГУТиС, 2012. 291 с.*

10. *О наращении научно-технологического потенциала России* // Экономист. 2023. № 2. С. 3–30.

11. *Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю.* Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 10. С. 50–75.

12. *Предпринимательство на Урале: история и современность* / В. Н. Задорожный, А. И. Татаркин, Л. А. Антуфьев и др. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. 254 с.

13. *Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России* / Г. М. Романцев, Э. Ф. Зеер, А. В. Ефанов и др.; науч. ред. Г. М. Романцев. Екатеринбург: РГППУ, 2012. 233 с.

14. *Шабалина Н. М.* Народные художественные промыслы как основа развития художественной промышленности в XX веке // Дизайн. Искусство. Промышленность. 2019. № 6. С. 45–50.

15. *Ющенко А. С., Ермишин К. В.* Коллаборативные мобильные роботы — новый этап развития робототехники // Экстремальная робототехника. 2016. Т. 1, № 1. С. 451–459.

Е. Ю. Виноградова

Автоматизация бизнес-процессов предприятий высокотехнологичного сектора

В статье описываются основные тенденции и принципы проектирования систем поддержки принятия решений на предприятиях и предлагаются методы проектирования и реализации таких систем с учетом реальных потребностей хозяйствующих субъектов. Также в рамках статьи исследованы принципы построения и реализации систем с учетом их жизненного цикла.

Ключевые слова: корпоративная система; жизненный цикл; управление; управленческий учет; организация производства.

Информация превратилась сегодня в ключевой ресурс повышения эффективности деятельности любого предприятия. При этом инвестиции в системы обработки информации и внедрение современных ИТ не только приносят прибыль, но и напрямую способствуют увеличению капитализации самих предприятий.

Если предприятие хочет оставаться конкурентоспособным с повышением качества исполнения бизнес-процесса, то возможным вариантом для него будет внедрение предложенной в данной работе корпоративной системы — автоматизированной системы

управления бизнес-процессами с учетом зависимости функционирования бизнес-процессов от стадий жизненного цикла для их постоянного контроля и совершенствования. Основными преимуществами разработки и автоматизации процесса управления бизнес-процессами и их реорганизации являются прозрачность и адаптивность — сформирована и наглядно представлена вся требуемая информация о ходе производственного процесса, что позволяет руководителям и специалистам принимать осознанные решения в части эффективных изменений. Это позволит повысить контроль над негативным влиянием основных недостатков процессного подхода управления: оценка внутрифирменных бизнес-процессов не увязывается с состоянием внешней среды фирмы, совершенствование бизнес-процессов редко приносит значимые и быстрые результаты, практические примеры реинжиниринга компаний далеко не всегда положительны. Для ясного представления необходимости и целей реорганизации бизнес-процессов компании важно определить перспективу ее дальнейшего развития [1; 2; 3].

Считается, что в первую очередь необходимо удовлетворить интересы владельцев (в акционерном обществе — акционеров), поэтому именно их потребности определяют направление развития деятельности компании. В рамках этого необходимо структурировать все процессы, распределить функции и определить лиц, ответственных за конкретные процессы.

От формируемой в управленческом учете, контроле и экономическом анализе эффективности информации зависит результативность и полезность принимаемых управленческих решений, построение объективных аналитических выводов. Одним из них является решение о проведении изменений и разработка требуемых организационных изменений для различных этапов управления предприятием.

Основная цель предприятий, которые придерживаются принципа непрерывности деятельности, — получение максимального уровня финансовых результатов при минимальном уровне затрат на их достижение.

Применение корпоративной информационной системы является эффективным инструментом менеджмента, который поз-

воляет достичь положительного финансового результата и грамотного управления бизнес-процессами.

Управление предприятием реализуется путем определения ограничений по затратам, оценки движения материальных, денежных и трудовых потоков предприятия, а также отражения соответствия установленных нормативов использования ресурсов фактическим показателям.

Основой процессного управления является обозначение базовых состояний «как есть» (as is — фиксация текущего состояния процесса) и «как надо» (to be — моделирование желаемых результатов от преобразований). Основная цель первого состояния — наиболее точно смоделировать действительность, второго — отобразить идеальную схему. По мере продвижения от одного к другому производится оптимизация бизнес-процесса.

Реорганизация бизнеса посредством использования корпоративной системы даст возможность определить ключевые процессы, на которые следует обратить особое внимание в ходе реинжиниринга в соответствии со стратегией предприятия, преобразовать вспомогательные процессы с учетом ключевых, корректировать использование ресурсов, укрепить финансовую дисциплину на предприятии для достижения стратегических и финансовых целей. В качестве ключевых могут выступать процесс разработки новой продукции, интеграции логистики. Для достижения высокой эффективности процесса реинжиниринга необходимо применение новейших информационных технологий. С помощью создания корпоративной системы существует возможность выявления факторов, которые ограничивают достижение поставленных целей. К таким факторам могут относиться офисные площади, занимаемые предприятием, ограничение возможности обеспечения необходимыми ресурсами (например, снижение ликвидности компании может препятствовать получению необходимых финансовых ресурсов).

Высший менеджмент является лидером преобразований при реинжиниринге бизнес-процессов. В рамках организационного развития он берет на себя роль катализатора перемен благодаря высокому положению в организационной иерархии. Его задача состоит в том, чтобы обеспечить необходимые ресурсы для преобразований и снять системные барьеры. Помимо этого при

организационном развитии он также имеет возможность ускорять или замедлять темп преобразований.

Проектирование системы поддержки принятия решений схематично можно представить в следующем виде:

- 1) взаимосвязь проекта и SQL-сервера InterBase (рис. 1);
- 2) взаимосвязь программных модулей и файлов (рис. 2).

На рис. 2 взаимодействия объектов показаны сплошными линиями, потоки данных — штриховыми.

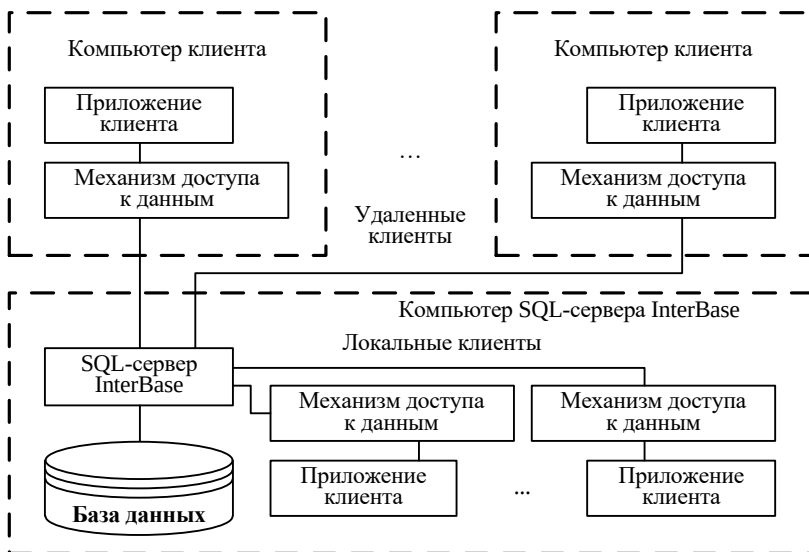

Рис. 1. Схема взаимосвязи проекта и SQL-сервера InterBase

Ответственные за исполнение процесса являются его главными координаторами. Их задача — сформировать проектную группу с дальнейшей мотивацией участников реорганизации бизнес-процессов. Помимо этого участниками процесса должны быть сотрудники перестраиваемой области, функция которых заключается в обеспечении инструментария изменений. В рамках реинжиниринга они привлекаются в части обучения преобразованным бизнес-процессам, в организационном развитии используется приложение их знаний к проблемным решениям.

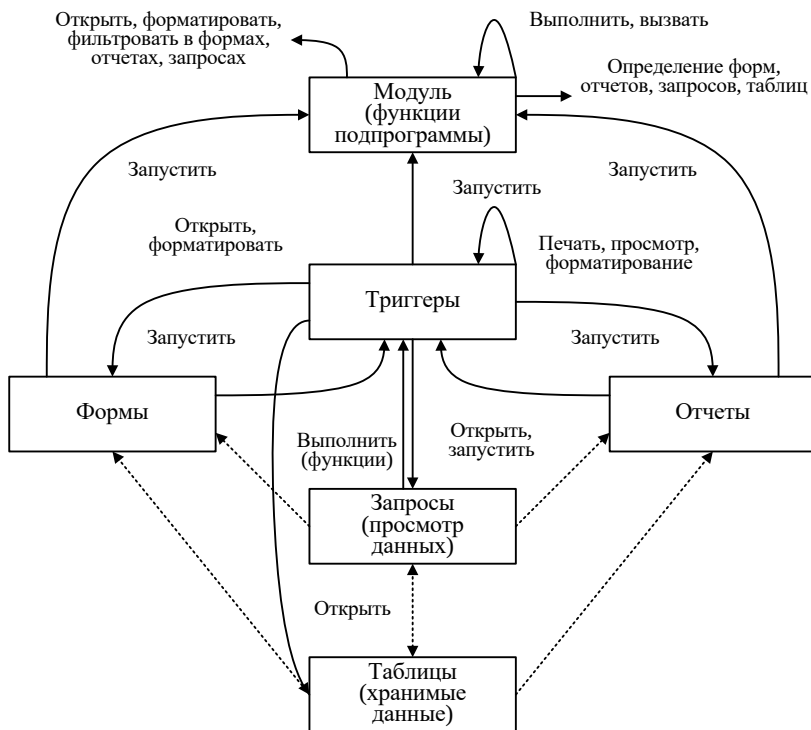

Рис. 2. Схема взаимосвязи программных модулей и файлов

Таким образом, каждое предприятие имеет возможность повысить свою конкурентоспособность и эффективность деятельности путем анализа актуальных бизнес-процессов и внутренних изменений, выявления узких мест, поиска проблем и их исправления. А целенаправленная автоматизация этого процесса позволит значительно расширить сферу возможностей и компетенций персонала.

В заключение следует отметить, что внедрение ИС управления и планирования на предприятии любого уровня представляет собой процесс ее интеграции в финансово-хозяйственную деятельность предприятия. Процесс внедрения сопряжен с капитальными затратами, включающими приобретение техники, внедрение и опытную эксплуатацию, создание регламентов управления, подготовку и обучение кадров.

Библиографический список

1. *Николенко Т. А., Зобнин Ю. А.* Автоматизированное управление современными производственными процессами и ERP системы в России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4-1 (69-1). С. 45–48.
2. *Сергеева А. И., Царева М. И.* Современные тенденции развития ERP-систем в России // Экономическая среда. 2016. № 1(15). С. 64–69.
3. *Vinogradova E. Yu.* Experience of design of information system for complex operation of enterprise // Высокие технологии, фундаментальные и прикладные исследования, образование: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. «Исследование, разработка и применение высоких технологий в промышленности» (Санкт-Петербург, 2–5 октября 2007 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. Т. 11. С. 25–26.

Е. Б. Дворяжкина, А. М. Ермакова

Экономическое развитие муниципальных образований: контекст шокоустойчивости

На основе теоретического обзора охарактеризована шокоустойчивость как атрибут экономического развития муниципальных образований. Представлены подходы к исследованию шокоустойчивости территории и идентифицированы варианты траектории экономического развития муниципальных образований как ответные реакции на шок.

Ключевые слова: шок; шокоустойчивость; экономическое развитие; муниципальное образование.

В современном мире происходят кардинальные экономические, социальные, политические изменения, в результате которых меняется модель мировой экономики и международных экономических отношений: от глобализации — к формированию многополярного мира. Уникальный пространственный потенциал России предопределяет в таких условиях высокую степень актуальности исследования того, как будет происходить региональное и муниципальное развитие в условиях новой экономической реальности? Что именно будет способствовать выживаемости регионов и муниципальных образований в условиях неопределенности?

По нашему мнению, в традиционных условиях тип экономического развития муниципального образования может быть охарактеризован как устойчивый [2], а в условиях новой экономической реальности добавляется еще один атрибут устойчивости, а именно — шокоустойчивость. Понятие шокоустойчивости используется не только в макроэкономических, но и в региональных исследованиях. Однако к настоящему времени единой концепции региональной шокоустойчивости (в англоязычной литературе — regional resilience) пока еще не сложилось.

Обзор зарубежных исследований представлен В. В. Климановым, С. М. Казаковой, А. А. Михайловой [4]. Анализ общей картины исследований российских ученых по проблематике региональной резилиентности проведен О. А. Черновой [8].

В контексте поставленных в настоящем исследовании задач целесообразно охарактеризовать предложенную Б. С. Жихаревичем, В. В. Климановым и В. Г. Марача концепцию *шокоустойчивости территории*, суть которой заключается в следующем [3].

Во-первых, на основе тщательного терминологического анализа была предложена система понятий для изучения устойчивого развития и устойчивости к шокам применительно к территориальным социально-экономическим системам — регионам и городам.

Во-вторых, шокоустойчивость в контурах данной концепции рассматривается как характеристика свойств системы, антипод уязвимости, а устойчивость — характеристика ее развития. Таким образом, устойчивое развитие территориальной социально-экономической системы предполагает наличие множества свойств, среди которых присутствует и шокоустойчивость.

В-третьих, идентифицированы компоненты шокоустойчивости территории, которые могут быть оценены количественно и качественно:

- способность предвидеть и предотвращать шоки (предполагает наличие системы мониторинга и защиты);
- способность сопротивляться и абсорбировать (как готовность быстрой реакции на угрожающие события);
- способность адаптироваться (готовность своевременно начинать мероприятия по смягчению последствий);

– способность реагировать (готовность системы управления и профильных служб к участию в немедленной ликвидации последствий шоков, борьбе с распространением последствий);

– способность восстанавливаться (наличие мозговых центров, готовых проанализировать разные варианты и возможности восстановления).

В-четвертых, шокоустойчивость территориальной социально-экономической системы раскрывается как функция шокоустойчивости таких подсистем, как: экономика, гражданское общество и социальный капитал, критическая инфраструктура, цепочка поставок, управление.

Для характеристики шокоустойчивости территорий следует отметить точку зрения В. В. Акбердиной о факторах резилиентности экономических систем, которые распределены ею по двум группам: «...1) „врожденные“, обусловленные структурными особенностями и сложившимся эволюционным путем развития; 2) „приобретенные“ (адаптивные), связанные со сглаживанием последствий шоков с использованием дополнительных усилий» [1, с. 30]. Такая группировка может дать возможность далее обозначить системные свойства экономического развития муниципального образования и, соответственно, механизмы регионального и муниципального регулирования, способствующие выживаемости муниципальной экономики в условиях турбулентной динамики.

Также считаем значимым обратить внимание на социальный аспект резилиентности. Как отмечают О. А. Романова, Д. В. Сиротин, А. О. Пономарева, «...социальная резильентность характеризует способность социальных общностей и групп справляться с последствиями внешних воздействий в различных сферах жизнедеятельности, используя при этом возможности преобразования имеющегося не только внутреннего потенциала, но и потенциала внешней среды» [7, с. 624]. Кроме того, в новых геополитических условиях существенно масштабируются политические риски. По мнению Л. Г. Матвеевой и Д. С. Гриднева, «...резильентность — это не только продукт политической стабильности; но, на наш взгляд, именно социополитическая сфера в большей степени влияет на устойчивость общества к разного рода шокам. А общество, не характеризующееся резильентностью, быстро ме-

няет свою структуру, генерируя риски и наращивая внутренний антагонистический потенциал» [5, с. 161–162]. Таким образом, экономическое развитие муниципальных образований как сложный процесс нуждается в описании не только с помощью количественных экономических индикаторов, но также и качественных неэкономических характеристик, прежде всего социально-демографических и духовно-нравственных.

В исследовании Н. Н. Михеевой представлена оценка устойчивости российских регионов к внешним шокам, под влиянием которых страна оказалась в 2020 и в 2022 гг. По мнению Н. Н. Михеевой, внешний шок оказывает на региональное развитие непосредственное влияние, которое проявляется как реакция экономики на внешнее воздействие в краткосрочном периоде. А в качестве следствия шоков в среднесрочном и долгосрочном периоде выступает адаптация экономики к новым условиям. Результатом адаптации могут стать структурные изменения экономики региона, появление в регионе новых производств и ликвидация существующих, в более общем случае переход региона на новую траекторию развития, преодоление «эффекта колеи» (path dependence). Альтернативой является возвращение региона к дошоковой структуре экономики, адаптация за счет существующих в регионе конкурентоспособных производств [6, с. 152]. Разные регионы в силу того, что они обладают различным потенциалом и различной структурой экономики, имеют различную региональную специализацию, по-разному реагируют на внешние шоки, в разное время входят в кризис и выходят из него. В отношении муниципальных образований также можно провести данную аналогию.

Обобщая изложенные выше положения, следует сделать вывод, что внешние шоки влияют на траекторию экономического развития муниципального образования.

Возможны следующие варианты траектории как ответной реакции на шок:

- восстановление докризисной траектории;
- восстановление на уровне ниже докризисного, но с сохранением докризисных темпов экономического развития;
- восстановление на уровне ниже докризисного, но с замедленными темпами экономического развития;
- восстановление от уровня выше, чем докризисный.

Вопросы шокоустойчивости в научном дискурсе рассматриваются, как правило, в ракурсе стран или регионов как публично-правовых образований, а также отраслей как консолидированной категории. При характеристике экономического развития муниципального образования мы исходим из того, что, с одной стороны, муниципальное образование является компонентом социально-экономической системы государства, субъекта РФ, а с другой стороны, само является сложной социально-экономической системой.

Принимая во внимание опыт становления муниципальной экономики и местного хозяйства, связанный с эволюцией местного самоуправления в России, можно утверждать, что экономическое развитие муниципального образования — и в обычных условиях, и в условиях новой реальности — это не просто процесс изменения экономических показателей и параметров, которому присуща чисто экономическая механика, а результат взаимодействия и деятельности различных акторов и сил в пространстве муниципального образования.

Библиографический список

1. Акбердина В. В. Системная устойчивость промышленности индустриальных регионов к условиям санкционного давления: оценка и перспективы // *Journal of New Economy*. 2022. Т. 23, № 4. С. 26–45.
2. Анимица Е. Г., Дворяжкина Е. Б., Силин Я. П. Местное самоуправление: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГЭУ, 2006. 89 с.
3. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // *Региональные исследования*. 2020. № 3 (69). С. 4–15.
4. Климанов В., Казакова С., Михайлова А. Региональная резилентность: теоретические основы постановки вопроса // *Экономическая политика*. 2018. Т. 13, № 6. С. 164–187.
5. Матвеева Л. Г., Гриднев Д. С. Циркулярная парадигма резилентности российской промышленности к политическим рискам и эффективному ответу на большие вызовы // *Вестник Академии знаний*. 2022. № 49 (2). С. 159–168.
6. Михеева Н. Н. Устойчивость регионов России к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2023. Т. 21, № 1. С. 151–174.

7. Романова О. А., Сиротин Д. В., Пономарева А. О. От экономики сопротивления — к резильентной экономике (на примере промышленного региона) // *AlterEconomics*. 2022. № 19 (4). С. 620–637.

8. Чернова О. А. Проблемы региональной резилиентности в российских исследованиях // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023. № 1. С. 277–284.

Е. Г. Калабина, С. Н. Смирных, Е. А. Есина

Сравнительный анализ моделей цифровизации региональных систем здравоохранения

Исследование направлено на идентификацию типовых моделей цифровизации здравоохранения в российских регионах. Объектом исследования выбраны системы здравоохранения регионов Уральского федерального округа. Сравнительный анализ промежуточных результатов функционирования различных моделей цифровизации региональных систем здравоохранения показал, что эффективность «децентрализованной» модели цифровизации (случай Свердловской области) ниже, чем «централизованной» (кейс Тюменской области).

Ключевые слова: региональная система здравоохранения; модель цифровизации, медицинские услуги.

Важнейшим современным трендом развития российского здравоохранения является цифровизация, затрагивающая как организационно-экономический механизм функционирования медицинских организаций и отраслевых органов управления, так и собственно процесс оказания медицинских услуг населению.

Следовательно, цифровая трансформация сферы здравоохранения означает выстраивание не только новой модели функционирования медицинских организаций и органов управления здравоохранением, но и совершенствование механизма их взаимодействия с пациентами на цифровой основе [4, с. 128]. Ключевой задачей цифровой трансформации здравоохранения является укрепление здоровья населения на основе профилактики и ранней диагностики болезней, а также практической реализации принципа пациентоориентированности [4].

В качестве основных направлений цифровизации здравоохранения в России были выделены [4]:

– развитие телемедицинских услуг;

- внедрение специализированных медицинских информационных систем (МИС), запуск электронных услуг и сервисов;
- совершенствование механизмов дистанционного мониторинга состояния здоровья.

Несмотря на реализацию общенациональной программы цифровизации в различных отраслях и сферах деятельности (в том числе в здравоохранении), темпы и результативность реализации стратегии цифровой трансформации здравоохранения в различных регионах характеризуются высокой дифференциацией.

Данное исследование направлено на выявление типовых моделей цифровизации региональных систем здравоохранения в России. Основным инструментом изучения цифровой трансформации региональных систем здравоохранения выбран метод «кейс-стади», полигон исследования — регионы Уральского федерального округа.

Стоит отметить, что предметом нашего изучения являются организационно-экономические аспекты цифровизации в выбранной отрасли, что обусловлено практической реализацией двух стратегических проектов:

- 1) формирование единого цифрового контура в здравоохранении на основе внедрения единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ);
- 2) создание специализированных вертикально интегрированных медицинских информационных систем (ВИМИС).

Подходы к проведению цифровой трансформации здравоохранения в регионах могут отличаться «уникальностью» в силу множества причин. Например, на результативность цифровизации существенно влияет уровень готовности региональных систем здравоохранения к ее проведению [3].

Мы понимаем, что разработка полноценной типологии моделей цифровизации систем здравоохранения, реализуемых в российских регионах, является актуальной, но достаточно сложной исследовательской задачей. Вместе с тем применение метода «кейс-стади» для первичного эмпирического изучения процесса цифровизации сферы здравоохранения в регионах Уральского федерального округа позволило выделить следующие типовые модели (см. таблицу).

**Сравнительная характеристика
типовых моделей цифровизации
региональных систем здравоохранения**

Характерные черты моделей цифровизации	«Централизованная» модель (кейс Тюменской области)	«Децентрализованная» модель (кейс Свердловской области)
1. Способ разработки и реализации стратегии и тактики цифровизации региональной системы здравоохранения	Стратегия и тактика цифровизации разрабатывается «сверху вниз»	Стратегические параметры определяются органами государственного управления региона, медорганизации самостоятельно принимают тактические решения
2. Тип МИС, используемой организациями здравоохранения	Преимущественное использование одного типа МИС медицинскими организациями	Медицинские организации выбирают различные типы МИС, учитывая специфику деятельности
3. Источники финансирования процесса внедрения МИС и сервисов в государственных и муниципальных медорганизациях	Частичное финансирование за счет бюджетных средств	Финансирование затрат медицинскими организациями (преимущественно за счет «внебюджетных» доходов)
4. Полнота контроля процесса и результатов цифровизации деятельности медицинских организаций государственными органами управления субъекта РФ	Полноценный контролинг процесса и результатов цифровизации госорганами управления субъекта РФ	Госорганы управления выполняют контроль результатов, но их функции по сопровождению и корректировке процесса цифровизации деятельности медицинских организаций минимальны

Стоит отметить, что нами выделены типовые модели, которые в определенной степени являются «крайними (разнополюсными)» способами проведения цифровизации систем здравоохранения в регионах. Существуют и другие модели. В частности, можно выделить «смешанную» модель цифровизации, сочетающую черты двух описанных вариантов. Предварительно можно сказать, что «смешанная» модель реализуется в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Однако для более полной и обоснованной типологии существующих моделей требуется более глубокий анализ кейсов цифровизации систем здравоохранения в различных регионах.

Для оценки результативности выявленных моделей цифровизации региональных систем здравоохранения можно использо-

вать различные способы. В первую очередь, можно использовать данные официального рейтинга цифровой зрелости здравоохранения регионов России [1]. Рейтингование регионов по уровню цифровой зрелости в 2021 г. показало, что два субъекта УрФО входят в пятерку лидеров: первое место занимал Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область стала пятой в рейтинге (см. рисунок).

Рейтинг цифровой зрелости субъектов Российской Федерации
в сфере здравоохранения за 9 месяцев 2021 г., %¹

¹ Сост. по: [1].

Свердловская область заняла лишь 67-е место в рейтинге, имея уровень цифровой зрелости ниже среднероссийского значения.

Анализ динамики цифровой зрелости региональных систем здравоохранения также можно провести на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Так, в среднем по России дистанционно записываются на прием к врачу 72,1 % пациентов (по состоянию на сентябрь 2023 г.), в Свердловской области дистанционная запись доступна менее чем половине пациентов (43,8 %), в ХМАО — 63,4 %, а в Тюменской области — 100 % пациентов¹.

Второй индикатор результатов цифровизации здравоохранения в Российской Федерации — доля граждан-пользователей Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), для которых доступны электронные медицинские документы в Личном кабинете пациента «Мое здоровье» (по факту оказания медицинской помощи за период). Динамика этого показателя по России за период с декабря 2021 г. по сентябрь 2023 г. была положительной (с 20 % до 70,7 % соответственно). Однако в исследуемых регионах УрФО ситуация с доступностью электронных медицинских карт в личном кабинете «Мое здоровье» сильно различается: в Тюменской области указанный показатель равен 100 %, в ХМАО — 73,7 %, а в Свердловской области он составляет лишь 48,8 % (сентябрь 2023 г.)².

Удельный вес государственных и муниципальных медицинских организаций, которые используют медицинские информационные системы, интегрированные с ЕГИСЗ, — третий показатель результативности цифровизации здравоохранения. В сентябре 2023 г. доля медицинских организаций, которые использо-

¹ Доля записей на прием к врачу, совершенных гражданами дистанционно / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61870> (дата обращения: 23.11.2023).

² Доля граждан, являющихся пользователями Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), которым доступны электронные медицинские документы в Личном кабинете пациента «Мое здоровье» по факту оказания медицинской помощи за период / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61869> (дата обращения: 23.11.2023).

вали МИС, интегрированные с ЕГИСЗ, в Свердловской области составила 86,6 %; в Тюменской — 96,6 %; в ХМАО — 91,7 % (в среднем по РФ — 94,7 %)¹.

Последний индикатор, позволяющий оценить результаты цифровизации в сфере здравоохранения, доступный в ЕМИСС, — доля государственных и муниципальных медицинских организаций, подключенных к централизованным подсистемам ГИС в сфере здравоохранения. Уровень данного показателя по России в сентябре 2023 г. достиг 98,9 %; в исследуемых регионах Уральского федерального округа он составил 100 %².

Таким образом, можно констатировать, что промежуточные результаты цифровизации здравоохранения в Свердловской области ниже, чем в Ханты-Мансийском автономном округе и Тюменской области. В большинстве случаев цифровая зрелость системы здравоохранения Свердловской области ниже среднероссийского уровня (3 из 4 показателей). Следовательно, результативность «централизованной» модели цифровизации здравоохранения в Тюменской области выше, чем «децентрализованной» (случай Свердловской области). Пока данный вывод основан на сравнении лишь имеющихся промежуточных показателей цифровой зрелости здравоохранения в субъектах Российской Федерации. Достоверность оценки цифровой зрелости региональных систем здравоохранения можно повысить на основе учета конечных результатов цифровизации.

Определение конечных результатов цифровой трансформации здравоохранения может быть основано на методологической схеме качества в здравоохранении А. Донабедиана [5].

¹ Доля медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения, использующих медицинские информационные системы для организации и оказания медицинской помощи гражданам, обеспечивающих информационное взаимодействие с единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61871> (дата обращения: 23.11.2023).

² Доля медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения, подключенных к централизованным подсистемам государственных информационных систем в сфере здравоохранения субъектов РФ / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61867> (дата обращения: 23.11.2023).

Схема Донабедиана включает [6]:

- качество структуры организации лечения (ресурсы);
- качество процесса оказания медицинской помощи;
- качество результатов.

Согласно указанной схеме конечные результаты могут быть измерены как отношение достигнутых результатов к планируемым. Тогда для оценки конечных результатов цифровой трансформации здравоохранения можно использовать показатели уровня выживаемости (смертности), удовлетворенность пациентов качеством оказания медицинских услуг, продолжительность жизни и др. [2].

Библиографический список

1. *Афян А. И., Полозова Д. В., Гордеева А. А.* Цифровая трансформация государственной системы здравоохранения России: возможности и противоречия // *Цифровое право*. 2021. № 2 (4). С. 20–39.
2. *Кривенко Н. В., Елишев В. Г., Кривенцова Л. А.* Влияние инноваций на результативность здравоохранения в системе экономической безопасности региона // *Экономика региона*. 2019. Т. 15, № 1. С. 164–177.
3. *Матушкина Н. А., Котлярова С. Н., Мыслякова Ю. Г.* Оценка готовности регионального транспортного комплекса к цифровой трансформации // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, № 3. С. 802–819.
4. *Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. НИУ ВШЭ. К XXIII Ясинской (Апрельской) Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2022 г.) / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 221 с.*
5. *Donabedian A.* Explorations in Quality Assessment and Monitoring: The definition of quality and approaches to its assessment. Health Administration Press, 1980. 163 p.
6. *Liu S. W., Singer S. J., Sun B. C., Camargo C. A., Jr.* A Conceptual Model for Assessing Quality of Care for Patients Boarding in the Emergency Department: Structure-Process-Outcome // *Academic Emergency Medicine*. 2011. Vol. 18, no. 4. P. 430–435.

Цифровое пространство интеллектуального капитала логистических компаний

Рассматриваются процессы воздействия интеллектуального капитала на основе интеллектуальной собственности, искусственного интеллекта и человеческого капитала в едином цифровом пространстве с целью получения прибыли всеми участниками коммерциализации интеллектуальной собственности, в том числе в логистических компаниях, основная цель которых составить план движения информационного, материального и финансового потока наиболее выгодным способом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; коммерциализация; интеллектуальный капитал; логистика; авторское право.

Интеллектуальный капитал в процессе трансформации экономического общества в России проживает стадии от создания объектов интеллектуальной собственности в виде изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, а также объектов авторского права до момента создания существующих и новых форм интеллектуальной собственности при помощи искусственного интеллекта [6]. Процесс идет уже порядка 30 лет, что дает возможность говорить о внедрении во многие сферы национальной экономики объектов интеллектуальной собственности и их коммерческом использовании [8]. Можно рассмотреть удельный вес организаций, использовавших информационные и коммуникационные технологии, в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес организаций, использовавших информационные и коммуникационные технологии, в Российской Федерации, % общего числа обследованных организаций

Показатель	2020	2021	2022
1. Организации, использовавшие:			
персональные компьютеры	80,7	81,8	79,6
серверы	46,4	42,2	41,2
локальные вычислительные сети	54,7	54,9	53,1
из них:			
сеть Интернет	—	79,6	77,9
фиксированный Интернет	77,0	77,9	76,2

Окончание табл. 1

Показатель	2020	2021	2022
мобильный Интернет в том числе широкополосный доступ	39,9 58,1	40,5 75,6	40,1 74,1
2. Организации, имевшие: веб-сайт в сети Интернет аккаунт в социальных сетях	44,3 33,5	46,2 34,7	45,6 36,7

Примечание. Сост. по: Наука, инновации и технологии / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 01.02.2024).

По приведенным данным видно, что процент компаний, включенных в цифровую среду, достаточно велик, но тогда встает вопрос правомерного использования и защиты цифровых интеллектуальных продуктов, включенных в информационные и коммуникационные технологии.

Процесс использования интеллектуального капитала в информационных и коммуникационных технологиях достаточно сложный.

Основные участники следующие [9]:

- авторы (изобретатели) интеллектуального продукта;
- предприятия народных отраслей экономики, использующие интеллектуальные продукты;
- программное обеспечение и владельцы авторских прав на него;
- финансовые институты и частные инвестиционные компании;
- виртуальные технопарки и провайдеры интернет-пространства;
- собственники интеллектуального капитала.

Все указанные участники на долевых правах действуют в цифровом пространстве с определенными затратами, которые включают не только создание самого интеллектуального продукта, но и инфраструктурные затраты на обеспечение ряда издержек, связанных прежде всего с защитой и продвижением интеллектуального продукта.

Структура затрат на внедрение и использование цифровых технологий следующая [3].

1. Внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий:

- приобретение основных фондов предприятия, связанных с цифровыми технологиями, а также их техническое обслуживание, модернизация, текущий и капитальный ремонт;
- приобретение программного обеспечения, адаптация и доработка программного обеспечения;
- обучение сотрудников, связанных с внедрением и использованием цифровых технологий;
- оплата услуг электросвязи;
- приобретение цифрового контента;
- прочие внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий.

2. Внешние затраты на внедрение и использование цифровых технологий:

- аренда, техническое обслуживание, модернизация, текущий и капитальный ремонт машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями;
- разработка, аренда, адаптация, доработка, техническая поддержка и обновление программного обеспечения;
- доступ к базам данных и базы данных.

3. Затраты на продукты и услуги в области информационной безопасности.

Таким образом, можно говорить о структуризации затрат на создание и коммерческое использование интеллектуального продукта в цифровом пространстве [2].

В логистических компаниях существует особенность использования цифрового пространства как единственного способа общения между всеми участниками логистического процесса, поэтому защита интеллектуального продукта в цифровом пространстве логистических компаний наиболее важный момент.

Интеллектуальными продуктами логистического процесса являются [7]:

- авторские права на программное обеспечение систем закупки, транспортировки, хранения и распределения товарно-материальных ценностей;
- авторские права на схему транспортировки товара по определенному маршруту, а также программные продукты;

– авторские права на торговые и фирменные наименования, наименования мест происхождения товаров, используемые в собственности логистических компаний;

– информационные потоки, имеющие коммерческую тайну, и коммерциализованные авторские информационные потоки.

В результате использования интеллектуальных продуктов участники логистического процесса получают доступ в закрытую коммерческую сеть, расположенную в цифровом пространстве, доступ к которой имеет более половины всех организаций в Российской Федерации [1].

В табл. 2 представим структуру использования информационных и коммуникационных технологий.

Т а б л и ц а 2

**Способы использования
информационных и коммуникационных технологий,
% общего числа обследованных организаций**

Направление использования	2020	2021	2022
1. Финансовые расчеты в электронном виде	41,8	42,3	47,0
2. Электронные справочно-правовые системы	42,8	43,6	47,5
3. Управление закупками товаров (работ, услуг)	26,6	26,9	33,7
4. Управление продажами товаров (работ, услуг)	17,9	18,6	26,6
5. Предоставление доступа к базам данных через глобальные информационные сети	22,1	21,8	28,4
6. Обучающие программы	15,3	16,1	26,1
7. Управление автоматизированным производством и (или) отдельными техническими средствами и технологическими процессами	7,7	7,4	15,7
8. Проектирование	9,9	10,0	17,0
9. CRM-системы	12,1	13,4	21,9
10. ERP-системы	13,0	13,8	21,9
11. SCM-системы	4,8	4,8	14,3
12. Научные исследования	3,8	2,6	11,3
13. Прочие	20,1	19,7	27,1

Примечание. Сост. по: Наука, инновации и технологии / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 01.02.2024).

Исходя из представленных данных можно отметить, что доля компаний, использующих информационные и коммуника-

ционные технологии, растет, что влечет за собой усложнение защиты информации.

Потоковые процессы, протекающие в логистических компаниях в рамках цифрового пространства, образуют замкнутую внутреннюю систему, состоящую из нескольких блоков информации [5]:

- управленческая (создание и планирование потоковых процессов);

- производственно-техническая (закуп сырья, материалов, товарно-материальных ценностей, их хранение, разгрузочно-погрузочные операции, транспортировка);

- правовая (разработка на основе патентного права защиты авторских и интеллектуальных прав, а также защита от противоправного использования третьими лицами, цифровая защита, лицензионное регулирование);

- коммерциализация интеллектуальных продуктов в цифровом пространстве другими участниками логистического процесса (использование CRM-, ERP-, SCM-систем, а также продажа и коммерческое использование баз данных).

Внутренняя система цифрового пространства логистической компании, которая использует интеллектуальный потенциал, заведомо более устойчива к внешним макро- и микроэкономическим изменениям, так как основана на собственном производстве, информационном ресурсе и практически не зависит от внешнего воздействия интеллектуального капитала. Кроме того, компания имеет возможность самостоятельно на основе лицензионных соглашений увеличивать собственный интеллектуальный капитал и развивать сеть цифровых продуктов, что ставит в зависимость участников логистического процесса [10, р. 44–57].

Всего за 2022 г. объем инновационных товаров, работ, услуг на территории РФ составил 6 377 248,5 млн р., что превышает на 377 млн р. соответствующий показатель 2021 г. Увеличению способствовал процесс развития и модернизации компьютерных технологий, а также огромное количество национальных проектов и региональных программ развития отрасли цифрового проектирования. В логистических компаниях многие процессы не представляются возможными без новых цифровых проектов [4].

Таким образом, отмечается увеличение количества интеллектуального капитала в цифровом пространстве логистических компаний, а также углубление знаний в коммерческих проектах развития интеллектуальной собственности и ее защиты.

Библиографический список

1. *Бобылева К. В.* Вклад нематериальных активов в экономический рост: как меняются оценки при переходе от СНС 1993 к СНС 2008: препринт WP2/2021/02. М.: Высшая школа экономики, 2021. 25 с.
2. *Дыбская В. В.* Логистика складирования: учебник. М.: ИНФРА-М, 2013. 558 с.
3. *Лукинский В. С., Лукинский В. В., Плетнева Н. Г.* Логистика и управление цепями поставок: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2016. 359 с.
4. *Топоркова Е. В.* Формирование системы управления логистическим потоком НИОКР виртуального технопарка // Потребительский рынок Евразии: современное состояние, теория и практика в условиях Евразийского экономического союза и ВТО: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29 ноября 2019 г.). Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. С. 133–137.
5. *Топоркова Е. В., Кондратенко И. С.* Движение интеллектуального потока во взаимосвязи автора-изобретателя и интеллектуального потенциала общества // Урал — драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы IV Урал. экон. форума (Екатеринбург, 20–21 октября 2022 г.). Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 316–319.
6. *Туфетулова Л. Ф.* Управление интеллектуальным потенциалом предприятий: на примере Республики Татарстан: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Казань, 2002. 215 с.
7. *Уткин Э. А., Морозова Г. И., Морозова Н. И.* Инновационный менеджмент. М.: АКАЛИС, 1996. 207 с.
8. *Федорова Н. В.* Управление интеллектуальными ресурсами промышленного предприятия: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Красноярск, 2002. 162 с.
9. *Эдвинссон Л., Мэлоун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая индустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 429–447.
10. *Sveiby K. E.* The New Organizational Wealth: Managing & Measuring Knowledge-based Assets. Berrett-Koehler Publishers, 1997. 220 p.

Некоторые аспекты проектно-целевого методического подхода в исследовании преобразующих инвестиций

В статье рассмотрены некоторые аспекты проектно-целевого методического подхода, используемого наряду с другими подходами при исследовании преобразующих инвестиций. Показано, что реализация преобразующих проектов, осуществляемая в условиях неоднородности протекания социально-экономических процессов, имеет свою специфику, включая оказываемое ими воздействие. Предлагаемый автором методический подход предусматривает прохождение ряда этапов, позволяющих учесть особенности данных проектов.

Ключевые слова: преобразующие инвестиции; проектно-целевой методический подход; социальная сфера.

Исследования преобразующих инвестиций, реализация которых в экономическом пространстве любой системы (страны, региона, муниципального образования) осуществляется в форме конкретных инвестиционных проектов, призванных обеспечить трансформацию данного пространства, включают несколько аспектов. Не останавливаясь на специфике преобразующих инвестиций, их сущностно-содержательных характеристиках и принципах реализации, которые рассмотрены нами ранее в соавторстве с Е. Г. Анимицей и Е. Б. Дворядкиной [1], а также в трудах отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих сопряженные понятия (социальные, устойчивые, ответственные, ESG-инвестиции и др.) [2; 4; 5; 6; 8; 10; 13; 16], в данной статье осветим некоторые аспекты их исследования с точки зрения методического подхода, в качестве которого выбран проектно-целевой подход.

Необходимо отметить, что автор разделяет понятия «методологический подход» и «методический подход». Реализация преобразующих инвестиций осуществляется в экономическом пространстве региона в виде преобразующих проектов, и в этой связи специфика проектной методологии обуславливается именно оказываемым воздействием, которое «встраивается» в этапы (фазы) реализации преобразующего проекта; оно (воздействие) учитывается при оценке эффективности преобразующего проекта, а также при оценке рисков проекта (проектов воздействия).

При обосновании достижений результатов от преобразующих проектов необходима предварительная разработка теории изменений (она позволяет связать планируемую деятельность и ожидаемые результаты), под которой согласно работе Бибху Мишра (Bibhu Mishra) «понимается видение инвесторов, посредников и агентств-исполнителей ... как добиться позитивных изменений в обществе и в организациях» (перевод наш. — Г. К.) [15, р. 24].

Выбранный проектный методологический подход может быть конкретизирован в преломлении к проектно-целевому методическому подходу. Указанный подход базируется на интеграции проектного и целевого подходов, предусматривающих достижение определенных целей (результатов) при реализации проектов. Проектно-целевой подход при исследовании преобразующих инвестиций представляет один из инструментов управления социальной сферой экономики на основе реализации преобразующих проектов, имеющих своей целью не только обеспечение определенного социального эффекта, но и достижение финансовой отдачи, а также позволяющих в постоянно меняющихся условиях обеспечить реализацию стратегических целей развития региона. В этой связи, на наш взгляд, слово «целевой» означает достижение заранее запланированной цели и получение конкретного результата.

Рассмотрим определение инвестиционного проекта согласно редакции Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»: это «ограниченный по времени осуществления и затрачиваемым ресурсам комплекс взаимосвязанных мероприятий и процессов, направленный на создание (строительство) и последующую эксплуатацию новых либо на реконструкцию и (или) модернизацию и последующую эксплуатацию существующих объектов недвижимого имущества (в том числе на реконструкцию и (или) модернизацию и последующую эксплуатацию существующих объектов недвижимого имущества на основании концессионного соглашения или договора аренды) и (или) комплекса объектов движимого и недвижимого имущества, связанных между собой, и (или) на создание и использование результатов интеллектуальной деятельности и (или) приравненных к ним средств индивидуализации в целях извлечения прибыли и (или)

достижения иного полезного эффекта, в том числе предотвращения или минимизации негативного влияния на окружающую среду». Преобразующий проект не перестает быть инвестиционным, так как преобразующим инвестициям присущи все характеристики традиционных инвестиций, однако, как уже указывалось выше, им присущ аспект воздействия, на котором в «традиционных» проектах инвесторы не акцентируют внимание.

В настоящее время на законодательном уровне нет понятия «преобразующий инвестиционный проект». Однако различия между традиционным и преобразующим (импакт) инвестированием можно обосновать следующим образом (см. таблицу).

Традиционное и преобразующее (импакт) инвестирование

Характеристика	Традиционное инвестирование	Преобразующее (импакт) инвестирование
Полезность/выгода	Полезность/выгода исходит от потребления, а не от инвестиций	Полезность/выгода для инвестора варьируется в зависимости от воздействия (экологического и социального) инвестиций на окружающую среду и общество
Взаимозаменяемость	Инвестиции взаимозаменяемы между инвесторами	Преобразующие инвестиции не взаимозаменяемы между инвесторами
Реализация	Инвестиции в основном осуществляются на основе риска и доходности	Инвестиции осуществляются с учетом дополнительных экологических и социальных выгод, а также, с поправкой на риск, и предполагаемой доходности
Взаимодействие	Не требуется взаимодействия с межотраслевыми партнерами	Взаимодействие требуется, роль партнерства и сотрудничества имеет решающее значение
Оценка эффективности инвестиций, используемые методы	Оценка эффективности не предусматривает оценку оказываемого воздействия; проводится с использованием стандартных принципов, алгоритма, методов оценки (NPV, PI, IRR, DPP и др.). Методика оценки апробирована и подходит для любых проектов	Предусматривается обязательная оценка (измерение) оказываемого воздействия; используются как стандартные методы оценки (NPV, PI, IRR, DPP и др.), так и расчет коэффициента SROI. Методика оценки не прошла полной апробации, используются различные подходы, принципы, стандарты

Примечание. Сост. по: [3; 7; 14].

Считаем необходимым обратить особое внимание на параметр «взаимодействие», предусматривающий взаимодействие политики (поддерживает и способствует распространению инвестиций воздействия), благотворительности (создает новое поле для воздействия) и инвестиций (рынки капитала могут быть использованы в качестве нового рычага для создания воздействия), поэтому на «стыке инвестиций, благотворительности и политики импакт-инвестирование сочетает в себе различные институциональные элементы этих секторов» (перевод наш. — Г. К.) [14, р. 37].

Ключевой особенностью преобразующих проектов, позволяющей разграничивать их с «обычными» проектами, как уже было представлено ранее, является намерение преобразующих инвесторов оказывать положительное воздействие [9], обозначенное до начала реализации проекта, их обязательное воздействие и оценка данного воздействия. С учетом вышесказанного реализация проектно-целевого методического подхода предусматривает прохождение следующих этапов.

Этап 1. Осознание социальных проблем, требующих решения.

Социальная проблема — «это любое состояние или поведение, которое имеет негативные последствия для большого числа людей и которое обычно признается состоянием или поведением, требующим решения. Это определение имеет как *объективную*, так и *субъективную* составляющую» (перевод наш. — Г. К.) [12, р. 2]. Объективный компонент социальной проблемы означает возникновение состояния системы, имеющего негативные последствия для большинства людей (пример — изменение климата). Субъективный компонент выражается в том, что в обществе должно быть понимание того, что имеются определенные проблемы, которые необходимо решить, что это должна быть социальная проблема, на которую обращают внимание политики (пример — случаи насилия в семье, которые не считались социальной проблемой до возникновения движения женщин, указывающих на их неравное положение в обществе).

Этап 2. Обоснование цели преобразующего проекта, выбор направлений инвестирования.

Основной задачей данного подхода в исследуемых сферах (например, в социальной сфере) является анализ факторов, влия-

ющих на реализацию в регионе инвестиционной политики в таких отраслях, как:

- здравоохранение — проекты, направленные на увеличение продолжительности жизни населения;

- образование — содействие образованию, начиная с раннего детства и на протяжении всей жизни; обеспечение на основе образования равенства возможностей, преодоление неравенства, возникающего из-за новых технологий и необходимости владения новыми навыками;

- качество жизни и социальная реализация — проекты, повышающие удовлетворенность населения существующим уровнем жизни и возможностью реализации и адаптации на всех этапах жизненного цикла.

Основные цели реализации программ (проектов) — снижение социальной напряженности в регионе, решение социальных проблем.

Этап 3. Оценка и управление социальным воздействием, мониторинг результатов.

Согласно Стандарту социальной отчетности (SRS)¹, под результатом (воздействием) следует понимать изменения, происходящие в среде целевых групп и (или) всего сообщества в результате выполненной работы, при этом наблюдаемое изменение (изменения) может быть положительным или отрицательным, преднамеренным или непреднамеренным, ожидаемым или неожиданным.

В результате реализации преобразующих инвестиций могут происходить изменения:

- в обществе;
- в жизненной ситуации целевых групп;
- в поведении и навыках целевых групп.

В рамках данного этапа на региональном уровне происходит формирование проектов (программ), поиск инвесторов, обоснование необходимых ресурсов, предварительные расчеты проектов с обоснованием различных видов эффективности (коммер-

¹ Social Reporting Standard. Stand 2014. Creative Commons BY-ND 3.0. URL: https://static1.squarespace.com/static/63345e3edc632113a449f6b3/t/6386331482e98a54b0325370/1669739291030/SRS_Leitfaden_2014.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

ческой, бюджетной, общественной) с учетом значимости проекта для региона и страны в целом. Также на данном этапе необходим учет рисков проектов (и программ), определяющих условия их реализуемости.

Особенность проектной деятельности в отличие от рутинной (производственной, операционной) заключается в том, что, несмотря на наличие жизненного цикла, управление ею в отличие «от функциональной деятельности ведется на основе однократной, а не циклической деятельности» [11]. Специфика проектно-целевого методического подхода требует учета достаточно большого количества параметров как самого проекта, так и факторов внутренней и внешней среды), методических аспектов его оценки, учета воздействия, типа проекта, направлений инвестирования.

Библиографический список

1. Анимациа Е. Г., Дворяджина Е. Б., Квон Г. М. Преобразующие инвестиции — мейнстрим развития региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 4 (83). С. 83–95.
2. Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги / пер. с англ. А. Чернышова. М.: Полит. энцикл., 2017. 271с.
3. Беренс В., Хавранек П. М. Руководство по подготовке промышленных технико-экономических исследований: пер. с англ. М.: Интер-эксперт. 1995. 343 с.
4. Денисов С. А., Джазовская И. Н. Выявление сущностных признаков понятия «преобразующее инвестирование» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2 (42). С. 199–206.
5. Кикал Д., Лайонс Т. Социальное предпринимательство. Миссия — сделать мир лучше: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. 304 с.
6. Львова Н. А. Ответственные инвестиции: теория, практика, перспективы для Российской Федерации // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 56–67.
7. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (Вторая редакция) / кол. авт. под рук. В. В. Косова, В. Н. Лившица, А. Г. Шахназарова. М.: Экономика, 2000. 421 с.

8. *Мировой* опыт развития импакт-инвестиций 2020. Отчет Фонда «Наше будущее». URL: <https://www.b-soc.ru/wp-content/uploads/2020/03/issledovanie.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).

9. *Морган С.* Реальное воздействие: как инвестиции помогают построить лучший мир: пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. 272 с.

10. *Романова О. А., Матвеева Я. А.* Конкурентные преимущества промышленных предприятий в контексте социальной ответственности и импакт-инвестирования // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 96–110.

11. *Юрева Т. В.* Проектно-целевой подход и его роль в современной экономике // Современные технологии управления. 2015. № 6 (54). С. 71–76.

12. *Barkan S. E.* Social Problems: Continuity and Change. Flat World Knowledge Incorporated, 2013. 662 p. URL: <https://asccc-oeri.org/wp-content/uploads/2021/03/SOCIAL-PROBLEMS.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

13. *Falkowski M., Wiśniewski P.* Impact Investment as a New Investment Class // Review of Business and Economics Studies. 2013. Vol. 1, no. 1. P. 78–88.

14. *Godeke S., Briaud P.* Impact Investing Handbook: an Implementation Guide for Practitioners. Rockefeller Philanthropy Advisors, 2020. 182 p. URL: <https://www.rockpa.org/wp-content/uploads/2020/10/RPA-Impact-Investing-Handbook-1.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

15. *Mishra B.* Social Impact Measurement and Investment: Methods, Limitations and Challenges // Transcience. 2018. Vol. 9, issue 1. P. 20–47. URL: https://www2.hu-berlin.de/transcience/Vol9_No1_20_51.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

16. *OECD.* Social Impact Investment 2019: The Impact Imperative for Sustainable Development. Paris: OECD Publishing, 2019. DOI: 10.1787/9789264311299-en.

Транспортно-логистическое сопровождение внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных вызовов

В статье предпринята попытка рассмотреть текущее состояние экономики Российской Федерации в сравнении с опытом Ирана, обозначить перспективные векторы развития транспортно-логистической составляющей ВЭД российских предприятий в условиях санкционных вызовов. Авторами проведен анализ применения антироссийских санкций, выявлен ряд соответствий и различий в характере ограничений, подходах к их преодолению, отмечены проблемы и важность развития международного транспортного коридора «Север — Юг» для наращивания внешней торговли с азиатскими и ближневосточными странами.

Ключевые слова: транспортная логистика; санкции; ограничения; внешняя торговля; международный транспортный коридор.

Сегодня эффективность глобальных цепочек поставок определяется бесперебойным трансграничным перемещением товаров. Вводимые различными странами международные санкции являются серьезным препятствием для их функционирования и ставят под угрозу деятельность всех звеньев этих цепей — от поставщиков сырья до конечных потребителей готовой продукции. Мировая экономика, продолжая свое восстановление от последствий пандемии COVID-19, столкнулась с новыми вызовами в 2022 г. Несмотря на то что санкции являются инструментом внешней политики, принятые в ответ на военные действия на территории Украины ограничения исключительно против России оказали значительное влияние в целом на систему международных экономических отношений, нарушив свободное движение товаров по глобальным и региональным цепям поставок и замедлив рост мировой экономики¹. В условиях геополитических рисков, проблем со страхованием грузов, невозможности использовать привычные логистические маршруты, повышения цен на энергоносители и, как следствие, увеличения стоимости перевозок становится очевидной необходимость изучения изменений в транспортно-ло-

¹ Real GDP growth. Annual percent change / International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/WEO_WORLD/DA/SSA (дата обращения: 05.02.2024).

гистическом сопровождении внешнеэкономической деятельности при долгосрочных последствиях от санкций для структуры всей мировой экономики.

После 24 февраля 2022 г. объем санкций против российских физических и юридических лиц увеличился практически в шесть раз и по состоянию на 12 февраля 2024 г. составил 16 587¹, из них США принято 3 585 ограничительных мер, Канадой — 2 765, Швейцарией — 2 403 и Великобританией — 1 749. Россия занимает в мире лидирующее положение среди стран, в отношении которых введено наибольшее количество санкций. На текущий момент приняты меры в виде финансовых ограничений, торговых ограничений, ограничений свободы передвижения и прочих ограничений (персональных санкций и др.)². До эскалации российско-украинского конфликта первенство принадлежало Ирану, величина действующих против государства ограничений со стороны ЕС, США, Канады, Австралии и других стран достигала отметки в 3 616.

Исторический опыт Ирана, анализ последствий и ошибок позволил «странам-инициаторам» выработать эффективную систему действий международного принуждения, что отразилось на характере и типе антироссийских санкций. Основные отличия в случае с РФ — это разносторонность, «точечная» и секторальная направленность, более сжатые сроки введения [5]. Кроме того, санкционная политика в отношении Ирана первоэтапно применялась ЕС и США, остальные страны реагировали аналогичными мерами только через определенный период времени, подобная задержка позволяла иранскому правительству разработать стратегию для сокращения и смягчения негативного экономического эффекта от принятых ограничений. Относительно России в марте 2022 г., в течение месяца после первого пакета, к санкциям присоединились Великобритания, Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия, Южная Корея, Тайвань, Швейцария

¹ Russia Sanctions Dashboard / Castellum.AI. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 05.02.2024).

² Ограничительные меры и контрмеры. Информационный бюллетень / Российский экспортный центр. URL: <https://www.exportcenter.ru/company/bulletin/> (дата обращения: 05.02.2024).

и др.¹, что говорит об активных попытках способствовать большей степени изолированности российской экономики и работе как можно меньшего количества «компенсационных» вариантов для продолжения нашего международного сотрудничества.

Несмотря на различия, возникшие в результате усовершенствования США своей санкционной политики, ее последовательность, тактика и подход в российском примере демонстрируют использование практического опыта последних санкций против Ирана. Сходство прослеживается в экстерриториальных последствиях, применении вторичных санкций к юридическим и физическим лицам третьих стран в случае возникновения у них правоотношений с резидентами, представителями определенных отраслей или властных структур государства — объекта санкций [1]. Данная мера частично предусмотрена разделом 231 Закона США «О противодействии противникам Америки посредством санкций» от 2 августа 2017 г., устанавливающего наложение санкций на Иран, Россию и Северную Корею. Так, на его основании в декабре 2020 г. под санкциями оказался секретариат оборонной промышленности Турции, в том числе четыре высокопоставленных должностных лица, за сознательное участие в крупной сделке с российской оборонной компанией по экспорту товаров военного назначения². В 2020 г. санкциям со стороны США подверглась крупная нефтехимическая компания Сингапура, которая закупала в больших объемах продукцию нефтяной иранской организации³. Помимо этого, одной из общих черт для двух государств является добровольный уход с рынка или приостановление деятельности крупных зарубежных компаний в связи с репутационным давлением [2].

¹ *Sanctions against Russia — a timeline* / S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/sanctions-against-russia-8211-a-timeline-69602559> (дата обращения: 05.02.2024).

² *Turkey: U.S. Sanctions Under the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA)* / Congressional Research Service. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/IN11557.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

³ *Treasury Sanctions Companies Involved in Production, Sale, and Shipment of Iranian Petrochemicals and Petroleum* / U.S. Department of the Treasury. 2023. February 9. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1257> (дата обращения: 05.02.2024).

В ответ на жесткие ограничения правительство Ирана приступило к осуществлению антисанкционной политики через импортозамещение, перестройку экономики (переориентацию с сырьевого экспорта), усиление роли государства, диверсификацию внешнеторговых партнеров [4]. Россия в своей практике задействует аналогичные инструменты противостояния санкционному давлению. Как и в ближневосточном государстве, внешняя торговля РФ сменила свой вектор развития. Это подтверждается официальной статистикой стран-партнеров. Товарооборот России и Китая в 2022 г. вырос на 29,3 %, а в 2023 г. — на 26,3 %, достигнув к концу года 240 млрд долл. США¹. Значительный прирост наблюдается и в торговых отношениях с Индией, за период со II квартала 2022 г. по I квартал 2023 г. величина экспорта и импорта страны с РФ составила 49,3 млрд долл. США², что на 276,08 % больше аналогичного периода 2021–2022 гг. В декабре 2023 г. Россия стала четвертым крупнейшим партнером для южноазиатской страны.

Активный рост внешней торговли с Китаем и Индией происходит на фоне ужесточения санкционного давления ЕС, США, Великобритании и других стран в транспортно-логистической сфере. Введены запреты³ на транзит товаров и технологий двойного назначения через РФ, на перемещение по территории ЕС российских и белорусских прицепов и полуприцепов, закрытие воздушного пространства, ограничение доступа к финансовым услугам для РЖД, прекращение признания Российского морского регистра судоходства и запрет на вход в порты всем сертифицированным этим регистром судам независимо от флага, ограничения на вход в порты ЕС судов под российским флагом, возмож-

¹ *China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2023 (in USD)* / General Administrator of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/e1351568-5e17-4534-affd-c369e3506613.html> (дата обращения: 05.02.2024).

² *Government of India*. Ministry of Commerce and Industry. Department of Commerce. URL: <https://tradedat.commerce.gov.in/eidb/default.asp> (дата обращения: 05.02.2024).

³ *Sanctions on transport* / European Commission. URL: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-transport_en (дата обращения: 05.02.2024).

ность задерживать суда в портах или якорных стоянках Великобритании¹ и т. д. Применение мер, нацеленных на подрыв всех секторов логистики, неизбежно привело к снижению товарных потоков и наращиванию внешнеторгового оборота РФ по другим географическим направлениям.

В условиях санкций, ограничивающих доступ к мировым финансовым рынкам и международной торговле, возрастает нацеленность двух «изолированных» государств на расширение сотрудничества со странами Западной и Центральной Азии. Усиление внешнеторговых отношений и развитие совместной инфраструктуры являются основным ориентиром в сотрудничестве Ирана и России. Приоритетной остается деятельность по развитию международного транспортного коридора «Север — Юг» (далее — МТКСЮ), выступающего перспективным альтернативным маршрутом в отсутствие привычных западных логистических путей. Мультимодальная транспортная сеть соединяет Индию с Ираном и Россией. Морская часть коридора включает маршруты между портами Аравийского моря, Персидского залива и Каспийского бассейна. Сухопутное сообщение представлено автомагистралями, проходящими через территории России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Ирана, а также российскими, иранскими, азербайджанскими железнодорожными линиями. Последние могут играть ключевую роль, так как занимают 33–53 % общей протяженности сухопутной части маршрутов². Прогнозируемое снижение стоимости грузоперевозок на 30–40 % из Индии в Западную Европу и сокращение сроков доставки в два раза отражают экономическую выгоду от полного введения в эксплуатацию МТКСЮ [3]. Кроме того, окончание строительства коридора «Север — Юг» позволит реализовать сквозной маршрут для транзита в Европу.

¹ Russia sanctions: guidance. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/russia-sanctions-guidance/russia-sanctions-guidance> (дата обращения: 05.02.2024).

² *Международный транспортный коридор «Север — Юг»* / Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456/ (дата обращения: 05.02.2024).

При этом, безусловно, существуют проблемные вопросы¹, замедляющие процесс использования международного транспортного коридора. Это политическая нестабильность и невозможность ближневосточного государства при растущем долге перед РФ финансировать завершение строительства участка Решт (Иран) — Астара (Азербайджан), напряженность и возрастающий кризис в азербайджано-иранских отношениях, необходимость регулярной модернизации и поддержания обслуживания транспортных путей и международных пунктов пропуска, рассмотрение коридора как потенциальной угрозы собственным транспортным сетям и условиям транзита рядом стран, обеспокоенность возможным нанесением урона их экономическим интересам. Тем не менее для стимулирования международной торговли со странами Ближнего Востока и Азии в условиях экономических санкций МТКСЮ остается приоритетным направлением².

В 2023 г. из России в Иран в рамках свопового договора были отправлены через железнодорожную линию восточной ветки — территории Казахстана и Туркменистана — первые топливные грузы в объеме 30 тыс. т, что стало важным событием для торговли между двумя странами³. В связи с высокими тарифами и ограничениями на морскую транспортировку, которая более подвержена потенциальным санкциям, перевозка дизельного топлива и бензина по железной дороге из России в Иран и наоборот становится все более актуальной. В этом же году запущен контейнерный сервис МТК «Север — Юг». Первые контейнерные поезда, отправившиеся со станции Челябинск-Грузовой в мае и конце июня, успешно провели российский грузы через железнодорожную границу Ирана до южного иранского порта Бендер-Аббас, где контейнера были перегружены и доставлены мор-

¹ *Международный транспортный коридор «Север — Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2 / Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf (дата обращения: 05.02.2024).*

² *Новые вызовы требуют новых решений // Морские вести России. 2024. 30 янв. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1692/107285/> (дата обращения: 05.02.2024).*

³ *СМИ сообщили о первых поставках топлива из РФ в Иран по железной дороге // Известия. 2023. 11 апр. URL: <https://iz.ru/1496708/2023-04-11/smi-soobshchili-o-postavkakh-30-tys-t-rossiiskogo-topliva-v-iran> (дата обращения: 05.02.2024).*

ским транспортом до места назначения — Индии и Саудовской Аравии¹.

Находясь на перекрестке исторических торговых путей, Иран представляет особый интерес для России. Призванное изолировать оба государства от мирового сообщества санкционное давление дает новые стимулы роста и развития их внешнеэкономическому сотрудничеству. Преодоление существующих международных ограничений против РФ и Ирана возможно за счет совместного логистического проекта МТК «Север — Юг», имеющего глобальный масштаб. При полной реализации он способен полностью изменить мировую логистику, став одной из ключевых «артерий» в обеспечении международной торговли.

Библиографический список

1. *Агарвал Д. К.* Экстерриториальные санкции как вызов в отношениях между США и ЕС // Информация и инновации. 2022. Т. 17, № 2. С. 36–44.

2. *Комишук О. В.* Санкции в отношении Ирана: цели и последствия // Экономические и социальные проблемы России. Вып. 2: Влияние санкций на экономику России: оценки российских и зарубежных специалистов / сост.: Н. А. Макашева, Е. А. Пехтерева; науч. ред. Н. А. Макашева. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 24–41.

3. *Малышева Д.* Международный транспортный коридор «Север — Юг» в стратегии России // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2 (51). С. 59–72.

4. *Радиков И.* Противодействие Ирана и России экономическим санкциям: сходство и различие стратегий // ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 1. С. 113–127.

5. *Тимофеев И. Н., Соколицкий Ю. С., Морозов В. А.* Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, № 4. С. 405–420.

¹ *Первый* контейнерный поезд в Саудовскую Аравию отправился с ЮУЖД по коридору «Север — Юг» // Урал-пресс-информ. 2023. 21 июня. URL: <https://uralpress.ru/news/ekonomika/pervyy-konteynernyy-poezd-v-saudovskuyu-araviyu-otpravilsya-s-yuuzhd-po-koridoru> (дата обращения: 05.02.2024).

Исторические пути обеспечения национальной безопасности на железнодорожном транспорте в ситуациях катастроф

Рассматривается исторически обусловленный катастрофический потенциал железнодорожного транспорта. Обосновывается значение исторических примеров катастроф на железнодорожном транспорте для выявления эффективных путей обеспечения национальной безопасности России. Выявляется необходимость анализа исторических фактов железнодорожных катастроф для формирования защитных механизмов их предотвращения.

Ключевые слова: транспортные перевозки; железнодорожное сообщение; национальная безопасность; предупреждение катастроф.

Введение. Железнодорожный транспорт с XIX в. является важнейшей артерией жизнеобеспечения России, поскольку был сначала единственным, а затем приоритетным средством перемещения людей и грузов на большие расстояния, в том числе через труднодоступную местность. Значимость данного вида транспорта обуславливает то, что защита людей и груза при перемещении по железной дороге является важным элементом обеспечения национальной безопасности. Произошедшие в более ранние исторические периоды катастрофы на железной дороге обуславливают необходимость постоянного совершенствования инструментов защиты людей и грузов при перевозках с учетом характера и степени опасности угроз данным защищаемым ценностям.

В современных цифровых условиях эксплуатация железнодорожного транспорта, безусловно, обеспечивается качественно новыми механизмами защиты от уязвимостей. Однако усложнение средств защиты влечет за собой также и усложнение характера уязвимостей и опасностей незаконных вмешательств. В этом контексте формируется современное поле опасностей и катастроф, которое связывает науку с профессиональной и административной, особенно правительственной практикой [10].

Цель статьи — рассмотреть исторические примеры, характеризующие катастрофический потенциал железнодорожного транспорта в контексте национальной безопасности России.

Национальная безопасность направлена на устранение опасностей для значительной части сообществ, регионов или го-

сударств, даже на мировой арене. Частные риски или внутренние меры безопасности четко определенных организаций представляют интерес, но в той мере, в какой они влияют на общественные опасности или отражают их [2].

Исторические примеры катастрофического потенциала железнодорожного транспорта. Проблемы защиты людей и грузов от катастроф при перемещении железнодорожным транспортом привлекают внимание ученых [4, с. 371; 8, с. 41]. Так, В. А. Акимов, Ю. И. Соколов определили, что к опасным грузам, при перевозке которых возникает риск катастрофических последствий, можно отнести те грузы, что могут быть использованы в террористических целях, могут привести к многочисленным людским потерям или значительным разрушениям [1, с. 153]. Исследователи отметили, что показатель аварий и катастроф на транспорте (включая железную дорогу) в России в 2–3 раза выше, чем в других промышленных странах [1, с. 258]. Л. Е. Механтьева, М. Ю. Лещева, Г. М. Набродов подчеркнули, что железные дороги в России простираются приблизительно на 130 тыс. км. На данном виде транспорта осуществляются перевозки до 50 % грузов и большая часть пассажирских перевозок (47 %); в непрерывном движении находится более 43 тыс. грузовых и 20 тыс. пассажирских поездов. К причинам железнодорожных катастроф исследователями отнесены нарушения правил технической эксплуатации, правил безопасности при перемещении опасных грузов; влияние внешних факторов (в зонах стихийных бедствий, техногенных катастроф на предприятиях газовой и нефтяной промышленности, взрывов, пожаров); неправильных действий (бездействия) локомотивных бригад [7, с. 63]. К числу причин аварийности на железных дорогах Р. В. Кошкарлов отнес устаревание оборудования, срок эксплуатации которого превышает 25 лет, несоответствие технических решений современному уровню развития науки и техники, требованиям норм и правил промышленной безопасности [5, с. 110]. Однако отсутствовало комплексное исследование проблемы поиска действенных инструментов защиты от катастроф на железнодорожном транспорте в рамках обеспечения национальной безопасности России.

В федеральном законодательстве также отсутствуют инструменты, нацеленные на предупреждение катастроф на желез-

нодорожном транспорте. Указано только, что владелец инфраструктуры и перевозчик должны оперативно принять меры по ликвидации последствий транспортных происшествий, стихийных бедствий (заносов, наводнений, пожаров и др.), вызывающих нарушение работы железнодорожного транспорта, а также должны содержать за счет собственных средств специализированные подразделения по ликвидации чрезвычайных ситуаций, иметь запас материальных и технических ресурсов, достаточных для ликвидации таких ситуаций¹. Однако, как показывает практика катастроф на железной дороге в исторической перспективе, принятия мер только по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций недостаточно.

Катастрофы на железнодорожном транспорте, произошедшие в более ранние периоды, позволяют установить, что защита людей и грузов от катастроф при перевозке железнодорожным транспортом относится к ключевому элементу обеспечения национальной безопасности, представляющей собой комплексный политико-правовой институт, предмет регулирования которого — властные отношения по защите суверенитета народа от внутренних и внешних угроз [2, с. 19]. Субъекты, обеспечивающие такую защиту — органы государственной власти, в компетенцию которых входит защита суверенитета народа [3, с. 93].

4 октября 1988 г. на станции Свердловск-Сортировочный в нечетном парке прибытия произошел взрыв в грузовом поезде и возник пожар на складе топлива и других объектов. Разрушений было очень много: на складе топлива горели цистерны с дизельным топливом и маслом. Произошел взрыв двух вагонов, которые были загружены гексогеном в количестве 92 т, и после взрыва образовалась воронка диаметром 30 м и глубиной 15 м. Погибло 5 чел. Было разрушено много жилья, снесли 71 аварийный дом, в том числе 33 ветхих дома. Расселили людей из 1 500 квартир по гостиницам и общежитиям города Свердловска [7, с. 691].

¹ *О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федер. закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ, ст. 24; Об утверждении Порядка действий участников перевозочного процесса на железнодорожном транспорте при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: приказ Минтранс РФ от 26 июня 2008 г. № 94.*

В процессе расследования были выявлены и причины катастрофы: на станции Свердловск-Сортировочный грубо нарушался порядок взаимодействия между работниками станции, локомотивного и вагонного депо; перевозка опасных грузов на дороге проводилась с нарушениями; на станции оказалась отсталая техника и технология, хотя по проводимой работе станция была самой большой в Европе.

Однако системные причины кризиса на железнодорожном транспорте крылись гораздо глубже. Еще во второй половине 1970-х гг. МПС было передано управление транспортом, находящимся в ведении промышленных министерств, руководство строительством метрополитенов в городах с населением свыше 1 млн чел. Функции министерства расширялись. Между тем инвестиции в железнодорожный транспорт стали сокращаться. Если после войны в общей массе они составляли 12 %, то к 1970 г. — 2 %. Продолжавшееся с конца 1950-х гг. коренное техническое переоснащение всех отраслей железнодорожного транспорта в конце 1970-х — начале 1980-х гг. замедлилось. Системный кризис, охвативший все стороны жизни в государстве, не мог не затронуть железные дороги. При увеличении их протяженности за годы советской власти в два раза количество перевозок увеличилось в 50 раз. Железные дороги СССР, протяженность которых составляла 11 % общемировой, осуществляли 85 % грузооборота железных дорог мира. Они едва справлялись с такими нагрузками. Постепенно отрасль стала сдерживать развитие всего народного хозяйства страны [6]. Всего с 1983 по 1991 г. в СССР произошло свыше 40 крупных железнодорожных катастроф.

Совершенно очевидно, что к началу 1980-х гг. техническое оснащение станции Свердловск-Сортировочный морально и физически устарело. Фактическое состояние путевого развития в профиле и плане не соответствовало современным нормам и условиям работы. Поэтому увеличить перерабатывающую способность станции можно было только путем коренной реконструкции. Но при существующей загрузке реконструкцию станции практически невозможно было осуществить без уменьшения пропускаемых по основным линиям потоков [9, с. 230].

К концу 1970-х гг. вагонное хозяйство Свердловской железной дороги не располагало достаточными производственными

мощностями. Имеющаяся техническая и технологическая база не обеспечивала потребности в ремонте вагонов, а следовательно, в погрузочных ресурсах и безопасности движения поездов. Количество случаев брака из-за неустойчивой работы вагонного хозяйства доходило до 50 % от общего их количества на дороге [9, с. 245]. Положение усугублялось стремительным старением вагонного парка сети дорог. В 1984 г. из 1 304 тыс. грузовых вагонов к новым, соответствующим современным техническим требованиям относилось около 36 %. В то же время около четверти парка приходилось на вагоны, выпущенные до 1964 г. По отдельным типам вагонов удельный вес устаревших моделей мог превышать 25 %. Для цистерн и крытых вагонов удельный вес устаревших вагонов составлял более трети [3, с. 414].

Результатом указанных недостатков можно назвать то, что в ночь на 4 июня 1989 г. произошла не имеющая мировых аналогов по своим последствиям катастрофа на магистральном продуктопроводе Западная Сибирь — Урал — Поволжье¹.

Катастрофа как угроза жизни и здоровью людей, имуществу при перевозке железнодорожным транспортом в рамках обеспечения национальной безопасности. К числу основных последствий, которые влечет за собой железнодорожная катастрофа, можно отнести нанесение долговременного и масштабного урона человеческой безопасности, безопасности общества (состоянию защищенности жизни, здоровья и имущества человека) и системе социально-экономических отношений, восполнение которого потребует большого количества политических, экономических, информационных средств. И чем оперативнее и эффективнее будут применяться инструменты защиты этих видов безопасности, тем меньший урон от катастрофы будет нанесен в долгосрочной перспективе. Поэтому так важно, чтобы механизмы обеспечения человеческой безопасности и безопасности общества при перевозках железнодорожным транспортом были отлажены, сбалансированы, постоянно совершенствовались и в них содержались инструменты, позволяющие предупреждать, устра-

¹ Тетюхин С. «Ашинская трагедия». Крупнейшая железнодорожная катастрофа России / ВДПО. 2022. 28 авг. URL: <https://вдпо.пф/blog/post/ashinskaya-tragediya-krupneyshaya-zheleznodorozhnaya-katastrofa-rossii?ysclid=ls8yl0fat7933345544> (дата обращения: 27.01.2024).

нять катастрофу и ликвидировать ее последствия с учетом ее характера и степени опасности.

Можно предложить следующие инструменты защиты людей и грузов от катастроф на железнодорожном транспорте в рамках обеспечения национальной безопасности:

1) по временному критерию (предварительные — проверка состояния железных дорог и путевого хозяйства; текущие — проверка того, осуществляется ли эксплуатация указанных объектов в соответствии с установленными правилами и нормами перевозок пассажиров и грузоперевозок; последующие — устранение выявленных технических неисправностей, ремонт);

2) по сфере применения (политические — постоянное совершенствование правил и норм технической эксплуатации железных дорог, перевозок пассажиров и грузов; организационные — обеспечение того, чтобы железные дороги обслуживались специалистами с достаточной квалификацией; психологические — предоставление персоналу железных дорог возможностей постоянного повышения квалификации в области обеспечения безопасности железнодорожного движения; экономические — постоянный мониторинг и обновление устаревающего оборудования и установка более совершенного оборудования).

Заключение. Поиск действенных инструментов защиты от нанесения ущерба жизни и здоровью людей, имуществу при осуществлении железнодорожных перевозок остается одним из ключевых вызовов национальной безопасности в силу приоритетного значения железнодорожного транспорта для перемещения людей и товаров в России. Инструменты защиты должны быть комплексными, включать в себя технические, социально-экономические, политические, психологические ресурсы, и их необходимо непрерывно совершенствовать с учетом характера и степени опасности угрозы нанесения ущерба защищаемым ценностям.

Библиографический список

1. *Акимов В. А., Соколов Ю. И.* Риски транспортировки опасных грузов. М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2011. 276 с.
2. *Вербицкая Т. В., Вербицкая Н. О.* Совершенствование механизма защиты муниципальных образований от катастроф в конституционно-правовой системе обеспечения национальной безопасности Рос-

сийской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 1. С. 18–21.

3. *История железнодорожного транспорта России XIX–XXI вв.* / Е. И. Пивовар, Т. Г. Архипова, Ю. П. Бокарев и др.; под общ. ред. Е. И. Пивовара, Б. М. Лапидуса, И. Н. Розенберга. М.: Изд. дом Мещерякова, 2012. 736 с.

4. *Киреев М. П., Атмурзаев А. И., Романовский И. В.* Правовое регулирование организации применения сил и средств территориальными органами МВД России при возникновении чрезвычайных обстоятельств (ситуаций) // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 5. С. 370–376.

5. *Кошкарлов Р. В.* Анализ чрезвычайных ситуаций на объектах железнодорожного транспорта // Наука-2020. 2020. № 6 (42). С. 109–119.

6. *Мацкевич Б. И.* Жизнь без прикрас. Воспоминания. Пермь, 2008. 895 с.

7. *Механтьева Л. Е., Лещева М. Ю., Набродов Г. М.* Особенности железнодорожного травматизма // Прикладные информационные аспекты медицины. 2017. Т. 20, № 1. С. 63–69.

8. *Покровская О. Д.* О научной школе транспортной логистики // Вестник транспорта. 2020. № 11. С. 40–44.

9. *Свердловская магистраль (1878–1990 гг.): учеб. пособие* / под ред. М. Т. Крючкова. Екатеринбург, 1994. 410 с.

10. *Hewitt K.* Regions of risk: A geographical introduction to disasters. Routledge, 2014. 410 p.

М. П. Логинов

Финансово-правовое регулирование платформенных отношений (кибернетический подход)

В статье рассмотрено финансово-правовое регулирование цифровых платформ, включая создание их классификации, механизмов правового регулирования и правовых режимов. Раскрыты особенности новых экономических отношений – платформенных, которые в полной мере законодательством не регулируются. В основе авторской методики лежит кибернетический подход, исследованный автором ранее.

Ключевые слова: платформенные отношения; цифровая платформа; механизм управления; механизм правового регулирования; правовой режим; кибернетический подход.

Введение. Развитие современной экономики основано на цифровой трансформации отношений на основе сети Интернет,

появлении новых бизнес-моделей и цифровых технологий, что обуславливает необходимость применения комплексного и системного подхода к решению проблем регулирования общественных отношений.

Современная экономика по факту стала уже платформенного типа, цифровые платформы из онлайн-сервиса, объединявшего поставщика услуг с клиентами, стали институтом государства, упрощая и совершенствуя общественные отношения.

Началом системной цифровой трансформации можно считать 2008 г. с момента образования Совета при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации¹, ставшего головным и координирующим органом по всем вопросам, связанным с информатизацией российского государства. К государственным платформам можно отнести Единый портал бюджетной системы «Электронный бюджет», работающий с 2013 г.; Единую информационную систему в сфере закупок, включающую более 750 тыс. организаций заказчиков и поставщиков, при этом ежедневно в ней работает более 2,5 млн пользователей и совершается более 300 млн транзакций, и др.

Широкое развитие цифровые платформы получили в финансовой сфере и бизнесе. С 2017 г. Банк России запустил проект «Маркетплейс» для дистанционной розничной продажи финансовых продуктов (услуг), на июнь 2023 г. в реестре финансовых платформ ЦБ РФ находится семь действующих финансовых платформ.

В России и за рубежом широкое распространение платформы получили в коммерческой сфере: платформы для обмена услугами, товарами и электронной коммерции (Airbnb, Booking.com, Uber, Etsy, Ebay, Amazon, Alibaba, Aliexpress, EBay, Craigslist), платежные платформы (PayPal), инвестиционные платформы (CircleUp, AngelList), социальные сети (Meta², «ВКонтакте»), LinkedIn, Twitter), игровые платформы (PokerStars, Mine-

¹ *О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации*: Указ Президента РФ от 1 ноября 2008 г. № 1576.

² Экстремистская организация, деятельность которой запрещена на территории РФ.

craft), платформы для разработки приложений (Fitbit, Tridium, Android, iOS), агрегаторы различных типов («Яндекс.Маркет», Airbnb, Booking.com, Trivago.ru, Travelata, SkyScanner.ru, Tickets, «Яндекс.Такси»), мультимедийные платформы (Flickr, Pinterest, YouTube), магазины приложений (Apple App Store, Baidu Mobile Assistant, Google Play), знакомства (Meetic, Tinder); доставка еды (Deliveroo, UberEats) и др.

Основная часть. У экономистов и юристов существуют различные подходы к определению категории «платформа». Принято считать, что от простой онлайн-торговли на сайте платформы отличаются тем, что одновременно связывают несколько различных групп пользователей (потребителей, производителей товаров и услуг, рекламодателей) и создают «сетевой эффект», выражающийся в увеличении ценности цифровых сервисов и инструментов для одного пользователя с увеличением числа других пользователей.

В научной литературе определение цифровой платформы, как правило, рассматривается с точки зрения *экономических* подходов: как модель двухсторонних рынков, бизнес-модель, цифровая инфраструктура; модель деятельности на основе сетевых эффектов, система алгоритмизированных взаимоотношений или цифровая среда с набором функций и сервисов. Также встречаются упоминания как о наборе онлайн-овых цифровых механизмов, технологической архитектуре, устройствах и программном обеспечении, сетевом взаимодействии и т. п.

Разнообразны и *классификации* цифровых платформ. Платформы рассматриваются как: инструментальные, инфраструктурные, прикладные, рекламные, облачные, промышленные, продуктовые, бережливые и т. п. В зарубежной литературе платформы выделяются по их функциональной направленности: платежно-расчетные (Alibaba, PayPal, eBay); инновационные (Oracle, SAP, Microsoft); инвестиционные (SoftBank, Booking Holding Inc.); интеграционные (Google, AppStore, Uber, Yandex), обучающие (YouTube, Coursera); социальные сети (Facebook, Instagram¹, VK и др.)

¹ Facebook, Instagram принадлежат компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

В юридической литературе основная дискуссия ведется вокруг природы цифровых платформ: чем является цифровая платформа — поставщиком (исполнителем) или цифровым посредником. В первом случае платформа несет полную гражданско-правовую ответственность, во втором, как организатор торговли, не становится непосредственным участником сделки и требует регулирования подобного для деятельности таких организаторов торгового оборота, как товарные биржи, оптовые рынки, ярмарки, выставки и т. п. [2].

Также дискуссионными являются подходы к определению цифровой платформы. Так, в юридической литературе сложились два противоположных подхода: первый — технологический, рассматривает цифровые платформы, как правило, на основе блокчейна, в данном случае речь идет об одноранговой сети, без единого центра управления, и такой подход был особенно популярен на пике развития блокчейна в 2014–2019 гг.; второй подход — функциональный, рассматривает цифровые платформы как онлайн-взаимодействие различных групп пользователей при посредническом участии оператора платформы.

Банк России в зависимости от публичности критериев допуска выделяет закрытую и открытую платформы. Закрытая платформа сама выступает поставщиком товаров и услуг, при открытой модели доступ к платформе имеют конкурирующие поставщики товаров и услуг, владельцы платформы не выступают сами в роли поставщиков на такой платформе либо «играют по общим правилам»¹.

По мнению автора, все цифровые платформы можно разделить на платформы, регулируемые публичным правом и (или) частным правом, а также по масштабам — на отдельные сервисы, цифровые платформы, крупные цифровые платформы и экосистемы (платформы-гиганты).

Дадим определения «цифровая платформа» и «платформенные отношения».

Цифровая платформа — сайт в сети Интернет и (или) страница сайта, и (или) компьютерная программа, и (или) интер-

¹ *Экосистемы: подходы к регулированию*. Доклад для общественных консультаций // Банк России. 2021. Апрель. М., 2021. 45 с.

нет-магазин, и (или) информационная система (интерфейс), и (или) цифровая инфраструктура, предоставляющая субъектам возможности получения/обработки информации, совершения и исполнения сделок в режиме онлайн или через свои офлайн-сервисы (офисная сеть), имеющая более 500 тыс. уникальных пользователей и (или) количество совершаемых сделок более 1 тыс. в месяц и (или) объем совершаемых сделок с использованием платформы более 300 млн р. в месяц.

Под *платформенными отношениями* автор понимает правоотношения, возникающие при взаимодействии стейкхолдеров цифровой платформы, где субъект или объект правоотношений регулируется публичным или частным правом. К стейкхолдерам цифровой платформы относятся: регулятор, осуществляющий нормативное регулирование и (или) надзор; оператор платформы; платежная система платформы (при наличии); участники или субъекты правовых отношений; отраслевые ассоциации или саморегулируемые организации, объединяющие операторов платформ и (или) их участников.

Регулирование деятельности платформ может осуществляться как публичным, так и частным правом, что зависит от степени участия государства в отношениях, реализуемых на платформе. Далее разделим платформенные отношения на три типа: *общие платформенные отношения*, характерные как для публичного, так и для частного права; платформенные отношения *публичного типа*; платформенные отношения *частного типа*.

Автором предлагается классификация платформенных отношений по признакам их открытости и типу посредничества.

1. Закрытый тип цифровой платформы, участник торговли, сторона договора.

Платформа не является посредником, является поставщиком товаров и услуг, регулируется публично-правовыми или гражданско-правовыми нормами. Монетизация осуществляется за счет получения прибыли от продажи/покупки товаров и оказания услуг. В платформенных отношениях оператор платформы является стороной договора. Цифровая платформа относится к закрытому типу.

2. Открытый тип цифровой платформы, участник торговли, сторона договора.

Платформа является цифровым посредником, несущим ответственность за размещение/обработку определенных материалов в сети Интернет, и (или) поставщиком товаров и услуг. Монетизация платформы осуществляется за счет предоставления интернет-площадки для размещения/обработки какой-либо информации и (или) получения прибыли от продажи товаров и оказания услуг. В платформенных отношениях оператор платформы является стороной договора. Цифровая платформа относится к открытому типу.

3. Открытый тип цифровой платформы, организатор торговли, не сторона договора.

Платформа является организатором торговли, несущим ответственность за безопасность совершаемых сделок, предоставление платных услуг участникам сделок (маркетинг, аналитика, колл-центр, реклама, склад, логистика, продвижение, техническая поддержка). Монетизация осуществляется за счет комиссии с участников сделок и оказания платных услуг. В платформенных отношениях оператор платформы не является стороной договора, несет функцию квазирегулятора, устанавливает правила, следит за их соблюдением и отвечает за исполнение договоров, заключенных с его помощью. Цифровая платформа относится к открытому типу.

Каждый из трех представленных типов цифровых платформ в зависимости от рыночной власти (доминирующего положения), количества участников, юрисдикции, вида регулирования (публичное или частное право) подлежит дополнительному делению на виды.

По экономико-функциональному содержанию платформенные отношения можно отнести к пяти типам:

- электронное государство: государственные и муниципальные услуги, электронное правительство, электронное правосудие, электронный парламент, электронные выборы, торги, бюджет;
- финансы: кредит, страхование, ипотека, управление активами, платежи, сбережения, счета клиентов, инвестиции;
- электронная коммерция: товарный маркетплейс;
- информационные технологии: поисковые сервисы, голосовые помощники, телеком-сервисы, операционные системы, облако;

– образ жизни: видео/кинотеатры, музыка, аренда/продажа недвижимости, книги, игры, онлайн-обучение, соцсети/мессенджер, такси/каршеринг, навигатор/путеводитель.

Категория правового режима в юридической литературе является глубоко изученной, диапазон определений значителен и расположен в границах широкого и узкого понимания. В широком понимании правовой режим — это «устойчивый порядок функционирования правовых институтов общества, имеющий общую (доминирующую в рамках данной области общей социально-регулятивной системы) направленность» [4, с. 182]. Здесь под правовым режимом понимается функциональная характеристика какой-либо отрасли права, где правовой режим равен институту права. В узком понимании правовой режим — это порядок правового регулирования какого-либо объекта, видов деятельности или субъекта права. В качестве примеров использования широкой и узкой границ можно привести правовые режимы военного положения и правовой режим беженца.

В сущность правового режима входит *механизм правового регулирования*, так как правовой режим реализуется через данный механизм. Унификация этимологических представлений о понятии и сущности механизма была исследована автором в работе «Экономические механизмы: сущность, классификация, кибернетический подход» [1].

Исследуя структуру правовых режимов, можно сделать вывод, что в зависимости от рассмотрения различных типов классификаций в науке и законодательстве сложились три основных подхода: 1) при рассмотрении правового режима как института права его структуру составляет совокупность правовых норм [3, с. 85]; 2) структура правового режима совпадает с механизмом правового регулирования, дополнительно к механизму правового регулирования в структуру могут входить принципы права и методы правового воздействия; 3) использование кибернетического подхода и включение в структуру правового режима элементов: цели, принципы, условия, срок, права и обязанности субъекта, порядок регулирования, информационное обеспечение [2].

Учитывая вышеизложенное, на основании кибернетического подхода автором предлагаются следующие определения.

Правовой режим (кибернетический подход) состоит из трех подсистем: первая — система регулятивного воздействия, включающая отрасль права и создающая «правовой климат», определяющая принципы регулирования, цель, задачи и степень упорядочения сложившихся общественных отношений, традиций, границ юридических возможностей; вторая — механизм правового регулирования, включая юридический инструментарий и методы правового регулирования; третья — результат регулирующего воздействия, выраженный в функциях правового режима и (или) в определенном положении субъектов (объектов) права или правоотношений.

Правовой режим платформенных отношений: 1) особый порядок правового регулирования сферы общественных отношений, связанных с взаимодействием с цифровыми платформами, основанный на сочетании правовых средств публичного и частного права, направленный на достижение государственных целей развития данной сферы; 2) порядок правового регулирования, включающий три подсистемы: первая включает в зависимости от используемого публичного или частного права: принципы регулирования, цель, задачи и степень упорядочения сложившихся платформенных отношений, традиций, границ юридических возможностей; вторая — механизм правового регулирования платформенных отношений, включающий юридический инструментарий и методы правового регулирования; третья — результат регулирующего воздействия, выраженный в функциях правового режима и (или) в определенном положении субъектов (объектов) платформенных отношений (кибернетический подход).

К признакам правового режима платформенных отношений автор относит:

- 1) наличие и предоставление информации онлайн;
- 2) наличие платформенных отношений, регулируемых публичным или частным правом;
- 3) наличие оператора цифровой платформы;
- 4) регулируемый порядок правоотношений в зависимости от открытого или закрытого типа цифровой платформы;
- 5) наличие финансовых и (или) платежных сервисов.

Использование кибернетического подхода позволяет оптимизировать порядок (алгоритм) разработки правового режима.

По мнению автора, основными этапами разработки правового режима являются:

1) определение целей и интересов субъектов, подлежащих регулированию;

2) определение функционала правового режима;

3) определение принципов и правовых средств;

4) определение направленности правового регулирования;

5) определение сроков деятельности правового режима;

6) разработка нормативной базы.

Заключение. Финансово-правовое регулирование платформенных отношений является сложным и многогранным процессом, использование правовых режимов позволяет его формализовать и значительно упростить. Автором предлагается осуществлять регулирование отношений цифровых платформ по двум типам цифровых платформ — открытой и закрытой.

Правовой режим *закрытой цифровой платформы* может относиться как к публичному, так и к частному праву, в зависимости от присутствия государства в качестве основного участника или оператора цифровой платформы. При регулировании публичным правом государство формализует конкретные цели и задачи, реализуемые цифровой платформой, при этом должны быть установлены: четкая формулировка целей и задач, порядок и объем финансирования, границы, права и ответственность для участников. Методические рекомендации или правовые нормы для закрытых цифровых платформ могут устанавливаться законодательно, обязательным является наличие регламента работы или пользовательских соглашений, в которых указываются основные правила, виды правоотношений, место и порядок разрешения конфликтов. Для закрытых платформ, регулируемых частным правом, обязательным является наличие пользовательских соглашений или регламента работы, с указанием места и порядка разрешения конфликтов.

Платежные или финансовые сервисы устанавливаются в закрытые цифровые платформы на основе платежно-финансовых сервисов, рекомендованных Банком России и входящих в его реестры. Закрытые цифровые платформы, имеющие платежно-финансовые сервисы, допускаются на отечественный рынок только с российской юрисдикцией операторов цифровых платформ.

На закрытой платформе допускаются различные ограничения для участников, устанавливаемые оператором цифровой платформы, при этом в названии цифровой платформы должно быть указано, что она является закрытой. Оператор цифровой платформы является стороной в двух- или многосторонних договорах и несет полную или субсидиарную ответственность по сделкам. Сайты, интернет-магазины, цифровые сервисы в сети Интернет, не подпадающие под критерии цифровой платформы, регулируются в указанном выше порядке.

Правовой режим *открытой цифровой платформы* может регулироваться как публичным, так и частным правом, в зависимости от присутствия государства в качестве основного участника или оператора цифровой платформы. Оператор цифровой платформы является организатором торговли и не является стороной гражданско-правового оборота товаров, работ, услуг наравне с другими участниками. Оператор цифровой платформы может заключать гражданско-правовые договоры на оказание сопровождающих услуг с участниками платформы. Обязательным для открытой цифровой платформы является страхование ответственности и использование рекомендованных типовых регламентов и пользовательских соглашений. Требование об обязательной российской юрисдикции для операторов открытых цифровых платформ не применяется. Платежные или финансовые сервисы устанавливаются в открытые цифровые платформы на основе платежно-финансовых сервисов, рекомендованных Банком России и входящих в его реестры.

Таким образом, правовой режим является динамичным инструментом регулирования в различных сферах общественных отношений. Использование кибернетического подхода позволит разрабатывать эффективные механизмы правового регулирования и на их основе реализовать правовые режимы.

Библиографический список

1. *Логинов М. П.* Экономические механизмы: сущность, классификация, кибернетический подход // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 9. С. 94–102.
2. *Рашкован К. А.* Особенности правового регулирования деятельности цифровых платформ. URL: <https://zakon.ru/Tools/Download-FileRecord/26166> (дата обращения: 02.02.2024).

3. *Розанов И. С.* Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Государство и право. 1996. № 9. С. 84–91.

4. *Цыгановкин В. А.* Системы социальной регуляции: государственной и правовой режимы // Вестник РГГУ. 2011. № 8 (70). С. 179–187.

М. И. Львова

Перспективы развития рынка IPO в условиях экономической нестабильности

В рамках данного исследования рассматривается актуальный вопрос о перспективах привлечения капитала компаниями в ходе первичных публичных размещений, учитываются дифференцированные варианты оценки эффективности. Выявляются преимущества IPO в сравнении с другими вариантами привлечения капитала. Обосновываются перспективы привлечения капитала для поступательного и органического дальнейшего развития.

Ключевые слова: инвестиции; IPO; привлечение капитала; эмиссия акций; фондовый рынок.

В рамках текущей экономической ситуации в пределах российского экономического пространства перед многими компаниями возник вопрос по поиску источников финансирования в связи с ограничениями доступа со стороны западных стран к их финансовым ресурсам. Также складывается неблагоприятная конъюнктура на рынке кредитования из-за повышения ключевой ставки ЦБ РФ, что приводит к повышению стоимости кредитных продуктов, которые представлены на отечественном рынке. Данные факторы способствуют повышению актуальности вопроса в поиске иных вариантов привлечения средств, в том числе посредством первичного публичного размещения акций (IPO).

Одним из приоритетных вопросов, встающих перед инвестором, является поиск наиболее подходящих финансовых продуктов, отвечающих целям долгосрочного инвестирования и предлагающих лучшие варианты по потенциальной доходности. Важно отметить, что в случае выбора варианта привлечения капитала через первичное публичное размещение акций необходимо оценивать эффективность его не только на этапе проведения, но и в дальнейшие периоды времени.

Основной целью исследования в работе является анализ целесообразности проведения IPO компаниями, сравнение с иными вариантами привлечения капитала и обоснование в выборе приоритета первичного публичного размещения.

В рамках статьи проводится проверка гипотезы о том, что применение IPO компаниями поможет решить вопрос с привлечением капитала на длительный период в условиях нестабильной экономической ситуации на наилучших экономических условиях.

Исследование базируется на нескольких методах научного познания, за счет которых есть возможность разносторонне охватить проблематику вопроса. В работе применяются эмпирические методы, в том числе сравнение вариантов внешнего привлечения капитала для выявления их преимуществ и недостатков в рамках долгосрочного привлечения средств. Также в работе проводится изучение нормативно-правовой базы относительно процедуры первичного публичного размещения акций, производится систематизация экспертных оценок по данному вопросу. Сравнительный анализ базируется на расчете экономической целесообразности различных методов привлечения капитала в рамках долгосрочного периода.

На сегодняшний день в рамках российского экономического пространства наблюдается стабильный интерес со стороны компаний из разных секторов к поиску наиболее эффективных методов привлечения капитала для различных целей, в том числе для развития или расширения предприятия, для погашения долгов и снижения долговой нагрузки [5], для реализации какого-либо проекта. Учитывая ограничительные меры, введенные со стороны ряда стран и международных институтов, которые снизили возможности по привлечению капитала из-за границы, повысилась актуальность вопроса поиска финансирования в пределах Российской Федерации. Однако в условиях экономической нестабильности и высокой ключевой ставки ЦБ РФ цена заемного капитала, привлеченного с использованием кредитов, является высокой для многих компаний и не позволяет обеспечить положительный экономический эффект от их использования¹.

¹ Демченко А. В. Этапы IPO / iTeam. URL: <https://blog.iteam.ru/etapy-ipo/> (дата обращения: 10.01.2024).

Исходя из этих факторов существенно начала возрастать роль IPO в рамках привлечения капитала компаниями на фондовом рынке для реализации собственных целей. Ключевым фактором является то, что для реализации подобных мероприятий отсутствует желание привлекать одного или нескольких стратегических инвесторов, так как данный вариант повлечет за собой зависимое положение от этих лиц. Стремление к сохранению самостоятельности решений предопределяет интерес компании в том, чтобы количество участников проекта было значительным, чтобы уменьшить значимость каждого по отдельности [3].

Если рассматривать IPO на законодательном уровне, то нет однозначной трактовки данного термина, однако наиболее близким является понятие в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» — «публичное размещение», под которым понимается «размещение ценных бумаг путем открытой подписки, в том числе размещение ценных бумаг на торгах фондовых бирж и (или) иных организаторов торговли на рынке ценных бумаг» [1].

Оценку эффективности применения IPO в качестве инструмента привлечения финансовых ресурсов можно произвести через коэффициент средневзвешенной стоимости капитала (WACC) [2; 7].

В качестве анализа данной модели для определения экономической обоснованности IPO было принято решение рассмотреть первичные публичные размещения таких компаний, как Астра, SegezhaGroup, ГК Самолет, которые называют перспективными лидерами в России. Полученные показатели с учетом динамики ключевой ставки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Расчетные показатели эффективности IPO

Компания	WACC, %	Стоимость привлечения финансирования, %	Ставка ЦБ, %
Астра	20,5	3,0	13,00
SegezhaGroup	15,1	2,5	4,25
ГК Самолет	13,0	3,5	5,00

Исходя из расчетов, представленных в табл. 1, видно, что стоимость привлечения финансирования посредством проведения IPO в каждом из случаев была меньше, чем средневзвешенная стоимость капитала до привлечения капитала. Также она существенно меньше ставки Банка России, что подразумевает меньшую стоимость привлечения капитала в сравнении с использованием эмиссии долговых ценных бумаг и вариантов банковского кредитования.

Следует также обозначить ряд преимуществ, которые представляет вариант выбора IPO в сравнении с иными инструментами привлечения капитала (табл. 2).

Таблица 2

Преимущества IPO перед другими источниками финансирования

Источник инвестиций и его недостаток	Преимущества процедуры IPO
Нераспределенная прибыль — имеет сильную зависимость от складывающейся экономической конъюнктуры	Поступление является крупным и разовым, нет зависимости от будущей экономической конъюнктуры [6]
Банковские кредиты — ставят в зависимость от одного кредитора, а также дороги в обслуживании	Независимость от конкретного финансового института. Плата возможна лишь в виде дивидендов. Увеличение количества инвесторов за счет снижения доли каждого из них
Облигационный займ — ограничен конкретным временным промежутком, кроме того, предусмотрены выплаты по облигационным займам	Нет ограничений по сроку привлечения капитала, не предусмотрены обязательные выплаты
Бюджетные и государственные средства — ставят предприятие в зависимое положение, а также существуют бюрократические проблемы при их получении	Отсутствие обязательных выплат, а также оперативность поступления ресурсов

IPO в качестве инструмента привлечения капитала обладает рядом преимуществ [4], что обуславливает актуальность для компаний рассмотрения возможностей его применения, в том числе из-за нестабильной экономической ситуации, в которой компаниям необходимо находить наиболее экономически эффективные решения.

В текущей экономической реальности многие отечественные компании сталкиваются с вопросом поиска источников привлечения капитала. В условиях нестабильной и высокой ключевой ставки Банка России, из-за которой в значительной мере повысилась стоимость привлечения средств через долговые ценные бумаги и банковские кредиты, для компаний возросла актуальность поиска иных вариантов привлечения капитала. По мнению автора, проведение первичного публичного размещения акций может отвечать данным требованиям. В работе представлены и проанализированы IPO, которые были успешными, что подтверждает гипотезу о возможности привлечения капитала в рамках экономики РФ посредством данного инструмента.

Фондовый рынок Российской Федерации поступательно развивается, все больше физических и юридических лиц становятся его участниками, что повышает возможности привлечения капитала компаниями. Кроме того, ограничительные меры по выводу капитала из РФ и ограничения на покупку иностранных ценных бумаг дополнительно способствуют росту интереса среди инвесторов к новым идеям на отечественном фондовом рынке.

Библиографический список

1. Балдина Е. И., Машенцева Г. А. Индивидуальный инвестиционный счет как разновидность брокерского счета в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2. С. 18–25.
2. Рудых Е. И. Оценка эффективности IPO с использованием метода средневзвешенной стоимости капитала WACC // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 30. С. 209–215.
3. Русинова М. Р. IPO российских компаний: особенности и тенденции развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 25–30.
4. Ульяницкая А. И. IPO как фактор привлечения капитала и повышения стоимости бизнеса (анализ, эффективность, оценка влияния на стоимость компании) // Вестник науки. 2021. Т. 1, № 12 (45). С. 66–74.
5. Abbas Y. A., Ahmad-Zaluki N. A., Mehmood W. Community and environment disclosures and IPO long-run share price performance // Journal of Financial Reporting and Accounting. 2023. March. DOI: 10.1108/JFRA-07-2022-0244.
6. Luo C., Ouyang Z. Estimating IPO pricing efficiency by Bayesian stochastic frontier analysis: The ChiNext market case // Economic Modelling. 2014. Vol. 40. P. 152–157.

7. *Mehmood W., Mohd-Rashid R., Ahmad A. H., Tajuddin A.* IPO initial return in Pakistan: Influence of country-level institutional quality // *South Asian Journal of Business Studies*. 2023. Vol. 12, no. 1. P. 1–24.

Д. М. Назаров

Экономика впечатлений как катализатор промышленной революции «Индустрия 5.0»

В статье освещается роль экономики впечатлений в контексте формирования и развития концепции «Индустрия 5.0». Разработанная экономико-математическая модель показывает значительный уровень покрытия интеграции принципов экономики впечатлений в рамках «Индустрии 5.0», что свидетельствует о эффективной реализации данных принципов.

Ключевые слова: Индустрия 5.0; экономика впечатлений; персонализация; промышленная революция; искусственный интеллект; большие данные.

Введение. Экономика впечатлений является одной из самых современных экономических парадигм, подчеркивающих значимость создания уникальных впечатлений и приобретения опыта для потребителей.

Термин «экономика впечатлений» (experience economy) был впервые представлен в статье Б. Джозефа Пайна и Джеймса Гилмора, опубликованной в *Harvard Business Review* в 1998 г. [6]. Авторы утверждали, что впечатления представляют собой следующий этап экономического развития в контексте сервисной экономики. Они подчеркивали, что предприятия могут создавать дополнительную ценность продукта или услуги, добавляя к этому продукту впечатления, которые становятся незабываемыми для потребителей.

Начиная с этого времени ученые со всего мира начали применять эту концепцию и оценивать результаты ее применения в различных сферах человеческой деятельности [5; 6; 7].

В 2011 г. была официально представлена концепция «Индустрия 4.0» [3; 8], первоначально разработанная для немецкой промышленности, на выставке в Ганновере. В 2017 г. Япония представила свое видение концепции под названием «Общест-

во 5.0» на выставке CeBIT, которая также проходила в Германии¹. Объединяя эти концепции, европейские ученые и бизнес-консультанты сформулировали концепцию «Индустрия 5.0», которая не связана с очередной промышленной революцией и видится как дополнение к концепции «Индустрии 4.0».

Научная проблема реализации концепций и принципов экономики впечатлений заключается в поиске конкретных теоретических и практических подходов, построении экономико-математических моделей, основанных на алгоритмах и методах Data Science (науки о данных) в условиях современной промышленной революции, которая в мировой практике получила название «Индустрия 5.0». Концепции «Индустрия 5.0» и экономика впечатлений являются своеобразными трендами мирового экономического развития, однако в условиях российской действительности мало изучены и поэтому требуют осмысления в теоретическом и практическом аспектах.

Целью этой статьи является разработка основ теоретического подхода, который показывает, как принципы экономики впечатлений позволяют реализовать концепцию современной промышленной революции («Индустрия 5.0»).

Сущность понятия «экономика впечатлений». Предпосылки возникновения такого направления развития экономической мысли, как экономика впечатлений, уходят корнями в эволюцию экономических и социальных отношений, которые отражены в работах многих отечественных и зарубежных ученых [1; 6; 7].

Изначально экономическая мысль была сфокусирована на сельском хозяйстве (аграрная экономика), затем переориентировалась на промышленное производство (индустриальная экономика) и, в конце концов, на предоставление услуг (сервисная экономика). В различных исторических периодах социально-экономического развития экономики стран обычно делятся на три кластера на основе двух взаимосвязанных критериев: уровня дохода на душу населения и стадий экономического развития (страны с развивающейся, переходной и развитой экономикой). Первый

¹ *Plattform Industrie 4.0 — What is Industrie 4.0?* URL: <https://www.plattform-i40.de/PI40/Navigation/EN/Industrie40/WhatIsIndustrie40/what-is-industrie40.html> (дата обращения: 25.01.2024).

кластер — страны с низким доходом на душу населения. В этот кластер попадают те страны, экономика которых в большей степени зависит от первичного сектора, т. е. от добычи сырья и сельского хозяйства. В этих странах производство и экспорт сырья или сельскохозяйственной продукции часто является основным источником национального дохода. Второй кластер — страны со средним доходом на душу населения. В экономике этих стран основной упор делается на вторичный сектор, включающий промышленное производство и строительство, и это часто сопровождается урбанизацией и ростом городов. Третий кластер — страны с высоким доходом на душу населения. Эти страны достигли высокой стадии экономического развития, и в них преобладает третичный сектор, или сектор услуг. Экономика таких стран характеризуется высоким уровнем инноваций, развитой инфраструктурой и продвинутой системой образования и здравоохранения, значительными инвестициями в научные исследования и разработки.

В этом контексте появление экономики впечатлений представляет собой логичный этап в развитии постиндустриального и цифрового общества, которое является основой концепции Индустрии 4.0. Однако концепция промышленной революции («Индустрии 5.0») в формулировке своих фундаментальных принципов ставит на первый план качество жизни и социальную стабильность граждан, что невозможно реализовать без высококвалифицированных кадров, гуманизации бизнес-процессов, сокращения безработицы и улучшения общего благосостояния. В такой среде, где спрос на услуги в сферах информации, финансов, образования и здравоохранения продолжает расти, уникальность и индивидуализация впечатлений выступают в качестве основных факторов, способствующих дифференциации и созданию добавленной стоимости (ценности) для потребителей.

Таким образом, экономика впечатлений является не только естественным развитием экономических систем, но и катализатором в процессе перехода от концепции промышленной революции Индустрия 4.0 к Индустрии 5.0 в ответ на эволюцию общественных потребностей.

Чтобы описать влияние экономики впечатлений на цифровую трансформацию общества в рамках концепции промышлен-

ной революции Индустрия 5.0, представим результаты анализа литературных источников [2; 4; 6; 7] в виде таблицы.

Факторы экономики впечатлений и их характеристика

Фактор	Роль в экономике впечатлений	Влияние на концепцию Индустрия 5.0
Вовлечение клиентов	Создание впечатлений, которые углубляют отношения предприятий и организаций с клиентами и увеличивают их вовлеченность в процессы получения материальных благ	Усиление лояльности и ценности клиентов благодаря получению запоминающихся взаимодействий (опыта, впечатлений) с использованием цифровых платформ
Персонализация	Использование аналитики данных и ИИ для предоставления персонализированных впечатлений, отвечающих предпочтениям и потребностям каждого клиента	Персонализация дает предприятиям возможность создавать уникальные предложения, что приводит к дифференциации на рынке товаров и услуг
Сотрудничество	Использование цифровых платформ для совместного создания и обмена впечатлениями между клиентами и предприятиями	Развитие сильных, устойчивых и динамичных сообществ, которые могут включать как внутреннее сообщество в организации (например, сотрудники, управленческая команда), так и внешние сообщества (например, клиенты, партнеры, поставщики) и направлены на создание ценности совместно
Инновации	Стимулирование разработки новых бизнес-моделей, интегрирующих модели машинного обучения, Интернета вещей, дополненной и виртуальной реальности	Непрерывное совершенствование разработки продуктов и услуг в условиях появления новых трендов и развивающихся цифровых технологий
Устойчивость	Возникновение экосистемы потребления и производства «впечатлений»	Соотношение экономического роста с экологической и социальной ответственностью

Для представления и описания концепции Индустрии 5.0 математически можно определить Индустрию 5.0 как расширение Индустрии 4.0 с добавлением человеческих, социальных и экологических измерений с использованием понятия декартового произведения множеств.

Формализуем концепцию Индустрия 4.0:

Индустрия 4.0 = {Технологии, Данные, Экосистемы, Машины, Облачные вычисления, ИИ (искусственный интеллект) и аналитика}.

Далее, формализуем концепцию Индустрии 5.0 как декартового произведения множеств:

Индустрия 5.0 = Индустрия 4.0 $\times$ H ,

где H = {Человеческие измерения, Социальные измерения, Экологические измерения}.

Таким образом, Индустрия 5.0 расширяет концепцию «Индустрия 4.0» и представляет собой множество пар, где каждый элемент из множества Индустрия 4.0 соединяется с каждым элементом из H . Всего может быть образовано 18 неупорядоченных пар. Перечислим некоторые из этих пар: (Технологии, Человеческие измерения), (Технологии, Социальные измерения), (Данные, Человеческие измерения), (Данные, Социальные измерения).

Введем понятие «уровень покрытия», которое может быть использовано для оценки степени, в которой экономика впечатлений охватывает и влияет на различные аспекты Индустрии 5.0.

Для начала определим основные компоненты формулы уровня покрытия:

T — количество технологических элементов в Индустрии 4.0, способствующих созданию впечатлений (например, Технологии, Данные, ИИ и аналитика);

H — количество человеческих, социальных и экологических измерений, которые учитываются при создании впечатлений (например, Человеческие измерения, Социальные измерения);

I — количество пар, где технологические элементы сочетаются с человеческими, социальными и экологическими измерениями и могут быть реализованы с помощью принципов экономики впечатлений.

Теперь мы можем определить уровень покрытия как отношение количества успешных интеграций к общему количеству потенциальных интеграций.

Формула уровня покрытия (Cov) будет выглядеть следующим образом:

$$Cov = \frac{1}{T \times H},$$

где Cov — уровень покрытия (от 0 до 1, где 1 означает полное покрытие).

Эта формула позволяет количественно оценить, насколько полно экономика впечатлений интегрируется с различными аспектами Индустрии 5.0, отражая степень вовлеченности и влияния на создание уникального и значимого пользовательского опыта.

Найдем значение I для предложенной нами формализации. Используя данные таблицы, отметим, что экономика впечатлений акцентирует внимание на создании уникальных, эмоционально насыщенных и персонализированных впечатлений для потребителей. В контексте нашей формализации экономика впечатлений охватывает те пары, которые сочетают технологические элементы концепции «Индустрия 4.0» с человеческими, социальными и экологическими измерениями. На наш взгляд, таких пар не менее 12.

Эти пары отражают способность экономики впечатлений интегрировать технологические достижения с гуманитарными аспектами, обеспечивая уникальный и значимый опыт в рамках Индустрии 5.0.

Таким образом, $Cov \geq \frac{12}{18} = \frac{2}{3} \approx 0,67$. Уровень покрытия 0,67 означает, что около двух третей возможных интеграций между технологическими элементами и человеческими, социальными и экологическими измерениями могут быть успешно реализованы в рамках принципов экономики впечатлений. Это свидетельствует о том, что экономика впечатлений достаточно хорошо интегрирована с основными компонентами концепции Индустрии 5.0.

Теперь можно сформулировать понятие экономики впечатлений в широком и узком смыслах на современном этапе циф-

ровой трансформации общества в контексте концепции Индустрии 5.0.

В широком смысле экономика впечатлений рассматривается как целостная система, в которой создание и предоставление уникальных, запоминающихся впечатлений является ключевым элементом для удовлетворения и углубления потребительского опыта, персонализация которого достигается благодаря использованию цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей.

В узком смысле экономика впечатлений фокусируется на использовании инноваций для создания конкретных, измеряемых и воспроизводимых впечатлений, которые способствуют улучшению бизнес-показателей любых экономических агентов благодаря разработке цифровых платформ и сервисов, которые создают вовлекающие и интерактивные впечатления для потребителей, а также способны проводить интеллектуальный анализ данных о поведении и предпочтениях клиентов для оптимизации и персонализации клиентского опыта, стимулируя развитие долгосрочных отношений.

Выводы. В условиях формирования принципов экономического развития в рамках промышленной революции «Индустрия 5.0» конкуренция экономических агентов усиливается, технологические инновации постоянно изменяют свой ландшафт, совместное создание добавленной стоимости (ценности) становится критически важным аспектом для устойчивого роста и успеха предприятий и организаций. Экономика впечатлений может стать катализатором в достижении этих целей. Такой подход открывает новые возможности для бизнеса по созданию уникальной добавленной стоимости (ценности) для потребителей.

Разработанная экономико-математическая модель, отражающая степень интеграции экономики впечатлений в рамках «Индустрии 5.0», демонстрирует весьма значительный уровень покрытия, равный 0,67. Этот показатель свидетельствует о том, что принципы экономики впечатлений эффективно реализуются в контексте концепции «Индустрия 5.0», обеспечивая значимое взаимодействие между технологическими и человеческими, социальными, а также экологическими аспектами.

Библиографический список

1. Клейнер Г. Б. Системная экономика: в поисках единой платформы для ведения хозяйства, организации управления, развития экономической теории // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 6. С. 6–14.
2. Назаров Д. М., Бегичева С. В., Ковтун Д. Б., Назаров А. Д. Data Science и интеллектуальный анализ данных: учеб. пособие. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 304 с.
3. Тарасов И. В. Технологии индустрии 4.0: влияние на повышение производительности промышленных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 2. С. 62–69.
4. Akundi A., Euresti D., Luna S., Ankobiah W., Lopes A., Edinbarough I. State of Industry 5.0 — Analysis and Identification of Current Research Trends // Applied System Innovation. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 27.
5. Gajdzik B. Development of business models and their key components in the context of cyber-physical production systems in Industry 4.0 // Jabłoński A., Jabłoński M. (eds.). Scalability and sustainability of business models in circular, sharing and networked economies. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 73–94.
6. Pine B. J. II, Gilmore J. H. The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage. Harvard Business Press, 1999. 254 p.
7. Pine B. J. II, Gilmore J. H. Welcome to the experience economy // Harvard business review. 1998. Vol. 76, no. 4. P. 97–105.
8. Schumacher A., Schumacher C., Sihn W. Industry 4.0 Operationalization Based on an Integrated Framework of Industrial Digitalization and Automation // N. M. Durakbasa, M. G. Gencyilmaz (eds.), Proceedings of the International Symposium for Production Research 2019. ISPR 2019. Lecture Notes in Mechanical Engineering. Springer, Cham., 2020. P. 301–310. DOI: 10.1007/978-3-030-31343-2_26.

Развитие старопромышленного региона в условиях мобилизационной экономики

В статье раскрыто содержание понятия «мобилизационная экономика», выделены ключевые ее особенности. Особое внимание уделено региональной проекции мобилизационной экономики — ее влиянию на региональную экономическую динамику старопромышленного региона (Свердловской области). Авторы доказывают, что развитие экономики старопромышленного региона в настоящее время происходит в условиях формирования мобилизационной экономики

Ключевые слова: старопромышленный регион; мобилизационная экономика; региональная проекция.

Понятие «мобилизационная экономика» не является на сегодняшний день новым, однако отсутствуют и четко сложившиеся однозначные его формулировки ([3; 4; 8; 9] и др.). Для построения собственных выводов мы вынуждены обратиться к этимологическим корням данного важного для нашего исследования понятия.

Авторитетное справочное издание Д. Н. Ушакова трактует термин «мобилизация» в трех направлениях: как «перевод вооруженных сил государства из мирного состояния в состояние полной готовности к участию в военных действиях» или «перевод какой-нибудь отрасли народного хозяйства на работу для целей войны» (например, мобилизация промышленности); как «приведение какой-нибудь ценности в подвижное состояние с целью наибольшей ее эксплуатации» (например, мобилизация земли); как «приведение кого-чего-нибудь в активное состояние, обеспечивающее успешное выполнение поставленной какой-нибудь задачи (мобилизация всех сил страны)» [7, с. 463].

Экономические издания энциклопедического характера имеют более однородное толкование понятия мобилизация как «проведение необходимых мероприятий по концентрации средств и ресурсов для достижения поставленной цели» [2, с. 531]. При этом мобилизация в РФ трактуется как комплекс мероприятий по переводу экономики РФ, экономики субъектов РФ и экономики муниципальных образований, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени [2, с. 531].

В современных научных исследованиях представлены попытки раскрытия содержания понятия «мобилизационная экономика», однако не представлена четкая региональная проекция проявления влияния мобилизационной экономики на региональную экономическую динамику.

Академик С. Ю. Глазьев еще в 2018 г. отмечал тот факт, что «мобилизационную экономику обычно трактуют сквозь призму военного времени, когда промышленность переводится на военные рельсы с целью обеспечения фронта всем необходимым для Победы» [3, с. 41].

Член-корреспондент РАН В. А. Цветков, используя исторический подход, приводит периодизацию мобилизационной экономики [9, с. 8]. В частности, первый период представлен в начале XX в. и был связан со вступлением Российской империи в Первую мировую войну 1914 г. Второй период мобилизационной экономики ученый связывает со сталинской индустриализацией (май 1929 г. — июнь 1941 г.), направленной на наращивание промышленного потенциала страны. Затем мобилизационная и военная экономика были представлены в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и в послевоенные годы.

В. А. Цветков предлагает и обосновывает многовариантную мобилизационную модель экономики, различающуюся целями, инструментами и вариантами реализации [9, с. 8]: *экономика мобилизации ресурсов; антикризисная мобилизационная экономика; экономика военного времени* или *военно-мобилизационная экономика*.

Обобщение научной литературы позволяет выделить ключевые особенности мобилизационной экономики [3; 4; 5; 8; 9]:

- ведущая роль государства, которое определяет ключевые направления развития народного хозяйства страны в зависимости от поставленной задачи;

- цель мобилизационной экономики — создание условий, наиболее эффективного использования имеющихся внутренних ресурсов для простого и расширенного воспроизводства, стимулирования ускоренного экономического роста.

Одним из первых среди современных ученых проявление мобилизационной экономики на региональную динамику показал член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев [6], рассматри-

вающий мобилизационную экономику как *программно-целевой метод* решения чрезвычайно сложных народнохозяйственных проблем путем сосредоточения значительной части ресурсов страны (информационных, интеллектуальных, материально-технических).

Ученый продемонстрировал региональный аспект решения народнохозяйственных проблем в экстремальных условиях на примере реализации принципов мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной войны. Опираясь на опыт работы академических комиссий АН СССР по мобилизации ресурсов на нужды обороны в 1941–1945 гг. («мобилизация умов»), В. Н. Лаженцев представил некоторые зафиксированные документально результаты по Уралу, Западной Сибири и Казахстану.

В частности, итогами работы академических комиссий на Урале и в Поволжье явились «форсированное развитие нефтяной промышленности ... открытие и начало промышленного освоения месторождений бокситов на востоке Урала, новые месторождения железной руды в Кузбассе и молибденовых руд в Казахстане», а также «освоение металлургическими предприятиями Магнитогорска и Кузнецка технологии плавки броневой стали, ... внедрение в производство заменителей кокса», сокращающих затраты на его транспортировку, новые технологии производства алюминия, кобальта, хрома и др. [6, с. 37].

Автор доказывает успешность решения региональных задач с применением методов мобилизационной экономики посредством использования апробированного в мирное и военное время программно-целевого подхода.

Приведем собственные наблюдения проявления влияния мобилизационной экономики на процессы региональной экономической динамики на примере одного из старопромышленных регионов России — Свердловской области.

Нами использованы два важнейших показателя развития экономики Свердловской области за 83 периода помесечно с 2017 г. по ноябрь 2023 г. — индекс промышленного производства и индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», исчисленные в процентах к значениям предыдущего месяца (рис. 1).

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства и индекса производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Свердловской области за 2017 г. — ноябрь 2023 г.¹

¹ Сост. по: *Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 25.01.2024).

Рис. 2. Динамика индекса промышленного производства и индекса производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Свердловской области за март 2022 г. — ноябрь 2023 г.

На динамику показателей в 2020–2021 гг. оказывали влияния медико-биологические факторы, связанные с проявлением пандемии коронавируса, подробный анализ был представлен нами в предыдущих исследованиях [1]. Ограничения на осуществление ряда видов деятельности привели к падению показателей в 2020–2021 гг.

Однако, начиная с марта 2022 г., на фоне начала специальной военной операции отмечен устойчивый рост индексных показателей, что достаточно четко прослеживается на рис. 1 и 2. Об этом свидетельствует линия тренда, выстроенная по индексу производства по виду деятельности «Обрабатывающие производства» (рис. 2).

Уральский макрорегион и один из субъектов РФ, входящих в его состав, — Свердловская область, не явились исключением об общенациональных процессов, о которых говорил в своем выступлении Президент РФ В. В. Путин на форуме «Все для Победы!» в Туле 2 февраля 2023 г., главными выводами которого явились следующие¹.

Оборонно-промышленный комплекс России демонстрирует высокую динамику и высокое качество выпускаемой продукции. В частности, производство танков в России с начала специальной военной операции выросло в пять раз, автомобильной техники — в семь раз, благодаря чему в данном секторе экономики создано 520 тыс. новых рабочих мест. Выполнение государственного оборонного заказа осуществляется на уровне 100 %, что позволило на 95 % обновить стратегические ядерные силы, в том числе их морскую составляющую почти на 100 %.

Представленные выше аргументы свидетельствуют об активном формировании в экономическом пространстве России и Урала характеристик мобилизационной экономики, которая оказывает позитивное влияние на ускорение процессов экономической динамики опорного края державы — Свердловской области.

¹ *Залог победы и кратный рост ОПК // ТАСС. 2024. 2 февр. URL: <https://tass.ru/politika/19888361> (дата обращения: 06.02.2024.).*

Библиографический список

1. *Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России: кейс Свердловской области // *Journal of New Economy*. 2022. Т. 23, № 2. С. 64–79.
2. *Большой экономический словарь: 25000 терминов* / под ред. А. Н. Азрилияна. 6-е изд., доп. М.: Институт новой экономики, 2004. 1376 с.
3. *Глазьев С. Ю.* Условия и стратегия экономической мобилизации в системе воспроизводства российской государственности // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2018. № 2. С. 40–78.
4. *Гришков В. Ф., Плотников В. А., Фролов А. О.* Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 3 (135). С. 7–13.
5. *Иванов О. Б., Бухвальд Е. М.* Мобилизационная экономика в России: вчера, сегодня и // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2022. № 3. С. 7–27.
6. *Лаженцев В. Н.* Программно-целевая мобилизация ресурсов // *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 1 (196). С. 32–41.
7. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. [Б. м.]: Буколика, 2008. 1247 с.
8. *Филин С. А., Якушев А. Ж.* Формирование условий и стратегического инструментария мобилизации экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. Т. 12, № 9 (342). С. 61–74.
9. *Цветков В. А.* Мобилизационная экономика: актуальные вопросы сегодняшнего дня // *Проблемы рыночной экономики*. 2022. № 3. С. 6–15.

Цифровые инструменты туристической отрасли как основа повышения эффективности системы управления рыночным агентом

В статье рассмотрен ряд вопросов, связанных с введением цифровых инструментов в сферу туризма. Предпринимательская деятельность в сфере туризма и гостиничной индустрии обладает сложной спецификой. Это вызывает повышенную насыщенность информационных потоков, а общий охват информационными потоками оказывает прямое влияние на удовлетворенность потребителей и на формирование завершеного конечного продукта.

Ключевые слова: финансовый учет; цифровая трансформация; инструменты; информатизация; информационные технологии; инновации.

Введение. Туристическая отрасль активно использует цифровые инновационные, информационно-коммуникационные технологии для осуществления различных бизнес-процессов. Инновационный характер вновь создаваемого продукта является функциональной основой данной инфраструктуры помимо традиционных целостно-эффективных функций существования. Применение существующих цифровых технологий обработки информации в данной области хозяйствования является следствием активизации цифрового процесса в управлении предприятиями [1, с. 55].

Результаты. В настоящее время российскими предприятиями, работающими в сфере туризма, применяется ряд специализированных программ, которые полностью охватывают всю деятельность предприятия. Одной из наиболее востребованных программ для ведения туристического бизнеса и обеспечения финансового учета является «Битрикс24», в которой сочетаются возможности для непосредственного ведения туристического бизнеса, управления им, ведения финансового учета и контроля над операциями туристической организации. Система «Битрикс24» интегрирована с бухгалтерской программой «1С:Отель 8», что позволяет своевременно регистрировать все операции, проводимые в отеле, вести достоверный и полный управленческий и финансовый учет, в полной мере формировать управленческую и финансовую отчетность.

Еще одной распространенной системой финансового учета в туристическом бизнесе является система Впovo, применяемая в индустрии гостеприимства в учете продаж. Данная цифровая система имеет multifunctional возможности охвата количества отдельного номерного фонда. Как следствие — накопление и формирование финансовой отчетности, управление расчетно-кассовым обслуживанием, осуществление аналитических прогнозов и обзоров. Система Впovo, помимо функций, выполняемых в рамках управления гостиничным комплексом, также позволяет формировать управленческую отчетность, осуществлять контроль в автоматическом режиме дебиторской задолженности, а также формировать бухгалтерскую финансовую отчетность в соответствии с российскими правилами ведения бухгалтерского учета.

Среди программ системы 1С наибольшее распространение получила программа «1С:Отель 8», которая обеспечивает построение управленческого учета. Данный программный продукт наиболее адаптирован в работе предприятий, поскольку он охватывает решение поставленных задач в системе управления хозяйствующим субъектом.

Еще одним программным комплексом, получившим широкое распространение в индустрии гостеприимства, является 1С:ERP. Это инновационное и эффективное решение программного комплекса 1С, позволяющее формировать комплексную информационную систему управления. Данная цифровая система обобщает учет и контролирует результативность показателей работы в целом по всему хозяйственному комплексу предприятия сферы туристических услуг отеля и всех центров ответственности. Обеспечивает информационное сообщение всех хозяйственных служб и подразделений, способствует эффективному управлению.

Современные условия хозяйствования системы гостеприимства сформировали ряд условий обеспечения организации и ведения бизнеса, которые привели к построению и использованию такой цифровой технологии, как блокчейн. Данная цифровая технология обеспечивает хранение и работу с большими информационными массивами, которыми являются клиентские базы отельной сети, при максимальной защищенности персональных

данных от кибератак. Блокчейн использует цифровую среду с максимальными возможностями современных цифровых технологий, это позволяет обеспечивать правдивость информационных потоков.

Обсуждение. Уровень конкуренции на туристическом рынке постоянно растет, что вызывает необходимость внедрения новых технологий и инноваций как в управление туристическим предприятием в целом, так и в информационную базу, обеспечивающую достоверность, полноту и быстрое формирование финансово-аналитической информации [2, с. 500]. Наиболее применимыми программными комплексами, которые используются предприятиями сферы туризма, являются программы, которые позволяют одновременно вести текущую деятельность и качественно обслуживать гостей, регистрировать учетные данные, формировать управленческую и финансовую отчетность для принятия высшим менеджментом предприятия рациональных управленческих решений.

В современных условиях уровень цифровизации оказывает непосредственное влияние на уровень конкурентоспособности предприятия и является важным индикатором эффективной стратегии развития [2, с. 500]. Для рыночного агента важным индикатором является внедрение цифровых решений для расширения клиентской базы, совершенствования бизнес-процессов (рис. 1).

Процесс цифровой трансформации затратный, но современные организации оценивают экономическую выгоду от вложения финансовых ресурсов в разработку и внедрение цифровых инструментов. Предлагается механизм внутрикорпоративного социально-экономического программирования, которое будет способствовать формированию экосистемы [3, с. 134]. Под бизнес-экосистемой туристической организации мы понимаем эффективность использования совокупного потенциала рыночного субъекта, в частности информационных ресурсов, и способность адаптировать их к потребительским предпочтениям. Каждый хозяйствующий субъект должен проводить оценку возможностей реализации цифровой трансформации. Привлечение заемных средств в деятельность туристического агента порой невозможно в связи с отсутствием активов, и ряд организаций ставит перед собой задачу сохранить самостоятельность на рынке туристических услуг.

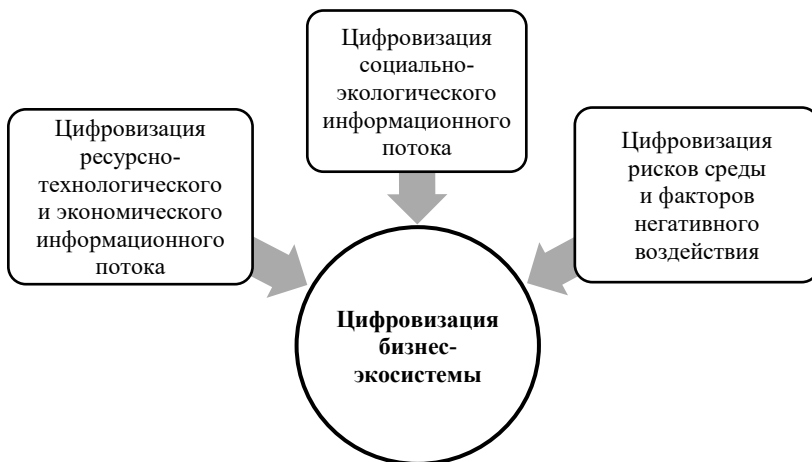

Рис. 1. Приоритетные направления инновационных решений, направленных на совершенствование бизнес-процессов туристической организации

Без привлечения органов государственной власти реализация данного механизма невозможна. Результативность цифровой трансформации представлена на рис. 2.

Рис. 2. Результативность цифровой трансформации организации туристический индустрии

Существующие цифровые платформы успешно зарекомендовали себя как со стороны собственников субъектов малого и среднего предпринимательства, так и со стороны заказчиков услуг. К элементам предлагаемой платформы относятся: защита информации, облачные технологии, виртуальная реальность, облачные вычисления и хранение данных, экономико-математическое моделирование, Интернет вещей, консолидация участников рынка, роботизация, цифровой маркетинг. Одно из условий — все элементы между собой связаны и каждый участник экосистемы имеет доступ к единой базе данных.

Заключение. Можно сделать вывод, что использование программных средств будет способствовать повышению эффективности организации, а также снижению затрат, что приведет к росту конкурентоспособности. Сегодня туристические фирмы применяют традиционный подход в учете. Тем не менее назревает цифровой сдвиг, поскольку появляются более передовые технологии учета, которые фокусируются на цифровом учете как современном инструменте, в связи с чем последует переквалификация бухгалтеров и IT-специалистов.

Формирование цифровой экосистемы туристического агента требует инновационных подходов, которые учтут индивидуальные запросы каждой сегментной группы потребителей. Соответственно, от достижения цифровой зрелости хозяйствующего субъекта, возможностей внедрения цифровых инструментов, эффективности использования совокупного потенциала зависит развитие отрасли в целом и улучшение социально-экономического положения государства.

Библиографический список

1. *Власова Н. Ю., Карх Д. А.* Развитие локальных рынков услуг крупнейших городов в условиях долевой экономики // Экономика сферы услуг в условиях цифровизации. Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. С. 55–68.
2. *Закирова Э. Р.* Особенности формирования инвестиционной политики малых промышленных предприятий в современных условиях // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 496–501.
3. *Кулагина Н. А., Зайцева О. Ю.* Современные инструменты поддержки инновационной деятельности промышленных предприятий // Научное пространство современной молодежи: приоритетные задачи

и инновационные решения: сб. ст. участников III Всерос. молодежной науч.-практ. конф. VI Уральского вернисажа науки и бизнеса, Междунар. науч. культурно-образовательного форума (Челябинск, 7–8 апреля 2022 г.). Челябинск: ЧелГУ, 2022. С. 133–135.

Г. З. Мансуров

Цифровой рубль как экономико-правовая категория

В статье содержится анализ ряда дискуссионных проблем цифрового рубля как экономико-правовой категории. Указаны примеры ошибочного толкования понятия «цифровизация». Изложены аргументы о невозможности юридического определения экономической категории «деньги». Обращено внимание на коллизию содержания экономических и юридических терминов в законодательстве о цифровых рублях.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые объекты; деньги; цифровой рубль; объект гражданского права; законное платежное средство.

1 августа 2023 г. вступил в силу закон о новой редакции отдельных статей Гражданского кодекса РФ, дополнивший перечень объектов гражданского права цифровыми рублями. Однако новое средство платежа будет вводиться постепенно. Россия следует примеру Европейского союза, законодательство которого реципирует Центральный банк РФ. Между тем Европейский центральный банк в значительной степени сдержан в отношении деталей и результатов своего эксперимента, за исключением спорadicеских намеков на то, что цифровой евро, возможно, будет запущен в течение следующих четырех лет¹. При этом, по мнению специалистов, цифровой евро будет не новой или дополнительной валютой, а, скорее, дополнительным, новым, инновационным средством платежа².

Целью данной статьи является анализ ряда дискуссионных проблем цифрового рубля как экономико-правовой категории. Применение термина «финансовый» в данном случае явля-

¹ Handagama S. Digital Euro Would Be a Success Only if Widely Used, ECB Says / CoinDesk. 2022. July 14. URL: <https://goo.su/R040keK> (дата обращения: 12.01.2024).

² Digitaler Euro: Eurosystem startet die nächste phase / Deutsche Bundesbank. 2023. Oktober 19. URL: <http://www.bundesbank.de/de/aufgaben/themen/digitaler-euro-eurosystem-startet-die-naechste-phase-856158> (дата обращения: 12.01.2024).

ется неуместным, так как в юриспруденции его принято использовать для обозначения публично-правовых понятий, в то время как цифровой рубль является объектом гражданского права.

1. Проблемы толкования понятия «цифровизация». В настоящее время общепринятое определение отсутствует. Наиболее часто термин «цифровизация» используется для обозначения интернетизации. В результате появились такие понятия, как «цифровое обучение», «цифровые услуги» и т. д. Включение термина «цифровой» в данном случае не меняет правовую природу взаимоотношений сторон, а означает использование ими Интернета как средства коммуникации.

Такая замена терминов является нарушением методологического принципа «бритва Оккама», согласно которому *нельзя вводить в научный оборот новые термины для обозначения уже поименованных понятий.* С точки зрения правил юридической техники речь идет о нарушениях требований, предъявляемых к юридическим терминам, — точности обозначения соответствующего правового понятия и однозначности восприятия в рамках юридического языка [11, с. 16].

Для обеспечения единообразия терминологического аппарата было бы целесообразно вернуться к первоначальному варианту применения термина «цифровизация», т. е. *обозначать им только процесс создания цифровых объектов.*

Закон о внесении в Гражданский кодекс РФ норм о невзаимозаменяемых токенах, именуемых также NFT-токенами, еще не вступил в силу, но данные объекты гражданского права находятся в обороте [3, с. 12]. Цифровые объекты объединяет общий признак — *они возникают, циркулируют и исчезают в цифровой платформе (блокчейне).*

2. Об определении понятия «деньги». Действующее российское законодательство не содержит определения денег. Судебная практика по этому поводу является противоречивой. В теории права, по мнению большинства специалистов, традиционно отдается предпочтение использованию *экономического толкования денег.* Так, дореволюционный цивилист М. Литовченко указывает: «Гражданское право не дает этого определения (денег. — Г. М.) — берет его готовым из политической экономии и лишь конкретизирует его» [5, с. 4]. Сходное мнение можно обнаружить

в работах современных авторов [9, с. 411]. Соответственно, «деньги — это универсальный эквивалент стоимости всех товаров, средство оплаты товаров, услуг, сохранения и приумножения стоимости» [6, с. 30]. По этой причине не представляется возможным согласиться с утверждением, согласно которому назрела необходимость нормативно закрепить понятие денег в целом [10, с. 122].

Как уже ранее было отмечено, во-первых, российское законодательство не содержит определения денег и, во-вторых, нет никакой необходимости в определении денег в силу того, что платежными свойствами могут быть наделены, помимо законного платежного средства, совершенно разные объекты гражданского права.

С экономической точки зрения функции денег могут выполнять разные вещи. Так, по мнению некоторых ученых, *все, что используется как деньги, является деньгами* [11, с. 16]. Ш. Монтескье приводит в качестве примера данного варианта толкования понятия «деньги» разрешение Цезаря на расплату с займодавцами земельными участками: «При Цезаре земля стала монетой, которой уплачивались все долги» [8, с. 482].

Поскольку в российском праве отсутствует категория «деньги», проблема квалификации денег не имеет значения с точки зрения российского гражданского права. Попытки определить деньги как юридическую категорию сводятся к конструированию законного платежного средства. Например, «зарубежные правовые порядки исходят из того, что ключевым критерием денег выступает конструкция законного средства платежа, являющегося деньгами в юридическом смысле» [2, с. 46]. По мнению Ю. В. Бахаревой, «деньгами в юридическом смысле являются денежные знаки страны, а также денежные средства на счетах в банках» [1, с. 14].

3. *Проблемы разграничения понятий «цифровой рубль» и «цифровая валюта» («криптовалюта»)*. Цифровой рубль является разновидностью цифровых валют центральных банков. Как указывают сотрудники Кассельского университета А. Хэнл и Дж. Михаэлс, «основная идея цифровых денег центрального банка очень проста: частные домохозяйства и компании полу-

чают прямой доступ к балансу центрального банка, открывая счет в центральном банке и делая депозиты» [13, s. 341].

В экономической литературе под цифровыми деньгами (виртуальными деньгами, криптовалютой) понимаются цифровые монеты, эмиссия и учет которых основаны на криптографических методах, а функционирование системы происходит децентрализованно в распределенной компьютерной сети [7, с. 39].

Цифровой рубль и цифровую валюту (криптовалюту) объединяет то, что оба платежных средства возникают, циркулируют и прекращаются в цифровой платформе. Возможно, по этой причине некоторые авторы их не различают.

Очевидно, что данное мнение ошибочно. Самое важное юридическое отличие в том, что цифровой рубль является разновидностью законного платежного средства, т. е. ему свойственен имманентный признак всех цифровых валют центральных банков. Например, по мнению германского юриста, цифровой евро должен получить статус законного платежного средства [12, s. 44].

В экономической литературе к числу достоинств цифровых денег как формы законного платежного средства относят возможность обходиться без традиционных систем обмена информацией, что позволяет избавиться от банковских рисков [4, с. 125].

4. *Коллизия содержания экономических и юридических терминов в законодательстве, регулирующем эмиссию и обращение цифровых рублей*, является результатом многолетней правовой политики Центрального банка РФ, для которой свойственно игнорирование понятийного аппарата законотворчества и правовой науки. Например, квалификация Центральным банком РФ цифрового рубля как третьей формы российской национальной валюты противоречит содержанию ч. 2 ст. 140 Гражданского кодекса РФ. Чтобы исключить критику юристов, в самой Концепции цифрового рубля и позже в своем письме от 11 сентября 2023 г. Центральный банк РФ пояснил, что в данном случае термин «форма денег» используется в экономическом контексте. Соответственно, он признает, что в других актах Центрального банка РФ используются экономические термины.

Из вышеизложенного следует:

1) для обеспечения единообразия терминологического аппарата было бы целесообразно вернуться к первоначальному ва-

рианту применения термина «цифровизация», т. е. обозначать им только процесс создания цифровых объектов;

2) цифровые рубли отличаются от иных форм рублей тем, что они возникают, циркулируют и исчезают в закрытой цифровой платформе (блокчейне), оператором которой является Центральный банк РФ;

3) понятие «деньги» не имеет юридического значения. Платежные функции могут выполняться самыми разными финансовыми активами. С юридической точки зрения в составе денег следует выделять законные средства платежа, специальные законные средства платежа и иные средства платежа.

Библиографический список

1. *Бахарева Ю. В.* Деньги и денежные обязательства как категории гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. Вып. 10. М.: Норма, 2006. С. 13–53.

2. *Баишатов М. Л.* Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2023. 186 с.

3. *Бельдина О. Г.* NFT-токен: понятие, признаки, субъектный состав, правовое регулирование // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 99-3. С. 12–14.

4. *Глазьев С. Ю.* Рынок в будущее: Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 765 с.

5. *Литовченко М.* Деньги в гражданском праве. Киев: Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1887. 50 с.

6. *Марамыгин М. С.* Современные подходы к трактовке функций денег // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2017. № 2 (58). С. 29–40.

7. *Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А.* Экономическая природа и проблемы использования виртуальных денег (криптовалют) // Известия УрГЭУ. 2015. № 2 (58). С. 37–43.

8. *Монтескье Ш.* О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

9. *Право цифровой среды* / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с.

10. *Стыценко Р. А.* Пробелы и противоречия в законодательном регулировании цифрового рубля в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 119–126.

11. *Туранин В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2017. 437 с.

12. *Beck B.* Gesetzliche Zahlungsmittel und Annahmewang. Baden-Baden: Nomos, 2018. 109 s.

13. *Hanl A., Michaelis J.* Digitales Zentralbankgeld als neues Instrument der Geldpolitik // Wirtschaftsdienst. 2019. Heft 5. S. 340–347.

Н. Н. Мокеева

Отдельные аспекты цифровизации банковского сектора

В статье рассматриваются вопросы, связанные с расширением цифровизации банковского сектора. Раскрывается роль банковских экосистем, необанков, цифрового рубля и новых форматов дистанционного банковского обслуживания клиентов. По результатам автором определяются перспективы цифровизации банковской системы в современных экономических условиях с точки зрения мегарегулятора и самих банков.

Ключевые слова: цифровизация; экосистема; необанк; BNPL сервисы; цифровой рубль.

Коммерческие банки являются неотъемлемым экономических звеном в структуре банковской системы каждого государства. Они перераспределяют и аккумулируют денежные средства, что позволяет осуществлять и налаживать производственные процессы, поддерживать национальную инфраструктуру, улучшать качество жизни граждан. Не меньшее значение имеют и региональные коммерческие банки, распределяющие денежные ресурсы в территориальном разрезе. Именно от их деятельности зависит качественное и сбалансированное развитие региона, в котором они функционируют.

Однако для успешного развития, дальнейшей модернизации экономики страны или регионов необходимо совершенствование и самих коммерческих банков. В первую очередь речь идет о цифровизации банковского сектора. Лидерами данного процесса являются крупные коммерческие банки, среди которых ПАО «Сбербанк», АО «Россельхозбанк», АО «Тинькофф Банк», ПАО «ВТБ». Но стоит отметить, что не все банки имеют возможность перейти на цифровой формат работы. Цифровизация банковских процессов предполагает большой объем инвестиций, которые не всегда доступны небольшим региональным банкам. Кроме того, для разработки передовых сервисов и платформ

необходимы IT-специалиста, новейшие технологии, специализированные отделы, которых у регионов пока недостаточно.

Цифровизация коммерческих банков осложняется и уходом с российского рынка западного программного обеспечения, отзывом SSL-сертификатов, которые обеспечивают безопасность банковского сайта и персональных данных, исчезновением специализированного оборудования по ряду услуг [4, с. 41]. Для решения этой проблемы Банк России с органами исполнительной власти обсуждают создание инфраструктурной организации, которая поможет банкам перейти на отечественные программные продукты.

В связи с развитием дистанционных сервисов сократилось количество филиалов банков, операционных касс и головных офисов. Однако, несмотря на общее сокращение количества подразделений банков в стране, ряд крупных банков, напротив, расширяют сеть своего присутствия в отдаленных регионах с целью сохранения банковской инфраструктуры в местах, где нет качественной и постоянной сотовой связи, а также Интернета.

Цифровизация банковского сектора способствует уверенному развитию национальной экономики в разных сферах, однако она порождает такую проблему как конкуренция. Как было обозначено ранее, не все коммерческие банки имеют финансовые и кадровые возможности для расширения и цифровизации своей деятельности. В связи с этим крупные банки, располагающие всеми необходимыми ресурсами, вытесняют с рынка более мелкие банки. Стоит отметить, что банки конкурируют не только в сфере цифровизации, каждый из них стремится предложить максимально удобный, выгодный и соответствующий новым экономическим и социальным условиям пакет банковских услуг и продуктов: дистанционное управление денежными средствами, сервис системы быстрых платежей, оплату по QR-коду, виртуальные карты, геймификацию процессов и др.

Конкуренция среди коммерческих банков прослеживается и на региональном уровне. Местные банки с целью сохранения своей деятельности стремятся создать собственную базу клиентов, расширить сеть отделений, предложить гибкую линейку продуктов с учетом специфики региона. Они активно соревнуются за обслуживание сегмента предприятий малого и среднего бизнеса,

которые нуждаются в индивидуальном подходе, с высокой скоростью проведения сделок и хорошим качеством услуг.

Неоднозначным явлением выступает концентрация ресурсов у группы системно значимых кредитных организаций. С одной стороны, это банковские гиганты, обладающие высокой концентрацией активов, поддерживающие благосостояние населения, обслуживающие большинство отраслей, способные предложить рынку продукты и услуги, основанные на использовании искусственного интеллекта и финансовых технологий. С другой стороны, они могут стать главной причиной монополизации банковского сектора. Монопольное положение группы банков исключает здоровую конкуренцию, что в свою очередь может привести к еще большему сокращению региональных банковских структур. В связи с чем может быть затруднено кредитование малого и среднего бизнеса, стартапов, инновационных проектов, которые также в экономике играют значительную роль. Именно региональные банки в большей степени приспособлены к индивидуальным запросам клиентов соответствующей территории.

Вышеперечисленные вызовы требуют от банков четких направлений развития, чтобы минимизировать круг существующих проблем и предлагать клиентам востребованный вариант банковских операций и услуг.

Современным направлением развития банковской системы является распространение и популяризация онлайн-банков или необанков. Необанк — это кредитная организация, имеющая право осуществлять базовые банковские услуги в цифровом формате [1, с. 5]. Следует отметить, что по мере освоения традиционными банками цифрового пространства различий между необанком и традиционным становится все меньше.

Однако необанки имеют спрос больше среди молодых людей, чем у взрослого населения. Для успешной интеграции в привычную жизнь людей всех возрастных категорий необанкам еще предстоит организовать систему своей работы так, чтобы никаких препятствий не возникало. Также необходимо учитывать, что традиционные банки успешно внедряют новые бизнес-модели с учетом меняющегося спроса со стороны клиентуры.

Другим относительно новым направлением становятся BNPL сервисы (Buy now — Pay later), которые «позволяют разде-

лить стоимость покупки на несколько частей. Для того, чтобы получить товар, достаточно оплатить только первый взнос, постепенно погашая задолженность в течение нескольких месяцев» [2, с. 24]. Можно сказать, что BNPL сервисы — это аналог рассрочки, но при этом не учитывается кредитная история и не проверяется уровень дохода [2; 3]. Для совершения операции также не требуется и одобрение банка. Названные сервисы помогают потребителям распределять свои денежные средства, совершая сразу несколько необходимых для них покупок. Привлечение более молодой аудитории является также задачей BNPL сервисов. Как правило, молодежь не имеет достаточного количества средств для приобретения интересующего товара, однако платежный сервис решает данную проблему и позволяет экономике получать деньги.

Банки получают возможность продать более удобный и качественный пакет услуг для торгово-сервисных предприятий, а параллельно привлечь новых контрагентов, повысить лояльность клиентов, а также получить комиссионный доход от продавцов и штрафы в случае нарушения сроков платежей потребителями.

Новацией 2023 г. является цифровой рубль. Цифровой рубль выпускается Банком России, регулятор контролирует направление движения денежных средств, а также цели их использования¹.

Экономисты отмечают, что рынку и населению будет необходимо пройти период адаптации к цифровому рублю. В свою очередь, Банку России придется приложить немало усилий, чтобы показать субъектам экономики преимущества новой формы валюты и заинтересовать их активно ее использовать.

Предполагается, что для развития цифрового рубля Банк России будет активизировать расчеты с использованием виртуальной валюты между юридическими лицами, в том числе с работниками бюджетной сферы и государственными компаниями. Регулятор рассматривает применение цифрового рубля в обслуживании внешнеторговых операций. Не исключено, что Банк России помимо всего прочего введет требования к системно зна-

¹ Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций // Банк России. 2020. Октябрь. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

чимым кредитным организациям иметь долю цифрового рубля в пассивах не ниже определенного уровня. Также на цифровой рубль могут перевести лиц, получающих бюджетные выплаты, а для банков возможно создание субсидированных продуктов с использованием цифрового рубля с целью получения дополнительного дохода.

Позиции банков последние годы трансформируются в сторону цифровизации за счет активного развития децентрализованных финансов «(DeFi), являющихся формой организации финансов, которая позволяет оказывать и получать традиционные финансовые услуги на иной технологической основе и без посредников. DeFi имеют ряд значимых сущностных особенностей, связанных с элементами децентрализации, что приводит к появлению новых и трансформации уже привычных возможностей и рисков» [5, с. 294].

Для «удержания клиентов и обеспечения конкурентных преимуществ перспективы коммерческих банков в большинстве своем связаны с дальнейшей цифровизацией и активным внедрением новых финансовых технологий: биометрическая идентификация, цифровой профиль, виртуальные помощники и чат-боты» [4, с. 43], мобильные приложения, платежные стикеры.

Таким образом, современная банковская система на пути своего развития сталкивается с немалым количеством препятствий и испытаний, требующих вмешательства Банка России и Правительства РФ. Наиболее актуальна проблема цифровизации банковских процессов, для решения которой требуется использование новых финансовых технологий, освоение отечественного программного обеспечения и оборудования, разработка и внедрение продуктов и услуг, отвечающих запросам нового поколения потребителей. В ближайшем будущем банковский сектор станет неким новатором, чьи идеи и разработки будут способствовать дальнейшему росту национальной экономики и повышению благосостояния граждан.

Библиографический список

1. *Азаров С. В.* Анализ банковской системы в условиях пандемии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2021. № 1. С. 5–9.

2. Вагайцева В. П., Шмырева А. И. Некоторые аспекты банковского обслуживания // Новая экономика Сибири: сб. тез. докл. Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9 декабря 2022 г.). Новосибирск: НГУЭУ, 2023. С. 24–28.

3. Верников В. А., Агаджанян С. А. Новые финансовые инструменты как альтернатива микрозаймам // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2023. № 2 (63). С. 49–57.

4. Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2019. № 3. С. 41–60.

5. Трансформация бизнес-процессов в условиях цифровизации экономики / Я. П. Силин, Т. З. Тешабаев, Е. Г. Князева и др. Ташкент: Lesson Press, 2023. 322 с.

М. С. Оборин, Д. А. Клейн

Государственное управление развитием инновационного потенциала лесопромышленного комплекса

В статье исследуются особенности управления лесопромышленным комплексом в условиях негативных макроэкономических и геополитических факторов. Определена эффективность применения кластерного подхода для управления инновационным развитием лесного хозяйства и лесной промышленности. Авторами разработан алгоритм создания и развития инновационного лесопромышленного кластера, деятельность которого направлена на производство товаров с высокой ценностью для потребителей.

Ключевые слова: государственное управление; лесопромышленный комплекс; инновационный потенциал; внутриотраслевая интеграция.

Развитие стратегического подхода к управлению экономикой в последнее десятилетие в России позволило существенно повысить качество процессов планирования и контроля, обеспечить преемственность целей в различных сферах деятельности. Лесопромышленный комплекс является сложным объектом регулирования, поскольку включает несколько взаимосвязанных видов деятельности, требующих дифференцированного подхода.

Учет экологических особенностей необходим, так как лесные ресурсы восстанавливаются длительное время, данный про-

цесс подвержен влиянию различных факторов риска: климатические изменения, пожары, вредные насекомые. Более того, чтобы породы достигли определенного возраста рубки, должно пройти длительное время. Существенный временной лаг оказывает влияние на эффективность контроля, сложность прогнозирования и получения результата, необходимость ведения системных и постоянных работ при малочисленности сотрудников лесничеств. Ограничением результативности проектирования лесных планов и учета ресурсного потенциала лесов в регионах является несоответствие содержания информационных ресурсов и фактического состояния. Применение инновационных технологий и цифровых решений заключается в использовании беспилотных летательных аппаратов, точного земледелия, обработке аэро- и космических снимков, новых способах анализа качества и возраста пород, определяемых спектрально на основе удаленно полученных данных.

В настоящее время идет развитие двух основных направлений лесного комплекса — лесозаготовки и переработки древесины. При этом отмечен значительный рост объемов по направлению лесозаготовительного сырья, многие предприятия лесного комплекса сталкиваются с проблемой недостатка ресурсного обеспечения, что связано с экстенсивным путем развития сырьевой базы лесной промышленности, снижением объемов лесных ресурсов, которые составляют основу лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности. Рубка, распиловка и первичная обработка древесины являются энергоемкими и трудоемкими видами деятельности. Значительное количество лесных ресурсов уходит в отходы. В научной литературе отмечено, что не более 20 % заготовленной древесины в итоге используется для получения продукции на предприятиях лесной и лесохимической промышленности. Современные технологии обработки и переработки лесных ресурсов внедряются и развиваются на предприятиях крупного бизнеса, но данный процесс не является системным, что существенно влияет на эффективность и проектную окупаемость новых производственных объектов и мощностей.

Развитие и внедрение инноваций связано с высокими рисками и затратами. Текущие условия, когда лесопромышленным предприятиям РФ закрыты европейские рынки, ведут к негатив-

ным последствиям неполучения выручки и прибыли, падения объемов производства, нестабильности денежной массы вследствие устанавливающихся валютных курсов с Китаем, Индией, Кореей и другими дружественными странами. Перечисленные причины снижают инвестиционный интерес к внутриотраслевым проектам. Увеличение транспортно-логистических расходов также является одним из основных ограничений деловой активности субъектов бизнеса, причиной инертности в изменениях технологических процессов.

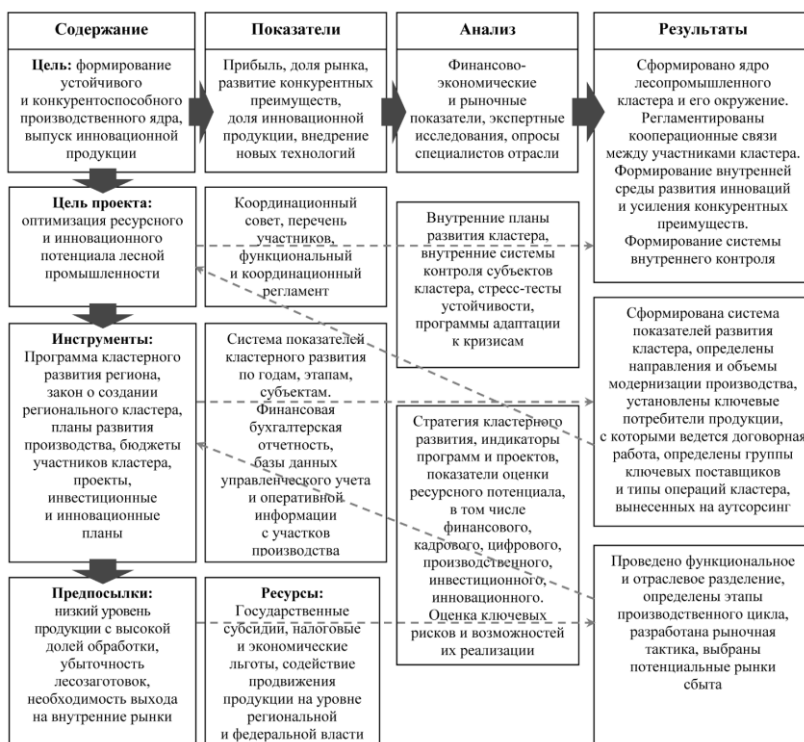
Зарубежный опыт в странах, обладающих значительными лесными ресурсами, свидетельствует о постоянном совершенствовании мер экологической, экономической и промышленной политики.

Совершенствование инновационных систем развития лесопромышленного производства возможно в условиях консолидации локального потенциала региональных субъектов при формировании государством благоприятной инновационно-технологической среды. На уровне лесохозяйственного предприятия это система ресурсов и бизнес-процессов, а также причинно-следственных связей, сформированных в процессе разработки стратегии управления.

Национальная и региональная инновационные системы ориентированы на активное развитие инноваций в экономике страны и в ее отдельных регионах путем реализации следующих направлений:

- стимулирование спроса на инновации на договорной основе, определяющей общие условия обязательственных взаимоотношений сторон для инновационной деятельности, включая налоговые льготы, венчурное и конкурсное финансирование;
- развитие кластеров в регионах с элементами сетевого взаимодействия и инфраструктурное обеспечение субъектов инновационной деятельности с использованием технопарков, центров эффективного трансферта технологий, бизнес-инкубаторов и т. д.;
- развитие инноваций при государственном стимулировании научно-технологического развития и системы образования, крупных финансовых вложений в инновационные проекты, реализации инновационных программ на основе механизмов государственно-частного партнерства.

Процесс формирования инновационного лесопромышленного кластера предусматривает последовательную реализацию нескольких этапов (см. рисунок).

Алгоритм создания и развития инновационного лесопромышленного кластера

Основные этапы проектирования и формирования структуры лесопромышленного кластера:

- оценка потенциальной эффективности кластера (сети), включая увеличение рыночной власти и рост контролируемой доли рынка, анализ активов, консолидация которых способна сократить издержки и оптимизировать результаты [1];
- оценка эффективности участников — предприятий сферы лесопромышленного комплекса и сопутствующих отраслей (фи-

нансово-экономическая устойчивость, логистика, сбыт, партнеры в других регионах, участие в проектах и программах и т. п.) [2];

- мониторинг структуры, предполагающий корректировку состава участников по принципу наибольшей эффективности, формирование новых связей и механизмов координации совместных действий [3];

- реинжиниринг существующих бизнес-процессов, предполагающий разделение по уровням и центрам ответственности, регламент функционального и операционного статуса каждого участника кластера или сети [4];

- разработка программы совместных действий, сущность которых заключается в тактической и оперативной координации совместных действий на рынке присутствия [5];

- формирование критериальной системы показателей, которыми может быть охарактеризована эффективность участника — проекта — процесса — результата, что позволит более четко корректировать и регулировать функции и распределять полномочия [6].

Производственное ядро кластера является локомотивом инновационного процесса локального уровня и зависит от производственной структуры лесопромышленного комплекса в регионе, муниципалитете.

Бизнес-модель обусловлена специализацией, функционально-целевыми связями и качеством субъектного взаимодействия. Должны быть четко регламентированы инструменты и механизм координации. В данном случае можно понимать внутренние бизнес-процессы как параметры системной устойчивости лесопромышленного комплекса, так как четкий внутренний регламент позволяет более четко планировать и координировать действия между производственными участками, делегируя ответственность по центрам и должностным лицам.

Потенциал участников интеграции является немаловажным аспектом, так как от него зависит общий уровень производственных ресурсов, их объемы, возможности дальнейшего развития, поэтому логика формирования производственных или логистических цепочек подразумевает зависимость: чем выше уровень финансово-экономических показателей участников кластера, тем большую выгоду от включения новых предприятий он получает.

В ином случае участник должен обладать выдающейся компетенцией, управленческим опытом или уникальным ресурсом для присоединения к кластерному или сетевому объединению.

Кластерная интеграция требует от субъектов-участников определенной трансформации внутренних производственных и управленческих процессов, проведения работы с персоналом, ключевыми функциональными специалистами, изменения бизнес-процессов с учетом координации общих стратегических целей кластера.

Библиографический список

1. *Завьялов М. В.* Механизм государственной политики в процессе управления устойчивым развитием кластера лесопромышленной сферы // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 4 (64). С. 5.

2. *Зотина П. С.* Мониторинг показателей инновационного развития лесопромышленных кластеров в условиях многостороннего партнерства // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 1, № 6 (126). С. 75–78.

3. *Казаков Б. А., Лучников А. С.* К вопросу использования концепции энергопроизводственных циклов для развития лесопромышленного кластера Пермского края // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: География и геоэкология. 2019. № 2 (26). С. 39–55.

4. *Калюжный Б. О., Монастырный Е. А., Кудрин В. Ю.* Выбор технологий реализации древесных отходов при формировании и развитии экономики замкнутого цикла в лесопромышленном кластере // Инновации. 2020. № 5 (259). С. 41–52.

5. *Медведев С. О.* Моделирование отдельных аспектов функционирования предприятий в лесопромышленных кластерах // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12-2 (58). С. 96–98.

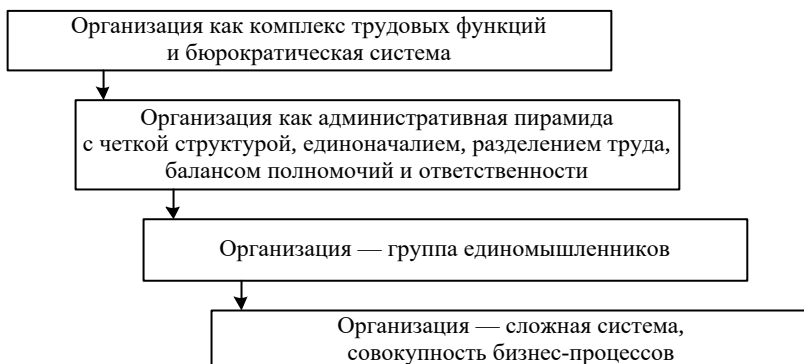
6. *Паненко А. И.* Приоритетные инвестиционные проекты в области освоения лесов как инструмент стимулирования лесопромышленных кластеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 8-2. С. 283–293.

Методология организационного проектирования в оценке модели координации социальной сферы

В статье рассматриваются аспекты оценки «Х» эффективности организаций и ее зависимости от способа координации социальной сферы. Автором сделан вывод о методологическом единстве принципов построения модели координации социальной сферы и организационной эффективности функционирования производителей социальных услуг.

Ключевые слова: модель координации; социальная сфера; организационная эффективность; рост выпуска.

Модель координации социальной сферы представляет собой порядок взаимодействия субъектов, относящихся к группам производителей услуг социальной сферы, потребителей услуг социальной сферы, органов государственной власти, общественных организаций и организаций, осуществляющих финансирование социальной сферы. Методология организационного проектирования позволяет осуществить структурный и функциональный анализ модели координации. Методология организационного проектирования базируется на положениях теории организации, связывающих характеристики модели координации и организационную эффективность, так называемую «Х» эффективность. Концепция организационной эффективности связывает совершенствование процессов управления, оптимизации деятельности и формируемые результаты. Несмотря на то что концепция организационной эффективности традиционно относится к микроуровню, она напрямую связана с эффективностью модели координации социальной сферы, так как общие принципы оптимальности, достижения равновесия в осуществлении процесса применимы и к модели мезокоординации отдельной сферы человеческой деятельности. Такая точка зрения представлена, в частности, в работе В. Остроухова: «суть методического подхода к оценке эффективности организационных структур предприятия должна заключаться в оценке взаимосвязи целей деятельности предприятия и подразделений, а также факторов, воздействующих на них посредством функционирования организационной структуры» [6, с. 732]. На рисунке представлена эволюция подходов к методологии организационного проектирования.

Эволюция подходов в организационной методологии¹

Методология организационного проектирования включает два взаимосвязанных подхода, позволяющих сконструировать организационный каркас модели координации социальной сферы: структурный и функциональный. Первый позволяет определить особенности внутреннего строения организации, описать данные особенности количественно, второй подход описывает организацию в целом, дает характеристики целям, технологиям, лежащим в основе деятельности организации. Подробно характеристики организации в соответствии с первым и вторым подходом представлены в таблице.

Элементы методологии организационного проектирования

Структурный подход		Функциональный подход	
Элемент	Содержание	Элемент	Содержание
Формализация	Нормативные документы	Размер	Величина организации, количество людей, работающих в данной организации
Специализация	Разделенность задач организации по профессиональному признаку и между сотрудниками	Технологии, используемые организацией	Инструменты, способы и действия по преобразованию ресурсов в выпуск услуг

¹ Сост. по: [3; 4; 7].

Окончание таблицы

Структурный подход		Функциональный подход	
Элемент	Содержание	Элемент	Содержание
Иерархия	Подчиненность и ответственность сотрудников, диапазон контроля	Внешняя среда	Параметры, непосредственно связанные с организацией, но находящиеся за ее пределами
Централизация	Уровень принятия решения: чем выше менеджеры, принимающие решения, тем больше централизация	Цели	Оригинальные задачи организации и соответствующие способы их выполнения
Профессионализм	Уровень формального образования и подготовки работников	Культура организации	Набор основных ценностей, убеждений, взглядов и норм, общих для всех работников
Управляемость	Распределение работников по различным областям деятельности и подразделениям		

Примечание. Сост. по: [1; 2; 5].

Анализ комплекса организаций, функционирующих в социальной сфере, позволяет выявить организационные единицы, функционирующие в рамках моделей иерархической, рыночной и гибридной координации. Организационная эффективность данных организаций, несмотря на одинаковую сферу деятельности, имеет существенные различия. Наиболее распространенной организацией, осуществляющей деятельность в социальной сфере, является учреждение; функционирование учреждений, созданных решением органов государственной или муниципальной власти, осуществляется в рамках модели иерархической координации. В статье 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» отмечено: «Бюджетным учреждением является некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной вла-

сти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах». Статус автономных учреждений обозначен в законе «Об автономных учреждениях»: «Автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами (в том числе при проведении мероприятий по работе с детьми и молодежью в указанных сферах)».

В рамках модели рыночной координации наиболее распространенной организацией является общество с ограниченной ответственностью и автономная некоммерческая организация.

Несмотря на различия в организационном статусе, общим фактором, воздействующим на «Х» эффективность организации и соответствующей модели координации, является комплекс нормативных требований, предъявляемых со стороны стандартов оказания услуг. Данные требования уравнивают расходную часть в плане обеспечения соответствия деятельности производителя услуг социальной сферы стандартам деятельности.

Таким образом, логический конструкт, увязывающий принципы построения модели координации социальной сферы и организационную эффективность производителей социальной сферы, позволяет говорить об общей организационной эффективности или «Х» эффективности модели координации и обозначить направления исследований, включающие оценку связей иерархической, рыночной и гибридной моделей координации.

Библиографический список

1. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Directmedia, 2013. 520 с.

2. *Грузинов В. П., Деружинский В. Е.* Методология организационного проектирования организации // Эксплуатация морского транспорта. 2015. № 2. С. 79–91.

3. *Денисов Д. В.* Эволюция подходов к определению организации и ее системы управления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 122–126.

4. *Дерябина М. А.* Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований // Вестник Института экономики РАН. 2019. № 5. С. 9–23.

5. *Кравченко К. А.* Методология организационного проектирования систем управления // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 4. С. 65–75.

6. *Остроухов В.* Методология оценки эффективности организационных структур предприятия // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2011. № 4. С. 731–733.

7. *Родина Е. Е.* Эволюция подходов к интеграции систем управления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 1 (27). С. 56–64.

Т. Д. Одинокова

Программа долгосрочных сбережений граждан: риски реализации

Статья посвящена анализу программы долгосрочных сбережений, вступившей в действие с 2024 г. Определены плюсы и минусы участия в ней граждан в сравнении с ранее действовавшей программой софинансирования пенсий. Раскрываются риски, реализация которых может повлиять на эффективность программы.

Ключевые слова: накопительная пенсия; негосударственное пенсионное обеспечение; программа финансирования пенсий.

Вызовы времени — это обстоятельства, разрушающие прежний порядок вещей и требующие активного реагирования от индивидов, сообществ, государства [1, с. 133]. С 1 января 2024 г. в России стартовала Программа долгосрочных сбережений (далее — Программа) граждан¹. Решиться на старт данной Программы в современных условиях — это не только вызов, но и ре-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 10 июля 2023 г. № 299-ФЗ (послед. ред.).

курс развития. Если посмотреть на Программу, то она имеет две цели: первая направлена на стимулирование граждан создавать целевые долгосрочные сбережения, вторая — на привлечение дополнительных инвестиционных средств в экономику Российской Федерации и формирование дополнительного внутреннего (национального) источника «длинных денег».

Разработанный Минфином РФ и Банком России новый финансовый продукт с участием государства позволит гражданам накопить дополнительные средства к пенсии или воспользоваться ими в случае наступления особых жизненных ситуаций (оплата дорогостоящего лечения или потеря кормильца). Однако здесь следует отметить, что данный финансовый продукт не является первым и уникальным в своем роде продуктом с государственным участием, ранее государство уже реализовало Программу софинансирования пенсий, которая была введена в действие Федеральным законом от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» и фактически находится на стадии завершения. Сравнение Программы долгосрочных сбережений граждан и Программы софинансирования пенсий показало, что последняя легла в основу анонсируемого нового финансового продукта и является продолжением государственной политики по стимулированию развития индивидуального негосударственного пенсионного обеспечения [3, с. 174].

Исходя из проведенного сравнения, Программа долгосрочных сбережений граждан по сравнению с Программой софинансирования пенсий имеет как плюсы, так и минусы¹.

К основным плюсам можно отнести следующее:

- 1) юридическое оформление договорных отношений [4, с. 198];
- 2) определение относительно небольшого размера ежегодного взноса, что делает возможным участие в Программе граждан с низкими доходами;

¹ Куда положить соломку: в банк или пенсионный фонд? URL: <https://old.oblgazeta.ru/pressreleases/37985/> (дата обращения: 28.01.2024).

3) добровольное участие и самостоятельное определение размера страховых взносов, исходя из своих жизненных приоритетов и финансовых возможностей;

4) отсутствие фиксации и регулярности добровольных взносов;

5) предоставление повышенной государственной защиты формируемых сбережений;

6) повышение толерантности населения к риску за счет определения и закрепления особых жизненных ситуаций;

7) повышение мобильности сбережений за счет возможности, во-первых, перевода денежных средств из одного НПФ в другой; во-вторых, формирования долгосрочных сбережений в нескольких НПФ.

К минусам участия в Программе можно отнести:

1) кратковременность государственного участия в формировании сбережений граждан, что снижает финансовый интерес участников не только в контексте продолжения активного участия, но и вообще участия в Программе, поскольку долгосрочные вложения должны быть не только мобильны и надежны, но и прибыльны;

2) ограниченность финансовых институтов (только НПФ), с которыми может быть заключен договор формирования долгосрочных сбережений, что снижает возможности самого финансового продукта;

3) отсутствие мотивации для участия предприятий в софинансировании долгосрочных сбережений граждан;

4) отсутствие стимулов к финансовой дисциплине участников, что снижает экономический эффект самой Программы.

Таким образом, государство намеревается подойти к какому-то логическому завершению в вопросе накопительной пенсии, формируемой в системе государственного обязательного пенсионного страхования, и переложить ответственность на гражданина и работодателя, при этом не определяя ни мотивацию, ни социальную ответственность последних¹.

¹ Куда положить соломку: в банк или пенсионный фонд? URL: <https://old.oblgazeta.ru/pressreleases/37985/> (дата обращения: 28.01.2024).

Также отметим, что участник Программы долгосрочных сбережений не ограничен в количестве заключаемых договоров. Фактически данная Программа ориентирована на молодежь и граждан среднего возраста, которые должны быть уверены в своем ближайшем будущем и их платежеспособности, т. е. способности осуществлять добровольные взносы в течение достаточно продолжительного времени, а не только те три года, в течение которых государство будет софинансировать их добровольные взносы.

Однако отметим, что на эффективность реализации Программы могут повлиять такие риски, как:

- риск превалирования тактической задачи наращивания внутреннего госдолга над стратегической целью по формированию долгосрочных пенсионных сбережений. Так, в соответствии с Программой НПФ привлеченные средства участников должны через свои Управляющие компании (УК) преимущественно инвестировать в облигации федерального займа (ОФЗ) и различные квазигосударственные долги (инфраструктурные облигации государственных корпораций и т. п.), тем самым предоставляя государству источник новых «длинных» денег. Нужно понимать, что государство, одновременно выступая (через соответствующие институты) в роли регулятора деятельности финансовых институтов и эмитента ценных бумаг, придет в части управления государственным долгом к оптимальному для себя решению: привлечь больше за меньшую стоимость. В связи с этим возникает вопрос: «Будет ли государство стремиться к повышению эффективности долгосрочных сбережений граждан путем роста собственной долговой нагрузки?»;

- риск финансовой устойчивости программы, который может проявиться в случае «истощения» источника финансирования принятых государством обязательств по удвоению добровольных взносов граждан, участвующих в Программе. Основным источником софинансирования государством добровольных взносов участников выступает Фонд национального благосостояния, за счет которого обеспечивается покрытие дефицита Социального фонда России (СФР) и федерального бюджета. В случае отсутствия необходимых средств по софинансированию это может существенно затруднить реализацию Программы;

– риск инфляционного обесценения и потери доходности, который необходимо учитывать, особенно в условиях затяжной экономической нестабильности, вызванной не только влиянием на национальную экономику внешних факторов (финансовые санкции, проблемы доступности финансовых ресурсов в национальную экономику и др.), но и ростом напряженности в национальной экономике, обусловленной как проведением СВО и необходимостью финансирования военных нужд, так и потребностью в поддержании в работающем режиме всех отраслей экономики, функционирующих на истощенных ресурсах. Снижение доходности инвестиций или их обесценение в случае роста инфляции и ослабления национальной валюты могут вызвать разочарование у граждан и снизить мотивацию для участия в Программе;

– риск недостаточной привлекательности финансового продукта для граждан, который может быть обусловлен, во-первых, долгим сроком возврата — 25 лет (в течение 15 лет участие в качестве плательщика добровольных взносов и 10 лет — в качестве получателя срочных пенсионных выплат) для нашей страны — немалый срок, который у многих граждан отобьет желание участвовать; во-вторых, неудобством при подаче заявки на участие в Программе, например, для граждан, которые захотят принять участие и перевести в данную Программу накопительную пенсию, которая числится в СФР и находится в управлении Государственной или частных управляющих компаний, для перевода предварительно нужно будет заключить договор с выбранным НПФ; в-третьих, предоставлением выбора инвестиционной стратегии. Так, в принятой Программе у граждан-участников отсутствует выбор инвестиционной стратегии, что снижает ее инвестиционную привлекательность по сравнению с другими рыночными финансовыми инструментами (например, индивидуальный инвестиционный счет);

– риск снижения эффективности управления сбережениями граждан по причине отсутствия у НПФ интереса в повышении результатов инвестирования сформированного портфеля ценных бумаг, поскольку действующим законодательством определены рамки инвестиционной деятельности НПФ в контурах консервативного инвестирования средств;

– риск непрозрачности управления НПФ накоплениями граждан, который может возникнуть из-за некоторых факторов (непредставление информации о инвестиционной стратегии и результатах своей деятельности, наличие скрытых комиссий и платежей за управление пенсионными накоплениями, отсутствие должного регулирования и контроля со стороны регулятора);

– риск изменения действующего законодательства и очередной заморозки активов.

Это только некоторые общие риски, которые могут возникнуть при реализации данной Программы. Государство при управлении данными рисками должно особый акцент сделать на тщательном их анализе, разработке прозрачных правил программы, а также на обеспечении финансовой стабильности и своевременном информировании участников о любых изменениях или рисках, связанных с Программой, что позволит частично «нивелировать выявленные риски» [2, с. 100].

В заключение отметим, что, во-первых, гражданин должен быть уверен в своей платежеспособности и в стабильности своего финансового положения, поскольку из семейного (личного) бюджета фактически будет изыматься определенная сумма, которая гражданину (или в семью) вернется только через 15 лет (если не произойдет особой жизненной ситуации), причем в рамках рассроченных (ежемесячных) выплат в течение 10 лет; во-вторых, доходность по Программе (если исходить из фактической доходности по ныне действующей Программе софинансирования пенсий), скорее всего, будет меньше доходности банковского депозита, поскольку доход участника уменьшается на сумму вознаграждения, которую себе забирает НПФ; в-третьих, государство, за счет повышения лимита гарантирования с 1,4 до 2,8 млн р. (сбережения в коммерческом банке гарантированы до 1,4 млн р.), делает попытку повысить доверие граждан к НПФ, тем самым стимулируя переход от краткосрочных ресурсов к долгосрочным. В связи с этим отметим, что государство, делая ставку только на развитие одного вида финансового института (в данном случае НПФ), не только снижает эффективность государственных мер, но и ограничивает потенциал других не менее значимых для экономики финансовых институтов (например, страховщиков жизни).

Таким образом, развитие долгосрочных финансовых продуктов, в том числе с участием государства, — это правильное и нужное для нашей страны решение, но насколько проработан его механизм воплощения в жизнь — вопрос дискуссионный и требует более основательного подхода с учетом интересов всех участников финансового рынка.

Библиографический список

1. *Истомина Е. А.* Право социального обеспечения: ответы на вызовы времени // Российский юридический журнал. 2023. № 4 (151). С. 133–142.
2. *Куликова Е. И.* К вопросу развития систем сбережения российских граждан // Наука и бизнес: пути развития. 2023. № 5 (143). С. 100–104.
3. *Соловьев А. К.* Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы России как фактор управления экономикой государства // Инновационное развитие российской экономики: сб. науч. тр. VII Междунар. науч.-практ. форума (Москва, 17–24 ноября 2014 г.). М.: МЭСИ, 2014. Ч. 2. С. 170–174.
4. *Яровая Е. С.* Исследование конкурентной ситуации на российском рынке негосударственных пенсионных фондов // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7 (156). С. 198–203.

С. В. Орехова, О. М. Никитина

Поглощающая способность: содержательный фундамент и роль в развитии моделей управления знаниями

Статья посвящена уточнению теоретических принципов феномена поглощающей способности организации. Проведен терминологический анализ. Доказано, что поглощающая способность организации зависит от наличия организационных рутин, формирующих возможности и мотивацию к созданию и передаче знаний ее работниками, возникающих на трех уровнях: личности самого работника, внутрифирменном и внешней среды.

Ключевые слова: поглощающая способность; управление знаниями; НИОКР; внешние знания; мотивация работников.

Введение. Концепция управления знаниями (Knowledge Management) опирается на идею, что знания являются особым, уникальным ресурсом, который создает и в дальнейшем поддер-

живает устойчивые конкурентные преимущества организации. Трансформация знаний в конкурентоспособность (эффективность) организации состоит из четырех этапов: получение — генерирование — распространение — материализация знаний. Среди особых свойств знаний наиболее значимыми являются укорененность и субъективность, относительная ценность и некоторые черты общественных благ [1, с. 42–45].

Фактически система управления знаниями представляет собой два взаимосвязанных потока:

1) внутренний — поток знаний в административных процессах;

2) внешний — поток знаний при взаимодействии с окружением организации.

В попытке устранить проблемы реификации исследователи стали детальнее рассматривать процедуры трансфера знаний, что и привело к развитию феномена поглощающей способности (*absorptive capacity*). На сегодняшний день эта концепция, с одной стороны, представляет собой отдельное направление менеджмента, но, с другой стороны, содержательно встроена в появившиеся ранее теории стратегического управления и инноваций. Поглощающая способность представляет особый интерес в том числе и потому, что оказывает непосредственное влияние на уровень инноваций [17], способствует оптимизации бизнес-процессов [16], а также определяет темпы роста компании и ее результативность, способность выживать на рынке [11; 18].

Основная часть. Обособление концепции произошло в результате публикации серии статей У. Коэна и Д. Левинтала в 1989, 1990 и 1994 гг. [4; 5; 6]. Авторы дают трактовку поглощающей способности как способности фирмы идентифицировать, ассимилировать и использовать знания из окружающей среды [6].

Другие исследования идентифицируют поглощающую способность как:

– то, что позволяет организации эффективно получать и использовать как внешние, так и внутренние знания, которые, в свою очередь, влияют на ее способность к инновациям и адаптации к меняющейся внешней среде и на ее конкурентоспособность. Это позволяет организации быть проактивной [7];

– широкий спектр навыков, отражающих необходимость работы с неявными компонентами перенятых технологий, а также необходимость адаптации иностранных технологий к местным нуждам [14];

– способность компании использовать внешние знания с помощью трех последовательных процессов: 1) обнаружение и понимание новых потенциально ценных знаний извне с помощью обучения использованию знаний; 2) поглощение ценных новых знаний с помощью трансформации полученных знаний; 3) использование поглощенных знаний для создания новых знаний и получения коммерческих результатов [11];

– способность, которая не только позволяет использовать новые внешние знания, но и дает возможность более точно предсказывать характер будущих технологических достижений [5];

– набор организационных рутин и процессов, с помощью которых фирма получает, усваивает, трансформирует и использует знания для формирования своих динамических способностей [18];

– сочетание способности компании поглощать знания, необходимой для имитирования, и навыков решения проблем, позволяющих создавать новые знания, необходимых для инноваций [10];

– характеристика организации, которая содержит два элемента, позволяющих ей достичь высоких результатов труда: 1) уже имеющиеся знания, в частности, умения сотрудников, их образование и приобретенные в процессе работы навыки; 2) активность прикладываемых усилий каждого сотрудника в решении тех или иных рабочих задач [13].

Таким образом, мнения расходятся относительно того, о каких знаниях идет речь (только внешних или внутренних и внешних); знания нужны для развития динамических способностей или же они есть сама способность. Содержательный фундамент концепции поглощающей способности также фрагментарен и требует выделения теоретических принципов, на основании которых возможно дальнейшее ее развитие.

Во-первых, источником знаний, умений и навыков является конкретный человек. Поэтому одним из главных вопросов является трансфер этих знаний от работника к организации, превра-

щение свойств отдельной личности в ресурсы, обеспечивающие конкурентоспособность бизнесу. Соответственно, объем знаний, находящихся в распоряжении организации, увязывается с размером человеческого капитала и зависит от первичных факторов:

1) уровня квалификации, опыта и физических возможностей (здоровья) работника;

2) уровня мотивации работника передавать знания коллективу и соглашаться на их реификацию.

Л. Аргот и П. Инграм [3] также говорят о необходимости встраивания знаний в одно из «хранилищ»: работников, групп и организаций, что зависит от уровня мотивации и социализации работников, организационной культуры.

Во-вторых, качество трансфера знаний зависит не только от донора, но и от реципиента, т. е. способность к освоению информации — это необходимое и достаточное условие для создания новых знаний. Эта идея подхвачена в работе [12], где авторы обращают внимание на тот факт, что поглощающая способность зависит как от «ученика», так и от «учителя».

В-третьих, следует согласиться с А. Дагфусом [7], который указывал, что поглощающие способности связаны с получением не только внешних, но и внутренних знаний. Особенно это важно для организационных структур со сложными иерархиями и фрагментированными задачами, поскольку новые знания могут быть фрагментированы в рамках конкретных подразделений.

Кроме того, когда внешние знания соответствуют стратегии организации и не противоречат ее траектории развития, можно говорить о существовании особых процедур и рутин, позволяющих легко эти знания присваивать и в дальнейшем коммерциализировать. В работе [9] выделено два типа таких рутин: 1) механизмы координации (межфункциональные связи, участие в принятии решений и ротация должностей) повышают уровень потенциальной поглощающей способности; 2) механизмы социализации повышают текущий уровень поглощающей способности организации.

Фактически источником конкурентных преимуществ является не скорость внутрифирменных изменений, а соответствие между имеющимися ресурсами, динамическими способностями предприятия и контекстом, в котором оно существует [2].

Обобщая сказанное, следует предположить, что теоретические рамки исследования поглощающей способности организации зависят от наличия организационных рутин, формирующих возможности и мотивацию к созданию и передаче знаний ее работниками, возникающие на трех уровнях: на уровне личности самого работника, на внутрифирменном уровне, на уровне внешней среды. Эта логика может быть представлена в виде следующей матрицы (см. таблицу).

**Матрица факторов,
определяющих уровень поглощающей способности организации**

	Уровни		
	Личность работника	Внутренняя среда организации	Внешняя среда организации
Возможности	Здоровье. Уровень квалификации. Опыт. Soft skills (уровень коммуникации и пр.)	Наличие формальных каналов передачи знаний. Развитые источники получения информации о правилах организации. Наличие работников, способных быть реципиентами	Наличие лидеров на рынке и бенчмарка. Наличие формальных и эффективных каналов передачи знаний
Мотивация	Желание работать в данной организации. Внутренние мотивы к передаче знаний	Наличие институтов внутренних рынков труда, стимулирующих работников к взаимодействию и передаче знаний	Наличие стимулов взаимодействий организации с внешней средой

Вопрос мотивации присвоения и передачи знаний одними работниками и возможность получения их другими является принципиальным при развитии поглощающей способности организации [8; 15].

Заключение. Таким образом, некоторые аспекты феномена поглощающей способности организации хорошо изучены. Систематизирована структура ее элементов; выявлены базовые факторы, определяющие ее уровень развития. В то же время исследователям еще предстоит разобраться в трех вопросах:

1) взаимосвязь между ресурсами (человеческими, отношениями и материальными), влияющими на реализацию и результативность системы управления знаниями;

2) влияние институциональных факторов, характеризующих контекст деятельности организации;

3) процессы обмена знаниями между организацией и внешней средой.

Библиографический список

1. *Молодчик М. А.* Организационно-мотивационные механизмы управления знаниями: теория и практика российских компаний. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. 219 с.

2. *Орехова С. В.* К дискуссии о динамических способностях фирмы // Современная конкуренция. 2012. № 1 (31). С. 12–20.

3. *Argote L., Ingram P.* Knowledge transfer: A basis for competitive advantage in firms // *Organizational behavior and human decision processes*. 2000. Vol. 82, issue 1. P. 150–169.

4. *Cohen W., Levinthal D.* Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation // *Administrative Science Quarterly*. 1990. Vol. 35, no. 1. P. 128–152.

5. *Cohen W., Levinthal D.* Fortune favors the prepared firm // *Management Science*. 1994. Vol. 40, no. 2. P. 227–251.

6. *Cohen W., Levinthal D.* Innovation and learning: The two faces of R&D // *The Economic Journal*. 1989. Vol. 99, issue 397. P. 569–596.

7. *Daghfous A.* Absorptive capacity and the implementation of knowledge-intensive best practices // *SAM Advanced Management Journal*. 2004. Vol. 69, no. 2. P. 21–27.

8. *Hernaus T., Mikulić J.* Work characteristics and work performance of knowledge workers // *EuroMed Journal of Business*. 2014. Vol. 9, issue 3. P. 268–292.

9. *Jansen J. J., Van Den Bosch F. A., Volberda H. W.* Managing potential and realized absorptive capacity: How do organizational antecedents matter? // *Academy of Management Journal*. 2005. Vol. 48, no. 6. P. 999–1015.

10. *Kim L.* Crisis construction and organizational learning: Capability building in catching-up at Hyundai Motor // *Organization Science*. 1998. Vol. 9, issue 4. P. 506–521.

11. *Lane P. J., Koka B. R., Pathak S.* The Reification of Absorptive Capacity: A Critical Review and Rejuvenation of the Construct // *The Academy of Management Review*. 2006. Vol. 31, no. 4. P. 833–863.

12. *Lane P. J., Lubatkin M.* Relative absorptive capacity and inter-organizational learning // *Strategic Management Journal*. 1998. Vol. 19. P. 461–477.

13. *Minbaeva D., Pedersen T., Björkman I., Fey C. F., Park H. J.* MNC knowledge transfer, subsidiary absorptive capacity and HRM // *Journal of International Business Studies*. 2003. Vol. 34, no. 6. P. 586–599.

14. *Mowery D. C., Oxley J. E., Silverman B. S.* Strategic alliances and interfirm knowledge transfer // *Strategic Management Journal*. 1996. Vol. 17. P. 77–91.

15. *Storey J.* Human resource policies for knowledge work // *S. Little, T. Ray (eds.). Managing knowledge: an essential reader*. 2nd ed. London: Sage Publications Ltd., 2005. P. 199–219.

16. *Szulanski G.* Exploring internal stickiness: Impediments to the transfer of best practice within the firm // *Strategic Management Journal*. 1996. Vol. 17. P. 27–43.

17. *Tsai W. P.* Knowledge transfer in intraorganizational networks: Effects of network position and absorptive capacity on business unit innovation and performance // *Academy of Management Journal*. 2001. Vol. 44. P. 996–1004.

18. *Zahra S. A., George G.* Absorptive capacity: A review, reconceptualization, and extension // *Academy of Management Review*. 2002. Vol. 27. P. 185–203.

Н. С. Пионткевич

Стратегический финансовый потенциал корпораций: источники формирования и направления использования

В статье проводится исследование сущности понятий «потенциал», «финансовый потенциал», уточнено понятие «стратегический финансовый потенциал корпораций». Рассмотрена взаимосвязь финансовой стратегии и стратегического финансового потенциала корпораций. Предложена авторская модель формирования и использования стратегического финансового потенциала корпораций, включающая циклические задачи формирования перманентного капитала и его рационального использования.

Ключевые слова: финансовый потенциал; стратегический финансовый потенциал корпораций; финансовая стратегия.

В условиях непрерывного изменения факторов экзогенной и эндогенной среды корпорации, являясь сложноорганизованными экономическими системами [3, с. 1], испытывают потребность в повышении прогнозируемости финансовой деятельности. Эмерджентная среда, характеризующаяся высоким уровнем риска,

требует от корпораций принятия современных стратегических решений в части привлечения долгосрочных источников средств и их вложения. Эта задача решается с помощью специального инструментария финансовой стратегии корпораций, включающего:

- оценку эффективности привлечения приоритетных стратегических ресурсов и их рационального использования в деятельности корпораций;
- координацию управленческих решений в различных функциональных областях деятельности в фокусе единых долгосрочных целей;
- управление финансовыми рисками;
- прогнозирование стратегического финансового потенциала корпораций.

В результате в условиях неопределенности и риска возникает необходимость создания общих концептуальных подходов к формированию и прогнозированию стратегического финансового потенциала корпораций, соответствующих принципам экономической политики корпораций по отдельным функциональным областям их деятельности и интересам всех заинтересованных сторон.

В целях настоящего исследования определим сущность понятий «потенциал», «финансовый потенциал корпораций» и «стратегический финансовый потенциал корпораций», особенности его формирования и направления использования.

Понятие «потенциал» как «степень мощности в каком-нибудь отношении, совокупность каких-нибудь средств, возможностей» [5] применительно к настоящему исследованию будет рассматриваться как источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть приведены в действие или использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели.

В научной экономической литературе уделяется значительное внимание сущности финансового потенциала корпораций.

Так, коллектив авторов в лице Г. Я. Остаева всю совокупность внеоборотных и оборотных активов, участвующих в кругообороте корпораций, считает финансовым потенциалом корпораций, при этом понимая «под его реализацией — денежную выгоду (стоимостной эффект) в форме прироста денежных поступлений за счет положительной динамики отдачи (оборачивае-

мости) от их суммарного размера (качественного фактора) и его наличия (количественного фактора), калькулируемую из подобных индивидуальных индикаторов» [6, с. 132].

Ученые В. С. Балабанов и В. С. Михель исследуют финансовый потенциал корпораций как «совокупность финансовых ресурсов, вовлеченных в оборот, с учетом привлечения дополнительных финансовых источников, исходя из стратегических преимуществ и инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта» [1, с. 39].

Схожего мнения относительно экономического содержания категории «финансовый потенциал» придерживаются ученые О. А. Минаева и Р. Ч. Гулиев, рассматривая его в качестве совокупности финансовых ресурсов, формируемых за счет внешних и внутренних возможностей [2; 4].

Изложенные позиции не отражают в полной мере сущность стратегического финансового потенциала корпораций, поскольку не исследуют его долгосрочный характер и элементы, а также подразумевают под ним преимущественно весь комплекс источников и направлений использования. Автор не может согласиться с такой позицией и считает необходимым уточнить понятие «стратегический финансовый потенциал корпораций».

Применительно к теории финансового менеджмента автор предлагает использовать в научном обороте термин *«стратегический финансовый потенциал корпораций»* в следующем контексте: *как совокупность перманентных финансовых ресурсов, принадлежащих финансовым стейкхолдерам корпораций и используемых в первую очередь для удовлетворения инвестиционных потребностей и достижения стратегических целей развития корпораций.*

На рисунке представлена авторская модель формирования и использования стратегического финансового потенциала корпораций.

С целью формирования данного потенциала корпорациям необходимо сформировать определенный объем финансовых ресурсов, который будет удовлетворять следующим критериям:

- финансовые ресурсы должны быть представлены инструментами долгосрочного (перманентного) финансирования из числа собственных источников и долгосрочных обязательств;

Модель формирования и использования стратегического финансового потенциала корпораций¹

– необходим достаточный объем стратегических финансовых ресурсов, способный в полной мере обеспечить реализацию финансовой стратегии корпораций.

По нашему мнению, для выполнения вышеперечисленных критериев корпорациям необходимо:

- во-первых, эффективно управлять собственным капиталом и наращивать его долю для обеспечения высокого уровня финансовой устойчивости корпораций;
- во-вторых, выстраивать долгосрочные и взаимовыгодные отношения с финансовыми стейкхолдерами — поставщиками финансовых ресурсов.

Согласно теории заинтересованных сторон (стейкхолдеров) и ресурсной теории корпорация, являясь хозяйственной единицей, централизует в своем распоряжении все многообразие ресурсов для решения своих стратегических и оперативных задач [8; 9; 10]. Применительно к предмету настоящего исследования наибольший интерес представляет группа финансовых стейкхолдеров, формирующих перманентный капитал. К ним относятся: собственники, инвесторы и кредиторы корпораций. Условия, на которых будут предоставляться финансовые ресурсы данной группой поставщиков, повлияют на результативность политики финансирования, качество стратегического финансового менедж-

¹ Сост. по: [7, с. 406].

мента и уровень эффективности формирования и реализации финансовой стратегии корпораций в целом.

Основным направлением использования стратегического финансового потенциала корпораций являются инвестиции в финансовые и нефинансовые активы. Под долгосрочными финансовыми активами подразумеваются вложения в инструменты финансового рынка (портфельные инвестиции), а под нефинансовыми активами — реальные вложения, т. е. инвестиции в основной капитал корпораций.

При этом критически важным условием эффективного формирования и использования стратегического финансового потенциала корпораций является превышение совокупного размера стратегических финансовых ресурсов (перманентного капитала) над величиной долгосрочных активов (инвестиций в основной капитал корпораций). В противном случае нарушается баланс стратегических возможностей и потребностей, что при неэффективном финансовом менеджменте может привести к ухудшению финансового состояния, потере финансовой устойчивости корпораций и даже банкротству.

Следует отметить, что используемые в финансово-хозяйственной деятельности корпораций долгосрочные финансовые ресурсы при условии их достаточности могут быть направлены на частичное удовлетворение текущих финансовых потребностей. Это не будет противоречить структурной ликвидности баланса и целевому назначению долгосрочных финансовых ресурсов корпораций.

Выполнение указанного условия констатирует высокое качество содержательной компоненты стратегического финансового потенциала и достаточный уровень финансовой устойчивости корпораций.

Сформированный стратегический финансовый потенциал корпораций, по мнению автора, является основой для роста их прибавочной стоимости и, соответственно, источником удовлетворения интересов финансовых стейкхолдеров и самих корпораций.

Таким образом, результативное перманентное финансирование, аккумулирующее внутренние и внешние финансовые возможности в виде стратегического финансового потенциала, и ра-

циональное использование стабильных финансовых ресурсов для удовлетворения инвестиционных и текущих потребностей будут способствовать долгосрочному устойчивому развитию корпораций.

Библиографический список

1. Балабанов В. С., Михель В. С. Диагностика финансового потенциала корпорации // Путеводитель предпринимателя. 2012. № 15. С. 38–43.
2. Гулиев Р. Ч. Инструментарий оценки финансового потенциала компании // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № s2. URL: <https://esj.today/PDF/02FAVN223.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
3. Журова Л. И. Финансовый потенциал экономической системы: структура и методика оценки // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 1–8.
4. Минаева О. А. Комплексный подход к оценке экономического потенциала промышленного предприятия // Экономика. Инновации. Управление качеством. 2012. № 1. С. 38–44.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com>.
6. Остаев Г. Я., Кондратьев Д. В., Клычова Г. С., Нигматуллина Н. Н., Клычова А. С. Корпоративное управление финансовым потенциалом // Вестник Казанского ГАУ. 2022. № 1 (65). С. 129–134.
7. Пионткевич Н. С., Шатковская Е. Г. Согласование интересов заинтересованных лиц (стейкхолдеров) в процессе управления финансами организации // Финансовая экономика. 2020. № 10, Ч. 4. С. 403–408.
8. Cyert R., March J. Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1963. 332 p.
9. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Pitman, 1984. 296 p.
10. Post J. E., Preston L. E., Sachs S. Managing the extended enterprise: The new stakeholder view // California Management Review. 2002. Vol. 45. P. 5–28.

Платформенная модель координации рынка

Исследование изменения координации рынков в результате внедрения цифровых платформ позволило авторам сделать вывод о возможности применения в качестве теоретических подходов положений теорий экономической организации, позиционирования и стратегического менеджмента. Составленные модели традиционной и платформенной мезокоординации характеризуются расхождениями в субъектном и функциональном составе.

Ключевые слова: платформенный рынок; цифровая платформа; иерархическая модель координации; мезокоординация.

Координация рынка представляет собой комплекс механизмов, упорядочивающих действия субъектов спроса и предложения через набор устоявшихся норм и правил. Среди форм координации выделяют, как правило, ценовую, иерархическую и сетевую [1; 4]. Сложная полисубъектная структура, характерная для комплекса рыночных взаимоотношений, предполагает, что модели координации действий ряда субъектов могут быть основаны как на ценовой форме координации, так и на иерархической, что в результате формирует гибридную модель координации рынка, которая, в свою очередь, упорядочивается в комплексе контрактов при ценовой форме координации или распорядительных документов при иерархической.

Изучение обозначенных вопросов с точки зрения предметной области экономики формирующейся модели координации осуществляется в рамках теории экономической организации О. Уильямсона, который отмечал, что форма координации зависит от «особых условий контрактных отношений — ограниченной рациональности субъектов этих отношений, вероятности их оппортунистического поведения и специфичности используемых активов» [2, с. 24].

Существенный вклад в теоретическую базу осмысления модели координации рынка внес М. Портер, обосновав состав конкурентных сил, влияющих на участника рыночных взаимоотношений, подчеркивая, что сильное воздействие конкурентных сил на субъект рыночного взаимодействия приводит к снижению цены и потере прибыли [3].

Авторы, обосновавшие предпринимательскую теорию фирмы [6], связывают формирование бизнес-процессов и превалирующую модель координации рынка, выделяя гибридную модель координации с формированием связей на уровне отдельных бизнес-процессов.

Перечисленные подходы ложатся в основу понимания трансформации модели координации рынка при использовании цифровых платформ. На рис. 1 представлена схема традиционной модели координации рынка, где стрелками показаны формирующие взаимоотношения между основными группами субъектов.

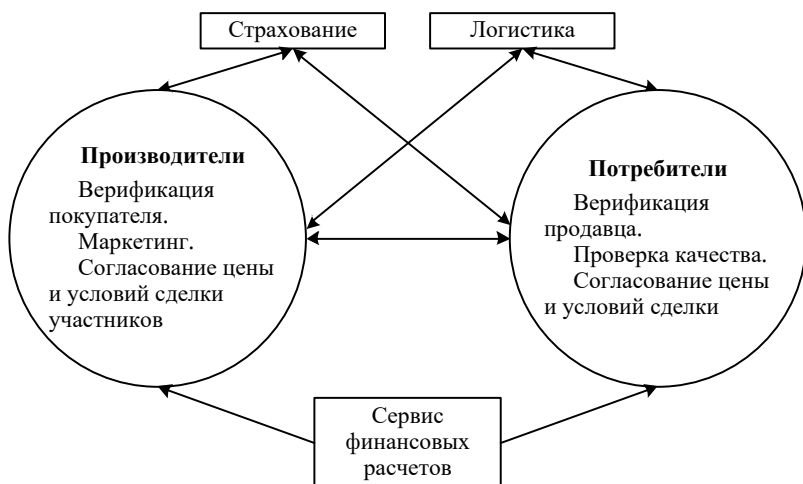

Рис. 1. Традиционная модель координации рынка

В каждом конкретном случае связанность субъектов определяется соглашением, достигнутым в рамках одной из форм координации, которая в свою очередь зависит от конкурентной позиции участника, склонности к оппортунистическому поведению, уровня специфичности активов и т. д.

Рассмотрим модель координации рынка, которая формируется на основе цифровой платформы (рис. 2).

Как видно на рис. 2, внедрение цифровой платформы как инструмента координации позволяет достичь ряда эффектов, в частности, снизить склонность субъектов взаимоотношений

к оппортунистическому поведению за счет верификации пользователей и управления процессом сбора и обработки данных об объемах спроса и предложения. Также предоставление участникам платформы инфраструктурных услуг позволяет значительно снизить количество взаимодействий между субъектами при организации сделки.

Рис. 2. Модель координации рынка на основе цифровой платформы

К последствиям внедрения модели координации рынка на основе цифровых платформ большинство авторов (см., например: [5; 7]) относят активное проявление эффектов масштаба — сокращение удельных издержек на осуществление одной транзакции, сетевого эффекта — увеличение количества продавцов и покупателей, привлекаемых увеличением количества участников платформы.

Вместе с тем значительные эффекты возможны при внедрении цифровой платформы для координации субъектов рынка продуктов и услуг, имеющих цифровую форму. Наиболее значимые эффекты достигаются при продаже цифрового контента, ко-

гда предельные издержки трансакции стремятся к нулю. Подобные примеры наблюдаются в отраслях организации финансовых расчетов, продажи программных продуктов, продажи музыкального и видеоконтента.

В то же время внедрение цифровых платформ для координации промышленных рынков и рынков розничных продаж нуждается в дополнительной экономической оценке в рамках методологии инвестиционного проектирования, поскольку требует создания новой не цифровой инфраструктуры.

Оценка внедрения координации рынка на основе цифровых платформ с позиции экономической теории организации позволяет сделать вывод о формировании более иерархизированной формы взаимоотношений субъектов рынка, что обусловлено присутствием крупной мезоструктуры — самой платформы, имеющей существенное влияние на всех субъектов.

Полученные результаты исследования позволяют говорить о наличии существенных изменений в координации взаимоотношений участников рынка при внедрении цифровых платформ.

Библиографический список

1. Дементьев В. Е., Евсюков С. Г., Устюжанина Е. В. Гибридные формы организации бизнеса: к вопросу об анализе межфирменных взаимодействий // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 1. С. 89–122.
2. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: пер. с англ. / науч. ред. и вступ. ст. В. С. Катыкало. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
3. *Управленческий* инструментарий социально-экономической трансформации / А. Е. Плахин, С. В. Новиков, И. Н. Ткаченко и др.; под науч. ред. А. Е. Плахина. М.: ИНФРА-М, 2023. 315 с.
4. Устюжанина Е. В. Вопросы построения теории координации хозяйственного взаимодействия // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2022. Т. 14, № 1. С. 25–35.
5. Farrell J., Klemperer P. Coordination and lock-in: Competition with switching costs and network effects // M. Armstrong, R. Porter (eds.). Handbook of Industrial Organization. Vol. 3. Elsevier, 2007. Chapter 31. P. 1967–2072.
6. Hsieh C., Nickerson J. A., Zenger T. R. Opportunity discovery, problem solving and a theory of the entrepreneurial firm // Journal of Management Studies. 2007. Vol. 44, issue 7. P. 1255–1277.

7. Van Alstyne M., Parker G. Platform business: from resources to relationships // NIM Marketing Intelligence Review. 2017. Vol. 9, issue 1. P. 24–29.

Л. Г. Протасова

Пути перехода к традиционной системе высшего образования

В статье обобщены тенденции в сфере высшего образования по статистическим данным: сокращение численности студентов и профессорско-преподавательского состава, увеличение интенсивности труда преподавателей, снижение качества и результативности. С учетом полученных данных предложены пути перехода к традиционной системе образования на базе принципов управления качеством в рамках пилотного проекта, что позволит оптимизировать ресурсы и получить качественный результат.

Ключевые слова: высшее образование; статистические данные; результативность; принципы управления качеством.

В научном сообществе идет поиск новой модели социально-экономического развития России и путей экономического роста. Системе образования отводится важная роль в разных проектах. Год назад президент страны предложил вернуться к традиционной системе высшего образования. Недостатки Болонской системы образования признаются на высшем уровне.

Категорически не соглашусь с тем, что «современное образование — такой же объект рыночных отношений, как и другие товары и услуги» [1]. В традиционной системе образование было связано также с формированием личности, с ценностями и мотивацией к профессиональному труду.

В настоящее время катастрофически не хватает квалифицированных специалистов во всех отраслях и на всех уровнях. Возможно, с переходом к традиционной системе образования на смену высшему образованию (ВО) снова придет высшее профессиональное образование (ВПО) для университетов. Это важно с точки зрения миссии и имиджа вуза.

Для оценки настоящего положения дел в высшем образовании перейдем к анализу статистических данных за последние десятилетия (табл. 1).

Таблица 1

**Статистические данные по программам бакалавриата,
специалитета и магистратуры (на начало учебного года)**

Показатель	2000/ 2001	2010/ 2011	2018/ 2019	2019/ 2020	2020/ 2021	2021/ 2022
Численность студентов, тыс. чел.	4 741,4	7 049,8	4 161,7	4 068,3	4 049,3	4 044,0
Выпуск, тыс. чел.	635,1	1467,9	933,2	908,6	849,4	573,8
Численность студентов, на 10 тыс. чел. населения, чел.	324	493	284	277	277	278
Выпуск на 10 тыс. занятого населения, чел.	99	217	129	126	120	—
Численность ППС, тыс. чел.	279,6	356,8	236,1	229,3	223,1	217,7
Количество студентов / количе- ство ППС	16,96	19,75	17,62	17,74	18,15	18,6

Примечание. Сост. по: *Российский статистический ежегодник. 2023:* стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/Ejegodnik_2023.pdf.

Что касается численности студентов, то максимальное количество было в 2010/2011 учебном году — 7 049,8 тыс. чел., с каждым последующим годом количество сокращалось — до 4 044,0 тыс. студентов в 2022 г. Видим, что падает престиж высшего образования, так как выпускники вузов даже наиболее востребованных направлений подготовки не находят работу на рынке труда. А государство не может эффективно регулировать рынок труда и распределение выпускников и не гарантирует занятость молодых специалистов [1]. С этим связан и тот факт, что наблюдается сокращение численности студентов на 10 тыс. чел. населения, с 324 до 278 чел., и выпуск на 10 тыс. занятого населения, с 217 до 120 чел.

Рассчитаем результативность — «степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов»¹. Результативность высшего образования снижается: в 2019 г. она составляла 74,4 %, в 2020 г. — 73,4 %, в 2021 г. — 71,2 %, что может быть связано с низкой мотивацией студентов к обучению. Стипендия бакалавров — порядка 2 500 р., маги-

¹ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.

сторов — 5 000 р., аспирантов — 12 000 р., поэтому студенты вынуждены много работать, мало времени остается на учебу. А учение, как известно, тяжелый труд, который требует активной учебно-познавательной деятельности. Повышение стипендий необходимо при переходе к традиционной модели образования. Это будет способствовать обеспечению удовлетворенности потребителей качеством образовательных услуг и росту результативности.

Подчеркнем, что снижение численности профессорско-преподавательского состава (ППС) с 356,8 тыс. до 217,7 тыс. чел. за последние десятилетия и рост показателя «отношение количества студентов к количеству преподавателей» с 16,96 до 19,75 (см. табл. 1) не положительным образом влияют на качество образования. Значения показателя в 2–2,5 раза выше нормативного — 8, которое использовалось ранее для расчета учебной нагрузки в традиционной системе образования. А повышение интенсивности труда преподавателей не может не сказаться на качестве образования.

Последнее время разрабатываются внутренние системы оценки качества образования (ВСОКО), которые используются для сбора информации и контроля в образовательной организации [2; 3]; наличие системы является одним из аккредитационных показателей деятельности вуза.

Анализ статистических данных по среднемесячной заработной плате работников организаций по видам экономической деятельности (табл. 2) показал, что зарплата в образовании начиная с 2010 г. ниже, чем средняя по стране, а также ниже, чем в области здравоохранения, социальных услуг и в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений. Что отрицательно сказывается на удовлетворенности и лояльности преподавателей. Понятно, что в последних областях велика доля платных услуг, но, по-видимому, существует и другой подход к распределению фонда оплаты труда.

Нельзя не отметить положительную динамику по заработной плате в образовании. Если в 2010 г. ее доля составляла 67 % от средней зарплаты по стране, то в 2021 г. доля выросла до 76 % (см. табл. 2). Выросли и доходы работников в сфере образования: в 2020 г. — 63 692 р., а в 2021 г. — 70 492 р.

**Среднемесячная заработная плата работников организаций
по видам экономической деятельности, р.**

Показатель	2010	2018	2019	2020	2021
Всего	20 952	43 724	47 876	51 352	57 244
Образование	14 071	34 361	37 072	39 563	43 391
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	15 794	40 027	43 220	49 532	50 690
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	15 374	44 439	46 990	48 445	53 340

Примечание. Сост. по: *Российский статистический ежегодник. 2022:* стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

Согласно принципу системы менеджмента качества «взаимодействие работников»¹, без повышения вовлеченности и удовлетворенности персонала достичь улучшения качества высшего образования при переходе к традиционной системе образования вряд ли получится.

Прошел год после предложения президента, что изменилось?

Шесть университетов: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, три московских университета, Санкт-Петербургский горный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет стали участниками пилотного проекта по переходу на традиционную систему образования. В проект были включены 113 направлений подготовки, из них 53 — бакалавриат, 18 — магистратура, 42 — аспирантура [5, с. 38]. Объем работы огромный. Есть ли необходимое и достаточное количество ресурсов? Времени точно недостаточно, проект рассчитан до 2026 г.

Что дальше?

Планировалось начать с разработки образовательных стандартов. Сколько их разработали за прошедшие годы, и ФГОС 3+, 3++ и 4+, а качество образования лучше не стало. Как новые стандарты повлияют на престиж высшего образования, на удовлетво-

¹ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.

ренность качеством образования студентов, преподавателей, работодателей?

Можно не разрабатывать те стандарты, которые были разработаны ранее квалифицированными специалистами, утверждены и апробированы. Например, не надо разрабатывать образовательный стандарт по управлению качеством, в 2002 г. авторы получили государственную премию. Следующие модификации этого стандарта были хуже [4, с. 54].

Что делать?

В управлении качеством все начинается с маркетинга, с изучения рынка труда, определения потребностей работодателей в выпускниках конкретных направлений подготовки. Что-то в этом плане уже сделано. Так, в статистическом сборнике «Россия в цифрах. 2022» появился показатель 7.31 «Выпуск бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями высшего образования и научными организациями по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки»¹, где имеются данные за 2019–2021 гг. Это то, что у нас сегодня есть! Также есть информация по рынку труда, данные можно сопоставить и уменьшить количество заявленных направлений подготовки для перевода на традиционное образование в шести вузах. И планы станут реальными для выполнения! В соответствии с принципом системы менеджмента качества «принятие решений, основанное на свидетельствах»², понимание причинно-следственных связей и анализ данных приведут к большей степени объективности и уверенности в принятии решений, к экономии ресурсов и качественному результату. Хорошо бы еще определиться с качественными показателями оценки результатов, например, такими как результативность образования по выбранным направлениям подготовки, удовлетворенность студентов, преподавателей и работодателей в университетах — участниках проекта в 2027/2028 учебном году.

¹ *Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf (дата обращения: 01.02.2024).*

² *ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.*

Кроме того, со статистической информацией п. 7.31 сегодня могут ознакомиться работодатели и порекомендовать Министерству науки и высшего образования перечень специалистов по направлениям подготовки крайне необходимых производству сегодня и на пять лет вперед, чтобы можно было скорректировать план набора абитуриентов на 2025–2026 гг. Предложенные пути перехода заработают, если определить заинтересованные стороны, приоритетные направления взаимоотношений, снять функциональные барьеры, для желания взаимодействовать согласовать интересы сторон, наделить соответствующих руководителей в сфере высшего образования полномочиями и ответственностью за результат проекта по переходу к традиционной системе образования перед Федеральным собранием и Президентом.

Таким образом, поставив цель достижения устойчивого развития и экономического роста в России, определив одно из направлений деятельности как переход на традиционную систему образования, надо еще определить показатели оценки, обеспечить необходимыми и достаточными ресурсами и создать условия для взаимодействия работников разных уровней для осуществления этого перехода.

Библиографический список

1. *Быкасова О. О.* Качество образования и система менеджмента качества как основа конкурентоспособности современного высшего образования // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2, № 4 (4). С. 104–106.
2. *Вишневцева Л. А., Кузьмук И. Н.* Управление качеством образования через совершенствование внутренней системы оценки качества образования // Проблемы и перспективы развития систем оценки качества образования. Внутренние системы оценки качества образования — основа эффективного управления качеством образования: материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Челябинск, 1 декабря 2022 г.). Челябинск: ЧИРО, 2022. Ч. 2. С. 46–54.
3. *Малыгина Е. Е., Самodelкина И. Н.* Управление качеством образования через создание внутренней системы оценки качества образования // Образование в Кировской области. 2015. № 3 (35). С. 23–26.
4. *Протасова Л. Г.* Особенности подготовки специалистов по стандартизации и управлению качеством в УрГЭУ // Национальная концепция качества: подготовка управленческих кадров: сб. тез. докл. нац.

науч.-практ. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 2–6 октября 2020 г.). СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 52–56.

5. *Ремова О.* Будущее экономического образования в России // *Вольная экономика*. 2023. Июль-сентябрь. С. 34–39.

С. Г. Пьянкова, М. А. Комбаров

Механизмы сбалансированного развития территории Свердловской области

В исследовании рассматривается проблема низкой финансовой автономии бюджетов муниципальных образований, входящих в состав Свердловской области, в качестве одного из рисков обеспечения сбалансированного развития территории данного региона. Отмечено, что одним из способов ее нивелирования выступает усиление локализации в Свердловской области некоторых видов экономической деятельности. По результатам исследования определены виды экономической деятельности, локализацию которых следует усиливать в рамках работы над этой проблемой.

Ключевые слова: бюджет муниципального образования; налоговые доходы; локализация; численность занятых.

В соответствии с подп. 24 п. 12 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, имеющая место в России дивергенция регионов и муниципальных образований по уровню и темпам развития экономики является одной из угроз ее экономической безопасности. Эта угроза находится под пристальным вниманием федеральных органов власти, которым для ее нивелирования на межрегиональном уровне следует усилить фискальную децентрализацию [1; 9; 10], и органов власти каждого субъекта, входящего в состав нашей страны. Так, 1 января 2016 г. начала свое действие Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг., обозначившая в качестве одного из приоритетов ее социально-экономической политики на указанный период времени обеспечение сбалансированного развития территории. Рисками реализации такого приоритета выступают имеющие место в данном регионе обстоятельства, образующие порочный круг. Так, констатированная Е. А. Качановой [2], А. Ф. Пасынковым [6] и другими эконо-

мистами низкая финансовая автономия бюджетов многих муниципальных образований (далее — МО), расположенных на его территории, порождает между ними конкурентную борьбу за трансферты из регионального бюджета, в которой МО «город Екатеринбург» располагает весомым преимуществом [8]. Поскольку многие объекты инфраструктуры финансируются за счет средств местных бюджетов, данная проблема, вероятно, является первопричиной перетока населения из муниципалитетов Свердловской области в Екатеринбург, о котором говорится, например, в работах Т. Р. Лукашенко, Е. Г. Ефимовой [3], М. Н. Макаровой [4]. Подобная миграция препятствует развитию муниципалитетов, теряющих население [5; 7], в том числе затрудняет преодоление присущей некоторым МО данного региона монозависимости [7], а следовательно, выступает триггером несбалансированного развития территории. Низкий уровень развития того или иного МО не может обеспечить достаточный объем поступлений налоговых доходов в его бюджет, замыкая тем самым указанный порочный круг.

Рабочей гипотезой исследования выступает гипотеза о том, что одной из точек роста налоговых доходов местных бюджетов является усиление локализации на территории соответствующего субъекта РФ некоторых видов экономической деятельности (далее — ВЭД).

Цель исследования заключается в определении ВЭД, усиление локализации которых в Свердловской области по численности занятых может рассматриваться в качестве одного из способов повышения финансовой автономии бюджетов МО, расположенных на ее территории.

Методом исследования является регрессионный анализ. С помощью данного метода оценивается зависимость объема налоговых доходов бюджетов МО, расположенных на территории j -го субъекта РФ, на агрегированном уровне, от степени локализации на его территории i -го ВЭД по численности занятых. В качестве прокси-переменной для второго из этих параметров используется коэффициент локализации по численности занятых, расчет которого осуществляется по следующей формуле:

$$LQ_{ij}^{\text{Labor}} = \frac{x_{ij}/x_i}{x_j/x}, \quad (1)$$

где x_{ij} — численность занятых в i -м ВЭД в j -м субъекте РФ; x_i — численность занятых в i -м ВЭД в стране; x_j — численность занятых в экономике j -го субъекта; x — численность занятых в национальной экономике.

Проводился анализ на основе выборки, состоящей из 510 наблюдений и представляющей собой сбалансированную панель данных об объеме налоговых доходов бюджетов МО, расположенных на территории j -го субъекта РФ, на агрегированном уровне и о степени локализации на его территории i -го ВЭД за 2017–2022 гг. Результаты анализа представлены в таблице.

Результаты регрессионного анализа

ВЭД (раздел ОКВЭД)	Коэффициент (стандартная ошибка)		R^2	DW	F (Goldfeld- Quandt test)
	a	b			
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (A)	9,3034*** (0,0410)	−0,6322*** (0,0549)	0,2068***	1,84	1,5956
Добыча полезных ископаемых (B)	9,2992*** (0,0510)	0,0101 (0,0299)	0,0002	1,76	1,1801
Обрабатывающая промышленность (C)	9,3708*** (0,0460)	0,4941*** (0,0781)	0,0730***	1,82	1,7016
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха (D)	9,3456*** (0,0477)	−0,3965*** (0,1078)	0,0259***	1,66	2,2578
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (E)	9,3059*** (0,0454)	0,5300*** (0,1315)	0,0310***	1,86	2,0051
Строительство (F)	9,4247*** (0,0485)	1,1323*** (0,1710)	0,0795***	1,60	2,5405
Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (G)	9,4656*** (0,0486)	1,5275*** (0,1930)	0,1098***	1,71	1,1737

Окончание таблицы

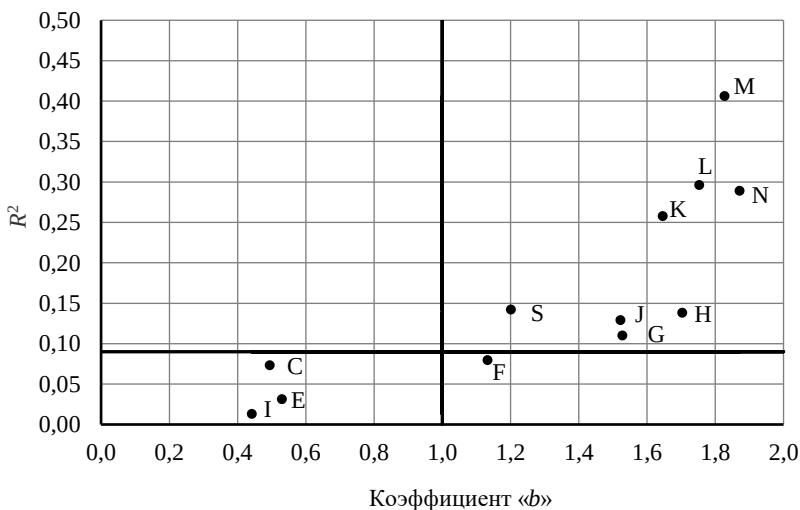
ВЭД (раздел ОКВЭД)	Коэффициент (стандартная ошибка)		R^2	DW	F (Goldfeld- Quandt test)
	a	b			
Транспортировка и хранение (Н)	9,3767*** (0,0437)	1,7033*** (0,1890)	0,1379***	1,85	2,5001
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (I)	9,3253*** (0,0475)	0,4417** (0,1714)	0,0129**	1,75	1,3729
Деятельность в области информации и связи (J)	9,6614*** (0,0605)	1,5220*** (0,1755)	0,1289***	1,98	1,1731
Деятельность финансовая и страховая (К)	9,9867*** (0,0657)	1,6459*** (0,1240)	0,2574***	1,93	2,3939
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом (L)	9,6100*** (0,0443)	1,7533*** (0,1200)	0,2958***	2,05	1,4465
Деятельность профессиональная, научная и техническая (М)	10,0069*** (0,0522)	1,8272*** (0,0981)	0,4059***	1,95	2,0307
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (N)	9,7355*** (0,0496)	1,8715*** (0,1303)	0,2888***	2,11	1,1248
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение (О)	9,7290*** (0,0399)	-2,1671*** (0,1048)	0,4569***	1,42	1,5247
Образование (Р)	9,5476*** (0,0431)	-2,3966*** (0,1715)	0,2777***	1,92	1,1012
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (Q)	9,5715*** (0,0458)	-3,1526*** (0,2497)	0,2389***	1,73	2,0064
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (R)	9,2682*** (0,0454)	-1,1573*** (0,2574)	0,0383***	1,80	2,5168
Предоставление прочих видов услуг (S)	9,5694*** (0,0523)	1,2007*** (0,1310)	0,1420***	1,70	2,0988

Примечания. 1. ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$; отсутствие звездочек указывает на статистическую незначимость коэффициента. 2. Вывод об отсутствии автокорреляции остатков делается при выполнении условия $1,5 < DW < 2,5$. 3. $F_{кр}$ для каждого уравнения составляет 3,8909.

Уравнение регрессии, описывающее исследуемую зависимость, в наиболее общем виде выглядит следующим образом:

$$\ln(\text{Tax income}) = a + b \times \ln(LQ_{ij}^{\text{Labor}}). \quad (2)$$

Коэффициент b показывает, на сколько процентов изменяется в среднем объем налоговых доходов бюджетов МО, расположенных на территории j -го субъекта РФ, на агрегированном уровне при изменении коэффициента локализации i -го ВЭД на его территории по численности занятых на 1 % и стабильности всех прочих условий. Как видно из таблицы, усиление локализации ВЭД, включенных в разделы А, D, O–R ОКВЭД, по указанному параметру приводит к отрицательному эффекту, в связи с чем эти ВЭД не представляют интерес в контексте настоящего исследования. Не представляет интерес и добыча полезных ископаемых в силу статистической незначимости данного коэффициента, а также коэффициента детерминации R^2 . Влияние остальных ВЭД на исследуемый параметр для наглядности целесообразно представить в виде диаграммы (см. рисунок).

Влияние степени локализации i -го ВЭД в j -м регионе по численности занятых на исследуемый параметр

Границами квадрантов этой диаграммы являются значение коэффициента b , равное 1, и значение коэффициента детерминации R^2 , составляющее 0,09 пункта. Если с выбором пограничного значения первого коэффициента все предельно ясно, то касательно пограничного значения R^2 следует пояснить, что оно соответствует значению коэффициента корреляции Пирсона, равному 0,3 пункта, которое, согласно шкале Чеддока, выступает минимальным значением для признания анализируемой связи умеренной. ВЭД, вошедшие в первый квадрант представленной диаграммы, и являются теми ВЭД, усиление локализации которых в Свердловской области по численности занятых может рассматриваться в качестве одного из способов повышения финансовой автономии бюджетов МО, расположенных на ее территории.

Таким образом, рабочая гипотеза настоящего исследования нашла свое подтверждение. Перспективным направлением будущих исследований в данной области выступает детальное изучение выявленного по результатам регрессионного анализа отрицательного эффекта от усиления локализации некоторых ВЭД в j -м субъекте РФ по численности занятых.

Библиографический список

1. *Баклаева Н. М.* Проблемы реализации экономических интересов регионов как субъектов межбюджетных отношений в кризисных условиях // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, № 1. С. 35–49.
2. *Качанова Е. А.* Тренды и лучшие практики формирования и исполнения бюджетов муниципальных образований в условиях неопределенности (кейс Свердловской области) // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 1. С. 33–40.
3. *Лукашенко Т. Р., Ефимова Е. Г.* Экономическая безопасность: смена парадигмы в условиях трансформации мирохозяйственного уклада // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 18–22.
4. *Макарова М. Н.* Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 2. С. 29–42.
5. *Наумов И. В., Никулина Н. Л.* Оценка пространственной неоднородности экономической деятельности хозяйствующих субъектов в муниципальных образованиях Свердловской области // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 3. С. 820–836.

6. *Пасынков А. Ф.* Территориальные финансовые балансы государственного сектора на основе Системы национальных счетов // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 1027–1041.

7. *Фомин М. В., Смирнов О. О., Мирязов Т. Р.* Моногорода Уральского федерального округа: матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 171–192.

8. *Шевцова И. К., Гилев А. В., Завадская М. А.* Когда мэры против: факторы муниципальной автономии в условиях централизации // Мир России. 2022. Т. 31, № 2. С. 75–96.

9. *Юшков А. О., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И.* Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 63–82.

10. *Hallet A. H.* Fiscal autonomy vs. fiscal federalism in the euro zone // *Economia Politica*. 2017. Vol. 34, no. 1. P. 179–188.

К. В. Сергеев, Э. Р. Закирова

Система управления финансовой устойчивостью как форма реализации контрольной функции финансового менеджмента хозяйствующего субъекта

В статье представлены основные понятия исследования, предложено авторское понимание системы управления финансовой устойчивостью. Рассматриваются подходы к управлению финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта. Показан авторский подход к созданию основных элементов системы управления финансовой устойчивостью.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; система; управление; хозяйствующий субъект; подход.

Введение. В условиях современной динамичной экономической среды хозяйствующие субъекты сталкиваются с ростом неопределенности и изменчивости на финансовых рынках. Тема является крайне актуальной в современном бизнес-мире, поскольку финансовая устойчивость хозяйствующего субъекта становится все более значимой в условиях экономической неопределенности, геополитических изменений и технологических трансформаций. Разработка эффективной системы управления финансовой устойчивостью направлена на непрерывность бизнеса, препятствуя финансовым кризисам, повышая его способность выживать в переменчивой среде и создавая основу для долгосрочного развития и процветания.

Основные результаты. Финансовая устойчивость представляет собой фундаментальный аспект успешной хозяйственной деятельности, и ее обеспечение зависит от рационального управления финансами и всеми ресурсами, активами хозяйствующего субъекта. Управление финансовой устойчивостью выступает как инструмент контроля, направленный на обеспечение стабильности финансового положения хозяйствующего субъекта и защиту от финансовых рисков.

Сам термин «система» подразумевает комплекс элементов, находящихся во взаимодействии и представляющих собой целостность [1]. Термин «управление» в рамках исследования мы рассматриваем как целенаправленное взаимодействие управляющей и управляемой подсистем для достижения определенной цели или запланированного результата [5].

При многообразии трактовок термина «финансовая устойчивость», на наш взгляд, наиболее полное описание предлагает В. Р. Банк: финансовая устойчивость предприятия — это такое состояние его финансовых ресурсов, их распределение и использование, которые обеспечивают в условиях допустимого риска бесперебойное функционирование, достаточную рентабельность и возможность рассчитаться по обязательствам в установленные сроки (цит. по: [9]).

Из представленных выше терминов становится очевидно, что под системой управления финансовой устойчивостью стоит понимать комплексный подход к управлению финансами хозяйствующего субъекта, направленный на обеспечение его финансовой устойчивости в различных экономических ситуациях.

Система включает в себя ряд стратегий, процедур и мер, которые позволяют компании минимизировать риски, поддерживать ликвидность и стабильность финансового положения.

Решение об управлении финансовой устойчивостью базируется на определенных принципах: вариативность (отбор факторов, которые имеют влияние на финансовую устойчивость субъекта); консолидация результатов влияние внешних и внутренних факторов; баланс финансовых результатов; многообразие источников финансирования; информационная обеспеченность (качество информационного обеспечения).

Рассмотрев принципы, можно сделать вывод, что финансовая устойчивость хозяйствующего субъекта напрямую влияет на финансовый менеджмент, принятие стратегических финансовых решений. Система управления финансовой устойчивостью, как и внутренний контроль, подразумевает минимизацию финансовых рисков [10].

В теории представлены различные подходы к пониманию и созданию системы управления финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта. В табл. 1 приведены наиболее известные подходы.

Т а б л и ц а 1

**Подходы к формированию системы управления
финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта**

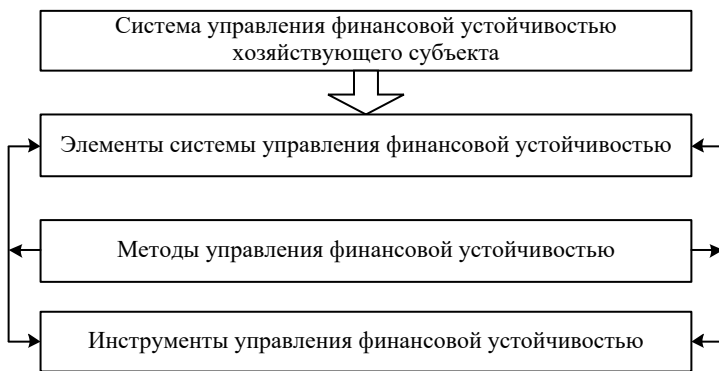
Авторы	Суть подхода
А. В. Гукова, И. Д. Аникина, А. В. Киров [3]	Основой системы является ресурсно-факторный подход, подразумевающий использование сбалансированной системы показателей
Ю. А. Долгих [4]	Предлагает функциональный подход к управлению финансовой устойчивости промышленного предприятия
В. П. Божко, С. Ю. Балычев, А. М. Батьковский, М. А. Батьковский [2]	Предлагают систему управления финансовой устойчивостью рассматривать как инструмент по осуществлению финансовой стратегии, учитывая все факторы влияния
А. В. Киров [8]	Делает упор на обязательном привлечении дополнительных источников финансирования для инновационной деятельности, которая является критерием финансовой устойчивости
Ю. В. Иода, Ю. Г. Шишкина [7]	Рассматривают механизм управления финансовой устойчивостью через структуру активов и пассивов компании. Модель управления представляется циклической
Э. Р. Закирова, Е. Г. Шеина, О. Т. Астанакулов [6]	Основой подхода служит привлечение финансовых ресурсов на выгодных условиях, которые обеспечивают повышение финансовой устойчивости

При анализе теоретической базы и существующих подходов к системе управления финансовой устойчивости было выявлено, что большинство методик предлагает управление этой системой через оценку финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта и упор делается на какую-то одну категорию финансо-

вой устойчивости. Но, на наш взгляд, такой подход является неверным, поскольку система подразумевает комплекс мер.

Система управления финансовой устойчивостью является комплексом методов, процедур, стратегий и инструментов, целью которых является обеспечение устойчивости финансового положения компании в долгосрочной перспективе. Руководствуясь теоретической и практической базой, мы предлагаем авторскую модель системы управления финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта.

На рисунке представлена модель системы управления финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта в контексте комплексного подхода.

Модель системы управления финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта

Модель подразумевает взаимосвязь всех ее элементов и инструментов. Игнорирование или недостаточность контроля одного из элементов может оказать негативное влияние на финансовое положение хозяйствующего субъекта.

В табл. 2 представлены методы и инструменты управления финансовой устойчивостью каждого элемента.

Таким образом, модель является формой реализации контрольной функции финансового менеджмента хозяйствующего субъекта, предоставляя инструментарий контроля и управления устойчивостью финансового положения хозяйствующего субъекта.

**Характеристика основных элементов системы управления
финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта**

Элемент системы	Инструменты	Методы
Финансовое планирование и управление бюджетом	Программы для составления и мониторинга бюджетов	Разработка долгосрочных и краткосрочных финансовых стратегий
Управление оборотным капиталом	Программные продукты для управления запасами и автоматизации процессов управления оборотным капиталом	Управление запасами, дебиторской и кредиторской задолженностями
Управление долговой нагрузкой	Программы для мониторинга и контроля уровня долга	Оценка и контроль уровня долга, обеспечение здоровой капитальной структуры и оптимизация стоимости капитала
Управление рисками и страхование	Интегрированные программы для оценки, управления и мониторинга рисков, системы страхования	Анализ и управление финансовыми рисками, использование страхования для защиты от потенциальных убытков
Финансовое моделирование и аналитика	Финансовые пакеты для анализа временных рядов	Использование аналитических инструментов и моделей для прогнозирования финансовых результатов
Управление инвестициями и активами	Инвестиционные платформы и программы	Рациональное планирование и контроль над инвестициями для обеспечения устойчивого финансового роста
Поддержание финансовой прозрачности и соблюдение законодательства	Финансовые и аналитические программы	Обеспечение соответствия финансовой отчетности требованиям законодательства и стандартов

Заключение. Авторами были рассмотрены принципы и подходы к пониманию системы управления финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта, которые важны для создания системы, способной эффективно управлять финансовыми рисками и обеспечивать устойчивую основу для функционирования. Предлагаемая модель представляет важный вклад в способы

управления финансовой устойчивостью, помогает хозяйствующему субъекту создавать устойчивую основу для успешной деятельности в переменной экономической среде.

Библиографический список

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: сб. пер. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. *Божко В. П., Балычев С. Ю., Батьковский А. М., Батьковский М. А.* Управление финансовой устойчивостью предприятий // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 4. С. 36–41.
3. *Гукова А. В., Аникина И. Д., Киров А. В.* Механизм управления финансовой устойчивостью фирмы в контексте ресурсно-факторного подхода // Финансовый журнал. 2013. № 2. С. 75–84.
4. *Долгих Ю. А.* Функциональный подход к управлению финансовой устойчивостью промышленного предприятия // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XII Междунар. конф. (Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.): в 2 т. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. Т. 2. С. 320–325.
5. *Долгова Н. В.* О подходах к определению категории «управление». URL: <https://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2010/01/5.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
6. *Закирова Э. Р., Шеина Е. Г., Астанакулов О. Т.* Методические подходы к оценке эффективности управления инвестиционными и финансовыми рисками субъектов хозяйствования // Финансы и управление. 2019. № 2. С. 27–36.
7. *Иода Ю. В., Шишкина Ю. Г.* Механизмы управления и обеспечения финансовой устойчивости предприятия // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 6. С. 93–98.
8. *Киров А. В.* Управление финансовой устойчивостью предприятия: теоретические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2011. № 1 (18). С. 154–159.
9. *Сафонова Н. С., Землячев С. В.* Сущность финансовой устойчивости предприятия // Вестник науки и творчества. 2017. № 2 (14). С. 155–161.
10. *Сергеев К. В.* Трансформация финансового риска в российском ритейле // Вестник Академия знаний. 2023. № 6 (59). С. 513–515.

Ноономика как проекция перспектив Российской цивилизации

В статье раскрывается концепция ноономики. С опорой на высказывания ведущих российских ученых-экономистов проводится тезис о ноономике как общественном проекте, основу которого составляют качественные и всесторонние знания. Раскрыты предпосылки для реализации этого проекта в нашей стране, показана их связь с планетарными трансформациями, касающимися перехода от однополярности к многополярному миру.

Ключевые слова: ноономика; Российская цивилизация; однополярность; многополярный мир; межкультурный диалог; БРИКС.

Развитие отечественной науки является одновременно и фундаментом, и двигателем расширения созидательных возможностей таких значимых отраслей общественной деятельности, как образование, культура, медицина, продвижение новейших технологий. Эти отрасли обретают особое значение как ключевые звенья предсказываемого и проектируемого ведущими российскими учеными нового мирохозяйственного уклада, связанного с идеей ноономики.

Ноономика — это модель организации хозяйства, при которой упор делается на использование неэкономических подходов и способов; это тип хозяйствования, в центре которого находится научно-технический прогресс; это экономика знаний. Ноономика связана с интеллектом, с кадровым обеспечением научно-технического прогресса.

Ноономике посвящен ряд работ известного экономиста академика РАН С. Ю. Глазьева. Актуальность разработки этой темы он связал с конфликтом между Западом и большинством тех цивилизаций, которые к нему не относятся. Вращиваемый на Западе культ наживы принес народам мира неисчислимые бедствия, и потому, по словам Глазьева, «эпоха господства цивилизации денег с угрозой оказаться в постгуманоидном состоянии должна прийти к своему логическому завершению». Этому призван содействовать потенциал ноономики, позволяющий «смоделировать переход человечества на новый виток цивилизационного развития», характеризуемый «сотрудничеством и взаимопонима-

нием между народами, уважением национальных суверенитетов, сопряжением знаний и технологий с духовно-нравственными, культурными и этическими принципами и нормами» [2, с. 48].

Ныне происходит перетекание пятого технологического уклада в шестой, где первенство обретают нано-, биоинженерные, аддитивные, цифровые и информационные технологии. Магистральный сценарий становления шестого технологического уклада в немалой мере зависит от таких геополитических гигантов, как Китай и Индия. Общими для них характеристиками на пути к новому укладу являются «подчинение экономического регулирования цели роста народного благосостояния, сочетание стратегического планирования и рыночной конкуренции, государственного контроля над денежным обращением и инфраструктурными отраслями с поощрением социально ответственного частного предпринимательства» [2, с. 50]. Другой сценарий перехода к новой технологической реальности определен эгоистическими планами Запада. Глазьев, называя этот сценарий «электронным концлагерем», связывает его с «формированием системы глобального олигархического управления, контролирующего воспроизводство человечества с его постепенным замещением постгуманоидной цивилизацией». Любая из двух названных линий «подчиняет экономику неэкономическим целям и переходит в ноономику, а выбор между ними будет определяться в большей степени политико-этическими факторами, чем экономико-технологическими» [2, с. 50].

Суть ноономики определяется тем, что в современном мире потребности человека и социума не сводятся к материальному потреблению. Это значит, что и инструментарий, используемый для хозяйственного развития, не ограничивается лишь пределами материального производства.

Концепция ноономики пока находится в фазе становления, но число посвященных ей трудов постоянно растет. Некоторые ученые примеряют ее принципы к текущей экономической ситуации в России. Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А. А. Широв уверен, что «Россия должна пройти стадию усложнения и структурно-технологической перестройки экономики» [3, с. 61]. Он пишет о необходимости увеличения затрат на научно-исследовательские работы и расширения

мер, повышающих значимость человеческого капитала. В России затраты на НИОКР пока ниже, чем в ряде западных стран. По словам Широва, «это существенный вызов для всей научно-технологической политики в нашей стране, поскольку вложения в науку обладают большим спектром прямых и косвенных эффектов на экономику, которыми нужно учиться управлять» [3, с. 64–65].

Большой вклад в развитие концепции ноономики вносит директор Института нового индустриального развития С. Д. Бодрунов. Внедрение элементов ноономики в действующую экономическую модель он связывает с нарастанием доли «знаниемоего материального производства, в результате чего образуется цепь трансформаций во всех сферах производственно-экономической жизни». Главными звеньями этой цепи Бодрунов называет «резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли такого фактора, как „знание“, а также «двукратное ускорение инновационного процесса» [1, с. 7].

Отдельные комментаторы, исходя из того, что концепция ноономики «предполагает формирование общества, для которого важнее удовлетворение духовных, а не материальных потребностей», полагают, что «со стороны она может показаться утопической»¹. Порой ноономику ошибочно отождествляют с постиндустриальной экономикой, означающей упадок производства и деиндустриализацию. По словам Широва, «постиндустриальная экономика сталкивается с проблемой достаточного количества рабочих мест. Высокопроизводительные рабочие места в креативном секторе ограничены, а в остальной сфере услуг не требуют высокой квалификации» [3, с. 67].

Сдержанное отношение к «миражам постиндустриализма» высказывает и С. Д. Бодрунов: «Качественные изменения в экономике действительно назревают, однако они являются не предвестниками перехода к „обществу услуг“, а свидетельством качественных изменений в технологиях материального производства. Путь к активному освоению этих технологий лежит не через постиндустриалистский отказ от промышленного производства, а через реиндустриализацию на качественно новой технологиче-

¹ Баицатова А. Россию делают колыбелью ноономики // Независимая газета. 2023. 23 окт. С. 5.

ской основе» [1, с. 7]. Бодрунов отмечает, что знаниевый компонент экономики крайне важен уже сегодня: «Не повышая его долю в структуре экономики, мы рискуем обречь себя на отставание в мировом экономическом соревновании» [1, с. 8]. Он подчеркивает: «Россия имеет уникальный исторический шанс: выстроив новый технологический базис экономики, не „догонять“ более развитые страны, а, „сделав рывок“, встать вровень с ними в инновационном, индустриальном и социально-экономическом развитии» [1, с. 9].

Адаптация производственных процессов к принципам ноономики будет порождать запрос на уточнение подходов к универсальным критериям и индикаторам экономического развития. Бодрунов полагает, что «господствующие симулятивные потребности в обществе постепенно отойдут на второй план; традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) в надвигающемся будущем постепенно потеряют привычный смысл, если не исчезнут совсем» [1, с. 9].

Идеи ноономики отражают главные черты и характеристики назревающего мирохозяйственного уклада, обещающего принести планетарному сообществу новые формы сосуществования стран и народов. В прорисовке многополярного мира высвечиваются контуры симбиоза самобытных цивилизаций, к которым относится и Россия. Сегодня все большее число ученых, экспертов, политиков признают, что цивилизационная модель мироустройства обладает высоким теоретическим и практическим потенциалом. 5 октября 2023 г., выступая на сессии дискуссионного клуба «Валдай», такое признание сделал и Президент России В. В. Путин. Он раскрыл суть термина «цивилизация»: «Цивилизаций много, и ни одна из них не лучше и не хуже другой. Каждая цивилизация отличается от других, каждая самодостаточна в культурном плане. Цивилизация ничего никому не навязывает, но и не позволяет ничего навязывать себе. Человечество движется не к бездушному универсализму новой глобализации, а к синергии государств-цивилизаций, больших пространств, общностей»¹.

¹ Путин В. В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай» // Комсомольская правда. 2023. 6 окт. С. 2.

Диалог цивилизаций предполагает наличие у них схожих представлений о мире, взаимный интерес и взаимную симпатию. Пример успешного диалога между цивилизациями — отношения внутри БРИКС, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. За короткий срок объединение стало популярным, и с 1 января 2024 г. к нему присоединились Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. Удовлетворения заявок на вступление ждут еще 17 стран.

БРИКС — добровольное содружество равных партнеров, внутри него нет жесткой статусной иерархии. В этом БРИКС принципиально отличается от западной коалиции G-7, куда входят США, Канада, Великобритания, Германия, Франция, Италия и Япония. Всеми делами этой структуры единолично распоряжаются Соединенные Штаты.

Перед БРИКС открываются благоприятные перспективы: при реализации программной стратегии содружество способнократно нарастить суммарные показатели и обойти G-7. Россия в симфонии государств-цивилизаций занимает особое место: являясь мировым лидером по ресурсному потенциалу, она имеет возможность совершить новый взлет и в использовании интеллектуального потенциала.

Библиографический список

1. *Бодрунов С. Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 5–12.
2. *Глазьев С. Ю.* Ноономика как парадигма управления нового мирохозяйственного уклада // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1, № 3. С. 48–58.
3. *Широв А. А.* Российская экономика — возможности структурно-технологического маневра // Научные труды Вольного экономического общества. 2023. Т. 241, № 3. С. 61–71.

Новые тренды актуальной повестки устойчивого развития бизнеса

В статье рассматриваются новые нормативно-законодательные акты и методические рекомендации, связанные с отчетностью по устойчивому развитию. Приводится практика представления российскими компаниями отчетов об устойчивом развитии. Выделяется проблематика составления нефинансовой отчетности, обобщаются практические рекомендации.

Ключевые слова: устойчивое развитие; ESG; регулятивные нормы отчетности; практика предоставления отчетности.

Повестка устойчивого развития остается актуальной и после переориентации российского бизнеса с вектора западного партнерства на партнерство со странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Требования компаний из дружественных стран к своим российским партнерам не менее строгие, а в ряде случаев и более, они обращают внимание на то, учитывают ли их потенциальные контрагенты повестку устойчивого развития.

В этой связи деятельность Правительства и основного регулятора — Центробанка Российской Федерации направлена на все большее акцентирование внимания на развитие лучших практик устойчивого развития для поддержания финансовой стабильности. Устойчивое развитие (ESG) оценивается в трех категориях — Environmental, Social, Governance: экологическая, социальная составляющая и составляющая корпоративного управления.

ЦБ РФ в начале 2023 г. выпустил для общественного обсуждения «Модельную методологию ESG-рейтингов»¹, целью которой является гармонизация ESG-рейтингов, что предполагает обеспечение их наглядности, прозрачности и сопоставимости между собой, стандартизации базовых показателей и унификации общих принципов составления и применения рейтингов устойчивого развития.

Еще один документ Центрального банка РФ в области урегулирования вопросов систематизации и единообразия принципов составления ESG-рейтингов российских компаний был при-

¹ Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2023. 43 с. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

нят в середине 2023 г. Это «Информационное письмо о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития)» для участников финансового рынка¹. Целью настоящих рекомендаций является гармонизация ESG-рейтингов. Как было отмечено в Информационном письме, для гармонизации ESG-рейтингов Банк России «считает необходимым решить ряд методологических проблем, включая унификацию определения ESG-рейтингов, установление минимального набора элементов, введение единой рейтинговой шкалы для всех лиц, присваивающих ESG-рейтинги». Из-за разнородности ESG-компонент, обладающих несходной между собой природой, а также различных подходов к их объединению в интегральную оценку Банк рекомендовал раскрывать отдельные рейтинги по каждой из ESG-компонент.

В ноябре 2023 г. были опубликованы разработанные Минэкономразвития РФ методические рекомендации по подготовке нефинансовой отчетности для компаний, которые раскрывают показатели в сфере устойчивого развития ESG². Рекомендации предваряют подготовку и издание российского стандарта отчетности об устойчивом развитии, призванного повысить качество отчетности и достижение ее сопоставимости. Независимая внешняя оценка отчетности об устойчивом развитии может проводиться в формах общественного подтверждения (заверения) и (или) профессионального подтверждения (заверения). Для организаций, составляющих отчеты по устойчивому развитию, рекомендованы ключевые (базовые) показатели отчетности по каждой из составляющих ESG. Так, среди управленческих показателей в рекомендациях обозначены: наличие политики по устойчивому развитию и (или) иных стратегических документов в этой сфере; количество заседаний совета директоров и коэффициент их посещаемости.

¹ Информационное письмо Банка России о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) от 30 июня 2023 г. № ИН-02-05/46. URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6225> (дата обращения: 10.02.2024).

² Приказ Минэкономразвития России об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии от 1 ноября 2023 г. № 764 и Методические рекомендации по подготовке отчетности об устойчивом развитии. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/70c9039795779d4b5b55c3fb8066afd3/764_2023-11-01.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

сти; количество членов совета директоров (общее и по возрастным группам); количество заседаний аудиторского комитета (комитета по аудиту) и коэффициент их посещаемости; участие в индексах и рейтингах устойчивого развития (ESG); количество зафиксированных случаев нарушений прав коренных малочисленных народов РФ; доля работников, замещающих должности с высоким коррупционным риском; среднее количество часов обучения по вопросам противодействия коррупции на одного работника; количество случаев привлечения организации, ее дочерних и зависимых обществ к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений; доля женщин-руководителей.

В самом конце 2023 г. было опубликовано Информационное письмо Банка России о рекомендациях публичным акционерным обществам и эмитентам эмиссионных ценных бумаг по разработке стратегии устойчивого развития и стратегии климатического перехода¹. В этих рекомендациях ЦБ РФ особое внимание обращено на процессы трансформации бизнеса российских компаний в организации их бизнес-процессов с целью максимального учета стратегического вектора развития российской экономики, связанного с устойчивым развитием. При разработке стратегии устойчивого развития компании должны учитывать ряд базовых принципов, таких как: согласованность общекорпоративных целей с бизнес-моделью и бизнес-процессами организации; амбициозность целей устойчивого развития более высоких, чем среднеотраслевые; обоснованность целей научно обоснованными прогнозами и сценариями; учет рисков и возможностей в целеполагании при уделении должного внимания анализу последствий реализации стратегии устойчивого развития для внешних и внутренних стейкхолдеров; отсутствие (или минимизация) значимых побочных эффектов². В советах директоров должен быть обязательно создан профильный комитет по устойчивому

¹ Информационное письмо Банка России о рекомендациях публичным акционерным обществам и эмитентам эмиссионных ценных бумаг по разработке стратегии устойчивого развития и стратегии климатического перехода от 29 декабря 2023 г. № ИИ-02-28/76. URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/7666> (дата обращения: 10.02.2024).

² Там же.

развитию, за менеджментом компании должны быть закреплены функции, связанные с реализацией политики и стратегии устойчивого развития.

Вышеуказанные институциональные нормы закрепляют четкий тренд на развитие в РФ устойчивого развития, что будет способствовать инвестиционной привлекательности российского бизнеса, сейчас в первую очередь перед азиатскими контрагентами. Так, «Норильский никель» по итогам 2023 г. объявил, что впервые в истории компании в продажах более 50 % стали составлять азиатские партнеры в результате переориентации на новые рынки сбыта¹.

Если посмотреть на практику реализации повестки устойчивого развития, то по данным Национального Регистра нефинансовых отчетов² у 262 компаний зарегистрировано 1 494 отчета, выпущенных с 2001 г. В их числе: экологические отчеты — 111, социальные отчеты — 388, отчеты в области устойчивого развития — 598, интегрированные отчеты — 397. Только в 2023 г. компании выложили 60 отчетов устойчивого развития за 2022 г. В Библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов³ по данным РСПП на текущую дату (постоянно обновляемую) преобладают отчеты промышленных компаний. Отчетов устойчивого развития более всего на настоящий момент в нефтегазовой отрасли (146 отчетов), в металлургической и горнодобывающей (100 отчетов). В качестве примера можно привести отчет об устойчивом развитии компании «Норильский никель»⁴, где раскрыты все аспекты устойчивого развития по составляющим ESG, включая протокол диалога с заинтересованными сторонами и рекомендации заинтере-

¹ Доля азиатского рынка в продажах «Норникеля» в 2023 году впервые превысила 50 % // ТАСС. 2024. 9 февр. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19948031> (дата обращения: 10.02.2024).

² Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов / Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/register/ (дата обращения: 10.02.2024).

³ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ Отчет об устойчивом развитии. Сохраняя ценности и приоритеты. 2022 / Норильский никель. URL: <https://rspp.ru/upload/uf/9b5/vin1f1pmktonuqo8jja009vukm4quuxj/Nornikel-OUR-2022.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

ресованных сторон. Другой пример — детальный отчет об устойчивом развитии («ESG отчет. Сохраняя баланс») компании «Уралкалий»¹. В отчете подробно представлена программа ESG-трансформации 2019–2022 гг., описана ESG-стратегия до 2025 г., управление ESG-рисками, взаимодействие с заинтересованными сторонами, подробно прописаны экологический аспект, социальный и практика корпоративного управления. Особое внимание в отчетах уделяется характеристикам корпоративного управления в компании применительно к аспектам устойчивого развития и уровню раскрытия ESG-информации [1; 2].

Практика представления нефинансовой отчетности постоянно совершенствуется, делая ее открытой и общедоступной для улучшения диалога с социальными партнерами. Кроме того, нельзя не согласиться с выводами ряда исследователей об актуализации нефинансовой отчетности из-за возрастающих требований инвесторов и кредиторов по отношению к всестороннему раскрытию информации об организации, равнодушного отношения в обществе к вопросам устойчивого развития; усиления конкуренции на отраслевых рынках и поиска конкурентных преимуществ с целью укрепления собственных позиций среди других организаций [3].

Таковы основные актуальные тренды 2023 г., характеризующие устойчивое развитие бизнеса.

Библиографический список

1. Батаева Б. С., Карпов Н. А. Влияние факторов корпоративного управления на уровень раскрытия ESG-информации российскими публичными компаниями // Управленец. 2023. Т. 14, № 3. С. 30–43.
2. Макеева Е. Ю., Попов К. А., Дихтярь А. А., Судакова А. В. Взаимосвязь характеристик совета директоров с ESG-рейтингами и стоимостью российских компаний // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20, № 4. С. 498–523.
3. Шешукова Т. Г., Котова К. Ю., Шакирова Н. Н. Нефинансовая отчетность: содержание и анализ показателей // Modern Economy Success. 2023. № 2. С. 69–81.

¹ Сохраняя баланс. ESG-отчет. 2022 / Уралкалий. URL: https://rspp.ru/upload/uf/44e/m7wft19f21dzo08dup51pyy87qehk72/Uralkaliy_OUR_2022.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

Долговая политика Свердловской области

В статье исследована долговая политика Свердловской области в период 2018–2023 гг. Проанализированы показатели бюджетного дефицита, государственного долга, рассчитаны показатели эффективности долговой политики. Сделаны выводы о состоянии текущей долговой политики Свердловской области за анализируемый период и предложены меры по улучшению ее показателей.

Ключевые слова: долговая политика; бюджетный дефицит; государственный долг; Свердловская область.

Введение. Проблема государственного долга субъекта Федерации в текущих условиях стоит достаточно остро. Основной причиной является обострение проблем бюджетного дефицита. Многие регионы имеют одновременно бюджетный дефицит и государственный долг. Соответственно, есть необходимость исследования эффективности долговой политики региона.

Основная часть. Долговая политика — это часть бюджетной политики, которая показывает, насколько эффективно регион осуществляет долговые заимствования и их обслуживает. Среди зарубежных исследователей региональная долговая политика рассматривается в первую очередь в фокусе финансового кризиса [1; 4; 6; 7].

В российской законодательной базе понятие «долговая политика» отсутствует. Существуют различные трактования понятия «долговая политика» в отечественной научной литературе.

По мнению С. Н. Солдаткина, «долговая политика (государства, субъекта РФ или муниципалитета) — это часть финансовой политики наряду с бюджетной, налоговой, денежно-кредитной, ценовой и таможенной политикой» [5, с. 48].

Е. А. Ермакова дает такое определение: «долговая политика рассматривается как совокупность мероприятий по управлению долговыми обязательствами, привлечению государственных заимствований в целях обеспечения финансовыми ресурсами расходных обязательств, их обслуживанию, рефинансированию и погашению. Она формирует идеологию управления государственными заимствованиями, определяет стратегию и тактику

управления государственным долгом и основные направления органов власти по их реализации» [2, с. 28].

Отдельные показатели эффективности долговой политики отражены в работе Ю. В. Коречкова [3].

Таким образом, долговая политика — это совокупность мероприятий региональных органов власти, направленных на достижение определенной степени эффективности в мобилизации заемных ресурсов для решения финансовых проблем.

Рассмотрим ситуацию с государственным долгом в Свердловской области. Для этого проанализируем ситуацию с бюджетным дефицитом (рис. 1).

За исследуемый период Свердловская область имела бюджетный дефицит три раза — в 2018, 2020 и 2021 гг. Наиболее острой ситуация с бюджетным дефицитом оказалась в 2021 г., он составил — более 29 000 000 тыс. р. Рассмотрим, как ситуация с бюджетным дефицитом отразилась на динамике государственного долга Свердловской области (рис. 2).

В периоды обострения бюджетного дефицита происходит и рост государственного долга. Также в анализируемом периоде прослеживается тенденция отказа от кредитов кредитных организаций и государственных гарантий с 2021 г. (доля бюджетных кредитов в структуре долга возросла с 27,2 % до 53,8 %). При этом мы видим рост выпуска государственных ценных бумаг Свердловской областью, задолженность по ним выросла с 20 млрд р. в 2018 г. (27,4 %) до 36 млрд р. в 2023 г. (34 %). Максимальная сумма по этому показателю составила 66 млрд р. в 2020 г. (57,7 %).

В этой связи можно отметить, что Свердловская область отказалась от самого дорогостоящего источника финансирования — кредитов кредитных организаций, заменив их бюджетными кредитами, но при этом используется такой же дорогой источник финансирования — ценные бумаги. Это можно объяснить необходимостью получения кредитного рейтинга региону для последующего привлечения инвестиций.

Рассмотрим динамику выпуска ценных бумаг Свердловской областью (табл. 1).

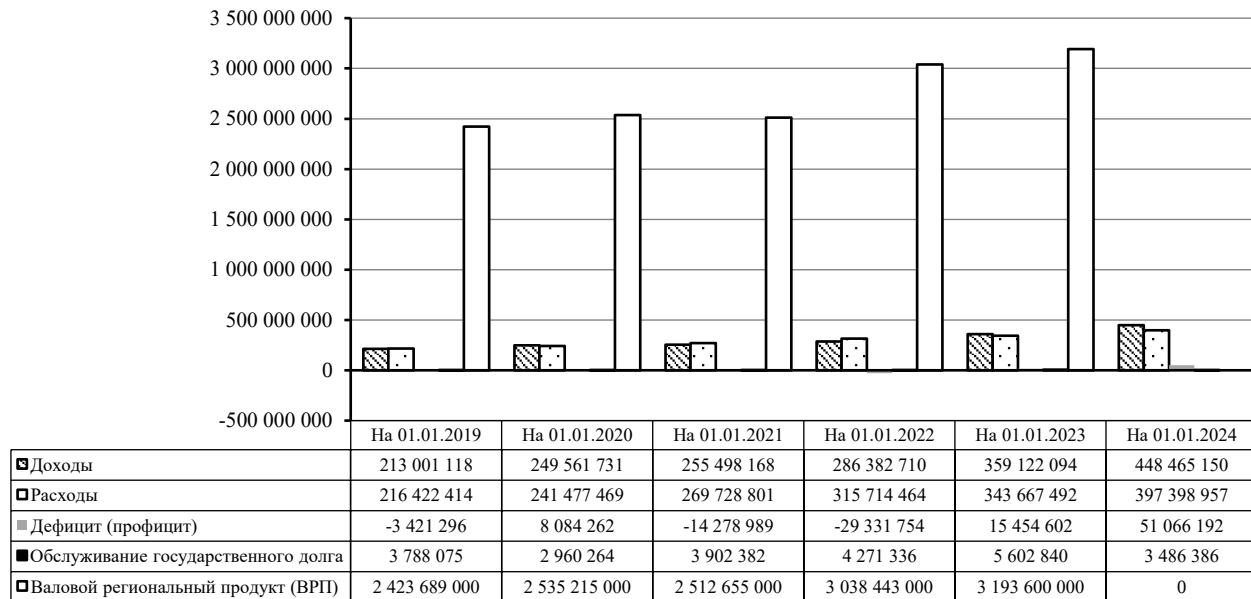

Рис. 1. Динамика доходов, расходов и дефицита областного бюджета Свердловской области с 1 января 2019 г. по 1 января 2024 г., тыс. р.¹

¹ Сост. по: *Исполнение бюджета* / Министерство финансов Свердловской области. URL: https://minfin.midural.ru/document/category/21#document_list (дата обращения: 25.01.2024).

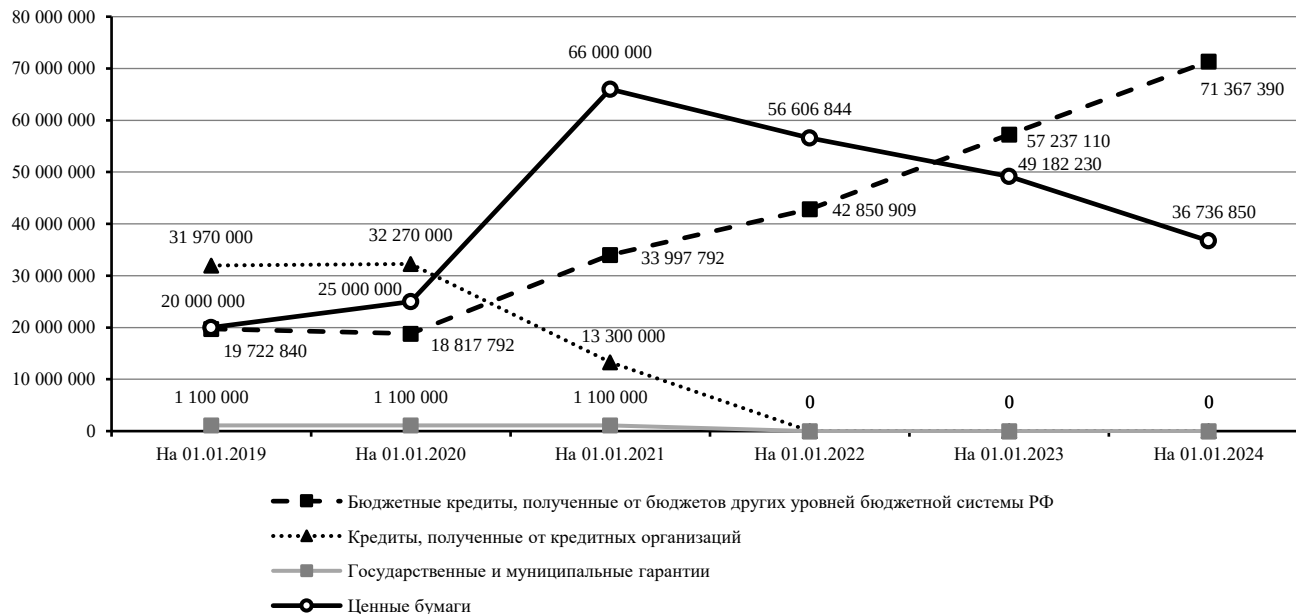

Рис. 2. Государственный долг Свердловской области в динамике с 1 января 2019 г. по 1 января 2024 г., тыс. р.¹

¹ Сост. по: *Объем государственного долга Свердловской области и муниципальных образований* / Министерство финансов Свердловской области. URL: https://minfin.midural.ru/document/category/29#document_list (дата обращения: 25.01.2024).

Таблица 1

**Выпуск облигаций Свердловской области в динамике,
2016–2020 гг.**

Год выпуска	Срок выпуска, лет	Объем выпуска, тыс. р.	Купонная ставка, %
2016	8	5 000 000	9,80
2017	8	10 000 000	7,70
2018	8	5 000 000	8,68
2019	7	5 000 000	6,70
2020	5	10 000 000	5,80
	7	12 000 000	6,10
	7	8 000 000	6,25
	4	10 000 000	5,80
	3	10 000 000	5,70
Итого за 2020 г.		50 000 000	
Итого за весь период		75 000 000	

Примечание. Табл. 1 и 2 сост. по: Анисимова Е., Траутман Е. АКРА повысило кредитный рейтинг Свердловской области до уровня AA-(RU), изменив прогноз на «стабильный», и облигаций области — до уровня AA-(RU): пресс-релиз рейтингового агентства «АКРА». 24 нояб. 2023 г. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/1fe/vsnd7w533vhxixww9ycmzq6snhkt4u7t/20231124_Sverdlovskaya-oblast_press_reliz_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

Как мы видим, Свердловская область стала активно привлекать денежные средства путем выпуска ценных бумаг с 2016 г. Срок выпуска колеблется от 3 лет (в 2020 г.) до 8 лет (в 2016, 2017, 2018 гг.). Объемы эмиссии также различаются — от 5 млрд р. (в 2016 г.) до 12 млрд р. в 2020 г.

Средний объем эмиссии составляет 8 330 000 тыс. р., а средний срок заимствования — 6,3 года, что указывает на кратко- и среднесрочный характер займов.

По мнению рейтингового агентства «АКРА»¹ (которое в конце 2023 г. проводило рейтинговую оценку Свердловской области), график погашения долга Свердловской области сбалансирован, а периоды значительных пиковых выплат отсутствуют.

¹ Анисимова Е., Траутман Е. АКРА повысило кредитный рейтинг Свердловской области до уровня AA-(RU), изменив прогноз на «стабильный», и облигаций области — до уровня AA-(RU): пресс-релиз рейтингового агентства «АКРА». 24 нояб. 2023 г. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/1fe/vsnd7w533vhxixww9ycmzq6snhkt4u7t/20231124_Sverdlovskaya-oblast_press_reliz_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

Процентные расходы необременительны для области: средний уровень процентных расходов за 2020–2024 гг. не превышает 1,5 % совокупных расходов бюджета (за вычетом субвенций). Рейтинг облигационных займов Свердловской области соответствует рейтингу области (AA-(RU)).

К показателям эффективности долговой политики можно отнести следующие:

- 1) государственный долг к расходам областного бюджета, %;
- 2) обслуживание государственного долга к государственному долгу, %;
- 3) государственный долг к ВРП, %;
- 4) отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам.

Качество долговой политики Свердловской области отражено в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

**Показатели эффективности долговой политики
Свердловской области (на 1 января соответствующего года)**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1. Государственный долг к расходам областного бюджета, %	33,6	31,90	42,40	31,50	30,90	27,2
2. Обслуживание государственного долга к государственному долгу, %	5,2	3,80	3,40	4,29	5,20	3,2
3. Государственный долг к ВРП, %	3,0	3,04	4,55	3,27	3,33*	—**
4. Отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам	33,9	35,08	52,86	34,00	34,80	27,0

Примечания. * Оценочное значение. ** Нет данных.

Как мы видим, по показателю «государственный долг к расходам бюджета» максимальное значение было зафиксировано в 2020 г. (42,4 %), минимальное — в 2023 г. (27,2 %). Максимальное значение этого показателя соотносится со значительным ростом государственного долга в 2020 г. Показатель «обслуживание государственного долга к государственному долгу» — максимальное значение было зафиксировано в 2018 и 2022 гг. (5,2 %),

а минимальное — в 2023 г. (3,2 %). Как видим, в 2023 г. по обоим описываемым показателям фиксировались минимальные значения, при этом происходит их снижение к 2023 г.

По показателю «государственный долг к ВРП», как видим, нет «ровной» динамики — максимальное значение было в 2020 г., а минимальное — в 2018 г. Мы видим рост государственного долга к ВРП с 2018 по 2020 г. и его уменьшение в 2021 г. Однако это не говорит о том, что этот показатель ухудшался или улучшался. В определенные моменты мог расти (уменьшаться) ВРП, в какие-то моменты — государственный долг. По этой причине и рассматривается комплекс показателей.

Показатель «отношение государственного долга к собственным доходам» практически повторяет динамику предыдущего показателя — рост с 2018 по 2020 г. и падение с 2021 г.

В целом показатели долговой политики Свердловской области за анализируемый период соответствуют низкому уровню долговой нагрузки региона. Это подтверждают итоги обследования рейтинговым агентством «АКРА» в конце 2023 г. — Свердловской области был выставлен рейтинг AA-(RU).

Заключительная часть. В перспективе будет наблюдаться рост бюджетных дефицитов региональных бюджетов РФ в современных реалиях в связи с политическими и экономическими факторами, что также относится и к Свердловской области, что еще более усилит внимание к долговой политике.

Для Свердловской области можно предложить сокращение эмиссии ценных бумаг при увеличении срока заимствований, а также увеличение бюджетных кредитов с целью снижения расходов на обслуживание государственного долга. При этом оставив определенное количество ценных бумаг в структуре государственного долга для получения инвестиционного рейтинга региона и дальнейшего привлечения инвестиций. Что, в свою очередь, приведет к улучшению показателей бюджета, снижению бюджетного дефицита, государственного долга и повышению эффективности долговой политики.

Библиографический список

1. *Далио Р.* Большие долговые кризисы. Принципы преодоления / пер. с англ. В. Френч. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 495 с.

2. *Ермакова Е. А.* Система качественных критериев для оценки эффективности долговой политики субъекта РФ // Финансы и кредит. 2013. № 46 (574). С. 27–33.

3. *Коречков Ю. В.* Долговая устойчивость региона как основа его стратегического развития // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 81–91.

4. *Мировой финансовый рынок и Россия (Обзор 2021)* / отв. ред.: Е. А. Звонова, А. Г. Глебова. М.: КноРус, 2022. Т. 1. 224 с. Т. 2. 242 с.

5. *Солдаткин С. Н.* Эффективность региональной долговой политики через призму инвестиционной активности // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 30. С. 46–57.

6. *Bulow J., Reinhart C., Rogoff K., Trebesch C.* The Debt Pandemic. New steps are needed to improve sovereign debt workouts // Finance & Development. 2020. September. P. 12–16.

7. *Postula M., Klepacki J., Sobolewska J.* Local Government Public Debt Rules in the Visegrad Group Countries as Tools for the Optimization of Socio-Economic Development // Lex Localis — Journal of Local Self-Government. 2018. Vol. 16, no. 3. DOI: 10.4335/16.3.569-590(2018).

М. В. Чудиновских

Особенности мотивации и контроля в условиях платформенной занятости

Анализируются особенности процессов мотивации и контроля работников в условиях платформенной занятости. Выделены характерные черты алгоритмического контроля и дофаминовой мотивации. Сделан вывод о том, что формирование новых инструментов управления приводит к снижению уровня социальной защиты работников, ухудшению их положения по сравнению с традиционными трудовыми отношениями.

Ключевые слова: дофамин; мотивация; контроль; платформенная занятость; цифровые трудовые платформы.

Одной из ключевых тенденций рынка труда как в России, так и в мире является развитие платформенной занятости. К крупнейшим цифровым трудовым платформам можно отнести сервисы такси, доставки, выполнения различных заданий в сфере бытовых услуг, программирования, дизайна. С 2022 г. в нашей стране стали формироваться статистические данные о платформенной занятости. Количество платформенных занятых в третьем

квартале 2023 г. превысило 2,5 млн чел.¹ Рост популярности платформенной занятости становится одной из причин углубления проблемы дефицита кадров в традиционных секторах экономики.

Развитие цифровых трудовых платформ способствует формированию новой модели менеджмента, который получил название «алгоритмический менеджмент» [2]. В российской научной литературе количество публикаций, посвященных алгоритмическому менеджменту, пока сравнительно невелико [4; 5]. Характеризуя особенности алгоритмического менеджмента, в рамках данной работы основное внимание предлагается уделить двум аспектам:

- особенностям формирования мотивации платформенных работников;
- алгоритмическому контролю.

В рамках платформенной занятости применяются алгоритмы и системы, которые автоматически управляют работой, распределяют задачи и оптимизируют рабочие процессы. Это позволяет увеличить эффективность и скорость работы, в том числе за счет формирования так называемой «дофаминовой мотивации». Дофамин — это нейромедиатор, который играет важную роль в удовлетворении, удовольствии, мотивации и усилении. Он участвует в регуляции настроения, чувства вознаграждения и желания. Термин «дофаминовая мотивация» изначально употреблялся в основном в медицинской среде, однако постепенно стал все чаще использоваться и в рамках маркетинга и менеджмента [1; 3]. В таблице представлены примеры реализации приемов «дофаминовой мотивации».

**Приемы «дофаминовой мотивации» работников
в условиях платформенной занятости**

Прием	Влияние на работника
Рейтинги и отзывы	Положительные отзывы и высокий рейтинг могут вызвать у работника чувство удовлетворения и достижения, что является формой дофаминовой награды

¹ *Итоги* выборочного обследования рабочей силы. III квартал 2023 г. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.02.2024).

Окончание таблицы

Прием	Влияние на работника
Прогресс и достижения	Цифровые трудовые платформы могут предоставлять работникам возможность следить за своим прогрессом и достижениями в выполнении задач (награды, бейджи, достижения, прогресс-бары)
Задания с разной сложностью	Для поддержания дофаминовой мотивации платформы могут предлагать работникам задания с разной сложностью и уровнем вызова, давать им постоянный стимул для развития и роста
Бонусы и поощрения	Платформы могут предлагать бонусы, дополнительные вознаграждения или поощрения для работников, достигших определенных целей или получивших хорошие оценки
Форумы, чаты, виртуальное сотрудничество	Социальное взаимодействие может усилить дофаминовую мотивацию, так как оно создает ощущение принадлежности и поддержки со стороны сообщества

Дофаминовая мотивация стимулирует работать и стремиться к успеху. Однако она может иметь и негативные аспекты. Например, неконтролируемая или избыточная дофаминовая мотивация может привести к зависимостям, стремлению к экстремальному вознаграждению или игровому поведению. Анализ данных, которые приводятся в исследованиях, посвященных платформенной занятости, показывает, что:

- для многих лиц платформенная занятость постепенно становится основной, вытесняя и заменяя традиционные формы занятости;

- значительная часть платформенных занятых работает в среднем по 12 ч и более.

Формирование такой зависимости определяется целой совокупностью факторов. С экономической точки зрения больший объем работы дает возможность получить больший доход. Кроме того, увеличение количества выполненной работы на многих платформах положительно влияет на рейтинги. С юридической точки зрения отсутствие законодательного регулирования позволяет платформам эксплуатировать работников, не предоставляя гарантии, закрепленные в Трудовом кодексе. С психологической точки зрения согласие работников на такие условия может быть

связано именно с формированием «дофаминовой мотивации» и даже определенным уровнем зависимости.

Вторая характерная черта алгоритмического менеджмента — это более глубокий, всесторонний контроль, основанный прежде всего на цифровых инструментах. Алгоритмический контроль на цифровых трудовых платформах — это процесс использования алгоритмов для мониторинга и управления работниками на платформе. Этот вид контроля имеет свои особенности, особенно в контексте цифровых трудовых платформ.

Алгоритмический контроль обычно осуществляется через мониторинг и анализ данных о работе работников на платформе. Алгоритмы могут автоматически отслеживать различные аспекты работы, такие как количество выполненных заданий, время, затраченное на выполнение задания, оценки и отзывы от заказчиков и т. д. Некоторые цифровые трудовые платформы используют сложные алгоритмы для определения оценок и рейтингов работников. Однако эти алгоритмы зачастую являются бизнес-секретом и не разглашаются платформой. Такая недостаточная прозрачность может привести к несправедливому оцениванию работы и контролю. В алгоритмическом контроле не участвуют люди. Решения об управлении и наказании обычно принимаются автоматизированными системами. Это может привести к отсутствию гибкости и учета индивидуальных обстоятельств и особенностей работников. Некоторые алгоритмы используют конкурентную модель, где работники оцениваются и ранжируются по отношению друг к другу. Это может привести к несправедливой конкуренции, несанкционированным попыткам подделки своей работы и повышенному стрессу у работников.

Алгоритмический контроль может привести к несправедливому распределению заданий между работниками. Алгоритмы выбирают исполнителей заданий на основе различных факторов, таких как рейтинг, время доступности и др. Это может привести к тому, что некоторые работники получают больше и лучшие задания, в то время как другие получают меньше и менее выгодные задания.

Выделенные недостатки алгоритмического контроля также в основном определяются тем, что законодательное регулирование платформенной занятости в России пока отсутствует. Про-

фильный законопроект планируется внести в Государственную Думу весной 2024 г., что позволяет прогнозировать появление необходимых правовых рамок не ранее 2025 г. Закон о платформенной занятости должен сформировать гарантии, позволяющие работникам:

- защищать свои права (в том числе в части регулирования рабочего времени, справедливой оплаты, страхования от несчастных случаев);
- иметь полное представление о порядке работы алгоритмов, рейтингов;
- оспаривать незаконные действия.

Для работодателей, которые ведут деятельность вне рамок платформенной занятости, принятие закона также имеет большое значение, так как в этом случае будут устраняться основания для демпинга со стороны платформ. В основе демпинга лежит то, что работники лишаются значительной части социальных гарантий, а платформа за счет этого предоставляет низкие цены на услуги.

Таким образом, активное развитие платформенной занятости позволяет говорить о формировании нового типа менеджмента. Алгоритмический менеджмент основывается на цифровых решениях, меняя механизмы контроля и мотивации. Рост популярности платформенной занятости свидетельствует о кризисе систем традиционного менеджмента. В то же время пробелы законодательного регулирования приводят к тому, что платформенные работники попадают в зависимость от платформ, причем эта зависимость может носить не только материальный, но и психологический характер. Цифровые трудовые платформы активно конкурируют с традиционными секторами экономики, способствуя углублению процесса кадрового дефицита, в том числе в сфере промышленности. Платформенная занятость нуждается в более глубоких исследованиях и законодательном регулировании.

Библиографический список

1. *Бажанова Т. В., Камалетдинов Р. А.* Исследование проблемы мотивации человека с раннего возраста в современном мире // Информационные технологии. Проблемы и решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2017. № 1 (4). С. 68–71.

2. Коновалов И. А. Теория процесса труда: от тейлоризма к алгоритмическому менеджменту // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 2. С. 109–167.

3. Ларионова Т. П., Алексеева М. О., Тимофеева Е. А. Дофаминовая петля нейромаркетинга // Аллея науки. 2018. Т. 1, № 3. С. 391–393.

4. Петровская И. А., Демченко В. С. Алгоритмический менеджмент: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2023. № 6. С. 109–132.

5. Филипова И. А. Алгоритмический менеджмент и цифровое профилирование в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 16–18.

Е. Г. Шеина

Социально ориентированное инвестирование как управленческая детерминанта экономического развития в новых условиях

В статье изложена эволюция теоретических концепций, формирующих фундамент социально ориентированного инвестирования, выявлены особенности проявления факторов устойчивого развития. Автором структурированы отличительные признаки различных видов инвестирования социального характера, что позволяет обосновать их значимость для развития экономики страны в новых условиях.

Ключевые слова: устойчивое развитие; ESG-повестка; корпоративная социальная ответственность; нефинансовая отчетность.

Следование глобальным мировым целям с ориентацией на реализацию социальных программ, усиление роли инноваций, дающих возможность научно-технологического прорыва, роста промышленного производства и укрепления национальной безопасности, невозможно без согласованного управления комплексом факторов, обеспечивающих устойчивое развитие [7, с. 38].

Как отмечают Я. П. Силин и С. В. Орехова, концепция устойчивого развития основывается на трех в равной степени важных направлениях — экологическом, экономическом и социальном [6, с. 35], что обеспечивает в целом рост национальной экономики.

Зарубежные авторы в отношении устойчивого развития также выделяют триаду факторов — экологические (environment — в пер. с англ. — окружающая среда), социальные (social — в пер.

с англ. — общество) и управленческие (governance — в пер. с англ. — управление), что в совокупности образует ESG-повестку, отражающую набор стандартов менеджмента, на основании которых в условиях социально ориентированного инвестирования происходит отбор инвестиционных проектов. Термин ESG впервые был сформулирован в 2004 г. генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в его обращении «Who cares wins» (в пер. с англ. — равнодушный побеждает) к руководителям пятидесяти крупнейших финансовых институтов мира.

ESG-повестка получила свое развитие и внедряется уже на протяжении двадцати лет не только в деятельности корпораций, но также в деятельности малых и средних предприятий.

Изначально термин «устойчивое развитие» относился к обществу в целом и к стратегическим приоритетам национальных политик. Однако, как отмечают Е. В. Нехода, Н. А. Редчикова и Н. А. Тюленева, «принятие идей и принципов устойчивого развития ... привело к необходимости обеспечения устойчивости на уровне компаний — так называемой корпоративной устойчивости» [3, с. 13].

Парадигма устойчивого развития нашла отклик в формировании нового направления в менеджменте — концепции корпоративной социальной ответственности (КСО) — Corporate Social Responsibility theory (CSR), основоположником которой является Говард Боуэн, охарактеризовавший корпоративную социальную ответственность как реализацию той политики, принятие таких решений либо следование такой линии, которые были бы желательны для целей и ценностей общества [8, р. 58]. У концепции корпоративной социальной ответственности были критики. Так, М. Фридман считал, что дискуссии о «социальной ответственности бизнеса» отличаются аналитической расплывчатостью и отсутствием строгости, если и есть «социальная ответственность», то это социальная ответственность отдельных людей, а не бизнеса [9, р. 123]. Тем не менее концепция корпоративной социальной ответственности остается одной из самых популярных, дискуссионных и развиваемых концепций в менеджменте, она трактуется многими авторами как помощь бизнеса обществу через реализацию социально значимых проектов и программ [4].

По мнению И. Н. Ткаченко и Л. А. Раменской, любой бизнес в своей основе должен иметь социально ориентированную

или этическую направленность [5, с. 87], и только в этом случае все стейкхолдеры предпринимательской деятельности будут удовлетворены, получая созданные тем или иным бизнес-процессом ценности.

Теоретическими предпосылками формирования новой парадигмы устойчивого развития также послужила концепция общих ценностей (CSV), сформулированная М. Э. Портером и М. Р. Крамером, основная идея которой заключается в укреплении взаимосвязи между социальным и экономическим прогрессом [10, р. 63].

Концепция CSV провозглашает необходимость реализации принципа общих ценностей, когда в качестве планируемого результата предпринимательской деятельности ожидается не только получение прибыли, но и создание ценности или блага для общества, которые бы отражали существующие общественные потребности, что неизбежно приведет к экономическому росту.

Е. В. Нехода, Н. А. Редчикова, Н. А. Тюленева полагают, что квинтэссенцией эволюций перечисленных концепций стала концепция интегрированной отчетности [3, с. 14–16], в основе которой формирование действий компании по созданию ценностей в долгосрочной перспективе, что отражается в опубликовании результатов деятельности в виде годовых отчетов не только в экономическом, но также в экологическом и социальном направлениях.

В 2013 г. Международным советом по интегрированной отчетности был принят Международный стандарт интегрированной отчетности, который отражает основные цели, принципы и элементы ее содержания, а также форму самого отчета и взаимосвязь с другой информацией.

Усиление взаимосвязи принципа общих ценностей и социально ориентированной направленности инвестирования требует усиления взаимодействия всех стейкхолдеров инвестиционного процесса.

Все вышеизложенные концепции в совокупности формируют теоретический фундамент социально ориентированного инвестирования.

Под социально ориентированным инвестированием может пониматься как отказ от вложения в определенные активы (военный, игорный бизнес), так и вложения в инновационное решение

социальных проблем или же внутрикорпоративные вложения на социальные потребности сотрудников (сближаясь в данной трактовке с термином «корпоративная социальная ответственность»); иногда под социально ориентированным инвестированием понимается «зеленое инвестирование» (англ. green investment, green investing) [7, с. 44].

Нередко социально ориентированное инвестирование понимается авторами как социальное предпринимательство. Также встречается трактовка, согласно которой социально ориентированное инвестирование означает «инвестиционный процесс, в котором проявляется ответственность инвестора за последствия его инвестиций для общества и окружающей среды» [1, с. 74].

Таким образом, направленность инвестирования всегда определяется конечными целями инвестиционного процесса, которые традиционно заключаются в получении прибыли/дохода от вложений инвестора в будущем. В случае социально ориентированного инвестирования уместно говорить о трансформации целей инвестиционного процесса в направлении социальной ориентации и ожидании в будущем, помимо прибыли/дохода, положительного социального эффекта от вложений (в восприятии инвестора). С указанных позиций автор трактует социально ориентированное инвестирование как детерминанту развития инвестиционного процесса.

Прежде чем охарактеризовать сущность социального инвестора, отметим, что традиционный инвестор — это один из ключевых стейкхолдеров инвестиционного процесса, осуществляющий вложения в объект инвестирования, т. е. владелец капитала.

По мнению Дж. Кейнса, деятельность инвестора сопряжена с сопутствующими рисками и неопределенностью конечного результата ради получения ожидаемой прибыли/дохода в будущем [2].

Главной целью инвестирования для социального инвестора является достижение принципиально нового социального эффекта и внедрение ценностей в жизнь общества, которое постепенно реализуется на каждом из пяти этапов инвестиционного процесса.

Социально ориентированное инвестирование является одним из видов инвестирования социального характера (см. таблицу).

**Отличительные признаки
различных видов инвестирования социального характера**

Отличительные признаки	Благотворительность	Социальное предпринимательство	Социально ориентированное инвестирование	Импакт-инвестирование
Направление инвестирования	Расходы, ориентированные на помощь и улучшение общества, отдельных его слоев или лиц	Проекты, направленные на решение общественно важных задач	Инвестиции в бизнес-проекты, которые не наносят вреда социальному сообществу	Проекты, способствующие социальным изменениям и оказывающие положительное влияние на социально-экономическую среду
Срок окупаемости	Не предусматривают окупаемости	Зависит от конкретных целей проекта	Долгий срок окупаемости	Долгий срок окупаемости
Срок реализации	Бессрочный	Могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными	Долгосрочный	Могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными

Примечание. Сост. по: [1; 7].

Базовым понятием социально ориентированного инвестирования являются социальные инвестиции (англ. social investment), осуществляемые заинтересованными сторонами инвестиционного процесса, или его стейкхолдерами.

Разнонаправленность целей стейкхолдеров может состоять в том, что цели могут быть связаны не только с извлечением прибыли, но и с улучшением показателей социально-экономического развития бизнеса и общества в целом. Следовательно, гармонизация целей социально ориентированного инвестирования как процесс управления целями инвестирования стейкхолдеров будет способствовать достижению устойчивого развития и сбалансированности как на уровне национальной экономики, так и на уровне отдельно взятых субъектов хозяйствования.

Автор отмечает, что особенности развития инвестиционного процесса соответствуют изменениям ориентиров государственной политики, в связи с чем обоснована неизбежность эволюционной трансформации его целей в виде социально ориентированного инвестирования.

Обобщение теоретических основ концепции корпоративной социальной ответственности, концепции общих ценностей, концепции интегрированной отчетности, а также ESG-повестки позволило автору выделить и обосновать признаки социального предпринимательства как специфической формы предпринимательской деятельности.

Усиление взаимосвязи принципа общих ценностей и социально ориентированной направленности инвестирования требует усиления взаимодействия всех стейкхолдеров инвестиционного процесса, поскольку, когда органы власти и некоммерческие организации начнут мыслить с позиции ценностей, их заинтересованность в сотрудничестве с бизнесом неизбежно возрастет [10, р. 71].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что научно-теоретическое осмысление положений концепции устойчивого развития требует дальнейших исследований вследствие необходимости преломления сформировавшегося теоретического каркаса в русле практической деятельности органов государственной власти и бизнеса.

Библиографический список

1. *Бахтараева К. Б.* Страновые особенности рынка социально ответственного инвестирования // *Финансы и кредит.* 2009. № 28 (364). С. 72–78.
2. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. Гребенников и др. М.: Бизнеском, 2013. 402 с.
3. *Нехода Е. В., Редчикова Н. А., Тюленева Н. А.* Бизнес-модели компаний: от прибыли к устойчивому развитию и созданию ценности // *Управленец.* 2018. Т. 9, № 4. С. 9–19.
4. *Руденко О. Н., Величко О. Б.* Нефинансовая отчетность как инструмент реализации концепции социально ответственного бизнеса // *Международный бухгалтерский учет.* 2017. Т. 20, № 19. С. 1115–1133.
5. *Ткаченко И. Н., Раменская Л. А.* Влияние корпоративной социальной ответственности на капитализацию компаний (результаты эмпирического исследования) // *Управленческие науки.* 2016. № 3. С. 85–94.
6. *Устойчивое* развитие промышленного предприятия в условиях неоиндустриальной трансформации / кол. авт.; под науч. ред. Я. П. Силина. Екатеринбург: УрГЭУ, 2017. 207 с.
7. *Шеина Е. Г.* Финансирование инвестиционного процесса в условиях развития социально ориентированного инвестирования на основе риск-эволюционного подхода. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2021. 312 с.
8. *Bowen H. R.* Social Responsibilities of the Businessman. University of Iowa Press, 2013. 248 p.
9. *Friedman M.* The Social Responsibility of Business is to Increase Its Profits // *The New York Times Magazine.* 1970. Sept. 13. P. 122–126.
10. *Porter M. E., Kramer M. R.* Creating Shared Value // *Harvard Business Review.* 2011. Vol. 89, no. 1-2. P. 62–77.

Регулирование развития пространственной инфраструктурной системы региона: риск-ориентированный подход

Рассмотрены вопросы теории и практического опыта применения риск-ориентированного подхода к регулированию пространственной инфраструктурной системы региона. Проанализированы инструменты, методы управления рисками пространственной инфраструктуры на разных иерархических уровнях, определена перспективность разработки интегрированной системы управления рисками.

Ключевые слова: регион; инфраструктура; риски; управление; региональное развитие.

Современный этап социально-экономического развития территорий ставит новые задачи развития и функционирования пространственной инфраструктуры. Особое значение приобретает решение вопросов бесперебойного надежного инфраструктурного обеспечения, усиление критической роли объектов инфраструктуры, необходимость обеспечения их безопасности. В первую очередь указанное касается инфраструктуры электроэнергетики и транспорта — пространственных инфраструктурных систем региона (далее — ПрИС) [9, с. 42–43].

Региональные и отраслевые особенности инфраструктуры, риски ее развития и регулирования изучены в работах И. В. Белякова [1], Б. Х. Краснопольского [4], С. И. Яковлевой [10] и др. Необходимость риск-ориентированного подхода для практики стратегирования подчеркивается в работе О. Б. Иванова и Е. М. Бухвальда [3]. Исследования Г. Б. Прончева и В. А. Сушко [7], В. А. Путилова, А. В. Маслوبةва, В. В. Быстрова [8] и др. посвящены анализу угроз, рисков устойчивого функционирования критической инфраструктуры региона. Возможности применения концепций устойчивого развития и ESG в качестве методической основы для управления рисками в практике регионального управления, развития инфраструктуры рассмотрены в работах В. В. Кулибановой и коллег [5], С. А. Евсеевой и Н. Ш. Зариповой [2], А. М. Марголина и И. В. Вякиной [6] и др.

Таким образом, риск-ориентированный подход находит все большее применение в теории и практике развития регионов и их

систем, при этом возможности его внедрения определяются многими факторами. Внешние факторы требуют адаптации ПриС региона к ним, чтобы снизить возможное негативное воздействие, минимизировать риски и эффективно использовать появляющиеся возможности. Воздействие внутренних условий и факторов развития ПриС региона является управляемым и предсказуемым. Влияние обеих групп факторов обуславливает необходимость регулирования развития ПриС региона, поскольку формирует возможности и ограничения ее долгосрочного развития.

Специфика ПриС региона как объекта регулирования состоит в наличии нескольких субъектов управления разных уровней: регионального (органы государственной (муниципальной) власти), корпоративного (собственники объектов), отраслевого. Сетевая организация и межрегиональное расположение некоторых инфраструктурных объектов обуславливает необходимость сотрудничества органов власти регионов и представителей инфраструктурных организаций, поиск баланса их интересов. Соответственно управление рисками ПриС региона реализуется на нескольких уровнях: региональном, отраслевом, корпоративном (см. рисунок).

Организация управления рисками развития
пространственной инфраструктурной системы региона

Региональное (муниципальное) управление инфраструктурными рисками осуществляется в рамках стратегического плани-

рования (в том числе ESG-стратегирования), программ развития, а также оперативного управления (например, при ликвидации последствий событий, нарушающих функционирование инфраструктуры, хотя в этом случае правильнее говорить уже не о рисках, а об угрозах). Документы регионального стратегического планирования, как разрабатываемые (актуализируемые), так и действующие, все более уделяют внимание анализу и оценке рисков развития, в том числе инфраструктурных (например, стратегии таких субъектов, как Ямало-Ненецкий автономный округ¹, Пермский край², Ханты-Мансийский автономный округ — Югра³ и др.).

В рамках отраслевого регулирования ПрИС региона управление рисками реализуется в виде контрольно-надзорной деятельности (в том числе контроль соответствия технико-технологических параметров инфраструктурных объектов нормативам), принятия стратегических документов в сфере национальной безопасности⁴.

Регулирование развития ПрИС региона на корпоративном уровне включает формирование системы управления рисками, представляемой в виде соответствующих документов (например, «Политика управления рисками и внутреннего контроля ПАО «Россети»⁵). Такие документы охватывают широкий круг возможных рисков (финансовых, технологических, экологических

¹ *Стратегия* социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 г., утв. постановлением Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478.

² *Проект* Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2035 г. / Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_permskogo_kraya_do_2035_goda.html (дата обращения: 03.02.2024).

³ *Стратегия* социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2036 г. с целевыми ориентирами до 2050 г., утв. распоряжением правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 3 ноября 2022 г. № 679-рп.

⁴ См., например: *Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации*: Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216.

⁵ *Политика* управления рисками и внутреннего контроля ПАО «Россети» и дочерних обществ (группы компаний «Россети»), утв. решением Совета директоров ПАО «Россети» 17 апреля 2023 г. (протокол от 18 апреля 2023 г. № 616).

и др.), содержат методические положения по идентификации и оценке рисков, особое распространение получает интегрированный подход к управлению рисками.

В сложившихся условиях риск-ориентированный подход в регулировании развития ПриС региона является перспективным и необходимым, реализуется на разных этапах (оперативное, стратегическое) и уровнях (региональном, отраслевом, корпоративном) управления ею. При этом методическое обеспечение идентификации, оценки, прогнозирования и управления рисками имеет разрозненный характер. Особое значение приобретает развертывание интегрированной системы управления рисками, что даст возможность качественнее идентифицировать и прогнозировать риски, выполнять целевые показатели, минимизировать стратегические риски, повысить эффективность и надежность инфраструктурного обеспечения регионального развития как в условиях устойчивого развития, так и в периоды кризисов.

Библиографический список

1. *Беляков И. В.* О количественной оценке рисков инфраструктурных проектов с государственным участием // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 4. С. 30–60.
2. *Евсеева С. А., Зарипова Н. Ш.* Проблемы реализации ESG-повести на региональном и местном уровне // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 3 (75). Номер статьи 7524. URL: <https://eee-region.ru/article/7524/> (дата обращения: 03.02.2024).
3. *Иванов О. Б., Бухвальд Е. М.* Риск-ориентированное управление в системе публичной власти в России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 4. С. 25–42.
4. *Краснопольский Б. Х.* Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 234 с.
5. *Кулибанова В. В., Тэор Т. Р., Ильина И. А., Шарахина Л. В.* Развитие ESG-повестки в Российской Федерации на региональном уровне // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 5. С. 95–110.
6. *Марголин А. М., Вякина И. В.* Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 3. С. 352–368.

7. *Прончев Г. Б., Сушко В. А.* Особенности защиты критически важной инфраструктуры Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 60–63.

8. *Путилов В. А., Маслобоев А. В., Быстров В. В.* Методологическая база информационной поддержки управления безопасностью региональных критических инфраструктур // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12, № 5 (12). С. 157–160.

9. *Шишкина Е. А.* Пространственные инфраструктурные системы: трансформация региональных и отраслевых векторов развития. Екатеринбург: УрГЭУ, 2023. 268 с.

10. *Яковлева С. И.* Угрозы, вызовы, риски и проблемы как важные категории стратегического планирования регионов // Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 3–18.

Е. Н. Ялунина

Повышение конкурентоспособности производства лакокрасочной продукции как индикатор развития отрасли в регионе

В условиях динамичной трансформации национальной экономики производство отечественной продукции приобретает особое значение для социально-экономического развития государства. В статье представлены методики оценки конкурентоспособности предприятий лакокрасочной промышленности Свердловской области. Определены проблемы и тенденции развития хозяйствующих субъектов, сценарии повышения их уровня конкурентоспособности в отрасли.

Ключевые слова: промышленность; конкурентоспособность; результат; отрасль; эффективность; управление.

Конкурентоспособность предприятия определяет совокупный потенциал экономического агента и рыночные позиции его в отрасли. Соответственно, от эффективности системы управления предприятием, эффективного использования имеющегося совокупного потенциала предприятия зависит его уровень конкурентоспособности [1; 2].

Нами представлен обзор рынка лакокрасочной продукции Свердловской области и подход к оценке конкурентоспособности хозяйствующего субъекта, ориентированного на развитие лакокрасочного производства, с целью выявления тенденций и про-

блем в отрасли. При реализации стратегии развития предприятия существует два подхода: с позиции потребителя лакокрасочной продукции и с позиции собственника бизнеса. Для определения уровня конкурентоспособности предприятия необходим этап сбора аналитических данных по собственному предприятию, а также по конкурентам. Для аналитика не всегда представляется возможным осуществить сбор полного пакета информации для исследования, поэтому сама методика оценки конкурентоспособности должна быть универсальной и адаптивной. Проблема оценки конкурентоспособности производства лакокрасочной продукции в настоящее время актуальна, так как лакокрасочное производство является элементом химической отрасли, которая, в свою очередь, является поставщиком сырья для смежных отраслей, в частности промышленности, строительства.

Региональный рынок производства лакокрасочной продукции Свердловской области динамично развивается, в частности, выстроены схемы доступности сырья для производства лакокрасочных изделий, а также существует пул зарубежных поставщиков, внедряются инновационные технологии в процесс производства готовой продукции. Рассматривая показатели в динамике (2020–2022 гг.), констатируем рост объемов производства лакокрасочной продукции, увеличение рабочих мест в территории, повышение средней заработной платы в отрасли, что является важным индикатором для социально-экономического развития региона [4; 5]. Данные тенденции обусловлены ограничением поставок импортных товаров на отечественный рынок, считаем данный фактор импульсом для развития отрасли и рынка Российской Федерации в целом. Также выделим негативные процессы, в частности, уход с рынка некоторых крупных производителей лакокрасочной продукции (ГК «Техностар Альянс», ООО «Лакокрасочные материалы»). С одной стороны, негативный процесс, а с другой стороны, это возможность для других хозяйствующих субъектов увеличить собственную долю на рынке, перераспределив ресурсных потенциал экономического агента и расширив базу потребителей. Причинами ухода предприятий с рынка стали: сбыт продукции; ограниченность сырья в виде диоксид титана, который добывали в Украине, и как следствие удорожание его в 1,5 раза; рост цен на электроэнергию. Влияние данных факто-

ров способствовало повышению себестоимости продукции на протяжении 4 лет, что ухудшало финансовое положение хозяйствующих субъектов. Эффективность системы управления данными предприятиями снижалась из-за их ресурсного потенциала, и привлечь дополнительные источники финансирования не представлялось возможным [6]. Рынок — это механизм саморегулируемый, поэтому остались на рынке предприятия с высоким уровнем конкурентоспособности. В табл. 1 представлен рейтинг экономических субъектов Свердловской области, которые обладают эффективной системой управления.

Т а б л и ц а 1

**Показатели, характеризующие тенденции
производства лакокрасочной продукции в Российской Федерации,
в том числе в Свердловской области в динамике**

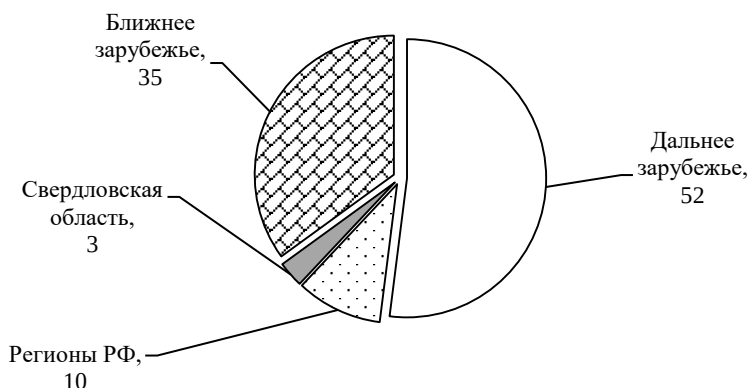
Показатель	2020	2021	2022	Темп роста (2022/2021), %
Объем производства ЛКМ, млрд р.:				
Российская Федерация	118,78	125,36	128,08	102,17
Свердловская область	1,86	2,08	2,13	102,40
Рентабельность производства ЛКМ, %:				
Российская Федерация	6,90	11,02	12,00	108,90
Свердловская область	5,30	5,21	9,80	188,10
Рентабельность продаж к затратам на производство ЛКМ, %:				
Российская Федерация	14,98	15,25	18,02	118,16
Свердловская область	12,00	13,72	18,34	133,67
Доля инновационной лакокрасочной продукции в объеме инновационных продуктов отрасли, %:				
Российская Федерация	1,60	2,52	3,20	126,98
Свердловская область	0,82	0,78	2,02	258,97

Примечание. Сост. по: *Статистика* / Минфин России. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/> (дата обращения: 20.01.2024).

Особое место на рынке производства лакокрасочной продукции Свердловской области отводится химическому производству. Регион является одним из промышленных в сравнении с другими, но тем не менее тенденции и проблемы схожи с развитием отрасли в целом на уровне Российской Федерации.

В настоящее время отрасль столкнулась с усилением конкуренции на рынке из-за появления сырья производителей Китайской Народной Республики. С одной стороны, появился выбор поставщика сырья для производства лакокрасочной продукции, с другой стороны, более низкая цена на сырье зарубежных торговых организаций стала тормозом для сбыта отечественного сырья, обострилась проблема повышения уровня конкурентоспособности производства лакокрасочной продукции в регионе.

В настоящее время на рынке Свердловской области действуют 30 компаний (жизненный цикл предприятий в диапазоне от 10 до 16 лет), предлагающих те или иные виды продукции в данном сегменте ведущих мировых брендов: Teknos, Tikkurilla, Kiilto, Renner и др. [3]. Зарубежная продукция занимает значительную долю регионального рынка, что отражено на рисунке.

Структура производства лакокрасочной продукции на региональном рынке Свердловской области по месту производства товаров, 2022 г., %¹

На основе проведенного исследования нами классифицированы действующие хозяйствующие субъекты по таким показателям, как: организационно-правовая форма, присутствие зарубежных организаций в регионе, наличие собственного производ-

¹ Рисунок, табл. 2 и 3 составлены на основе данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186/> (дата обращения: 20.01.2024).

ства, ассортиментная матрица местных производителей, охват рынка (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Характеристика 70 действующих производителей лакокрасочной продукции Свердловской области

Критерий	Индикатор
Количество основных предприятий	70
По организационно-правовой форме	ЗАО — 4 ед., ОАО — 1 ед., ИП — 4 ед., Научно-производственный холдинг — 1 ед., ООО — 60 ед.
Направления деятельности	23 ед. — производство лакокрасочной продукции; 44 ед. — оптовая и розничная торговля лакокрасочной продукцией, 22 ед. — два вида экономической деятельности (производство, реализация)
Представляют интересы зарубежных производств — 5	Немецкой фирмы М-ТЕС (ООО «Брозекс», г. Березовский) Финского концерна «Teknos» (ООО «Евро-краски-ЕК»; ООО «Промышленные краски») Датской фирмы NEMPEL (ООО «НПФ Мир красок») Чешской фирмы «Morfico s.r.o.» (ООО «УЦТК») Финской фирмы «TIKKURILA» (ТД ООО «TIKKURILA»)
Продажа лакокрасочных материалов собственных разработок — 3 ед.	Научно-производственный холдинг ВМП АО «Кумиксан Трейд» ООО «Бобровский экспериментальный завод»
Предприятия, производящие и реализующие ЛМК разных классов	Премиум — 4 ед.; эконом — 53 ед., премиум-и эконом-класса — 13 ед.
Имеют собственные места продаж	39 ед.
Направления продаж	Только оптовые для предприятий — 39 ед., только оптовые для розничных магазинов — 19 ед., совмещают 12 ед.

Таким образом, характеристика предприятий, действующих на региональном рынке лакокрасочных материалов в Свердловской области, следующая: из 70 основных предприятий в отношении организационно-правовой формы подавляющее число —

ООО (85,7 %); продажу ЛКМ осуществляют в 2 раза больше предприятий, чем производство, а 22 (почти 1/3) совмещают производство и продажу; 6 предприятий являются официальными дилерами предприятий из Финляндии, Германии, Дании, Чехии, а также Санкт-Петербурга; собственными разработками для дальнейшего производства и продажи занимаются только 3 предприятия (4,3 %); имеют собственные стационарные места продаж 39 предприятий (55,7 %); подавляющее количество предприятий (более 3/4) производят и реализуют ЛКМ эконом-класса, только 4 предприятия (5,7 %) — работают в сегменте «премиум»; 39 предприятий (55,7 %) осуществляют поставки только оптовые для предприятий, т. е. действуют только на рынке B2B, 19 предприятий (27,1 %) — только оптовые для розничных магазинов, т. е. действуют только на рынке B2C, а 12 предприятий совмещают деятельность на обоих рынках.

Так как ООО «ЛКМ Ренотон» в основном производит ЛКМ эконом-класса и совмещает деятельность на рынках B2B и B2C, перспективы его конкурентоспособности на рынке ЛКМ Свердловской области достаточно позитивные.

Характеристика основных конкурентов ООО «ЛКМ Ренотон» представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Основные предприятия
по производству и реализации лакокрасочных материалов,
действующие на региональном рынке ЛКМ Свердловской области**

Наименование	Производство	Реализация
ООО «НИК-Маркет»	Производство ЛКМ	Представительские функции промышленных предприятий
ООО «Полимерхолдинг»	Производство ЛКМ	Оптовая торговля лакокрасочными материалами
ООО «Энамеру Урал»	Производство лакокрасочных материалов и работ с ними	Мелкооптовая торговля лакокрасочными материалами
ООО «ЛКМ-Сервис»	Производство антикоррозионных материалов. Технологическое сопровождение, нанесение покрытий	Продажа профессиональных лакокрасочных материалов

Оценка конкурентоспособности ООО «ЛКМ Ренотон» по балльно-рейтинговой системе в сравнении с конкурентами представлена в табл. 4.

Таблица 4

Показатели, характеризующие уровень конкурентоспособности предприятий на рынке производства лакокрасочной продукции

Показатель	ООО «ЛКМ Ренотон»	ООО «Полимер Холдинг»	ООО «Энамеру Урал»	ООО «ЛКМ-Сервис»
Количество предприятий	1	1	6	10
Балл	1	1	3	4
Количество товарных позиций, шт.	12 940	982	13 100	15 245
Балл	2	1	3	4
Товарооборот: темпы роста	Медленно растущий	Снижающийся	Растущий	Значительно растущий
Балл	2	1	3	4
Демонстрационная площадь, м ²	200	85	510	1 500
Балл	2	1	3	4
Производительность труда, тыс. р.	3 861,4	3 502,5	3 410,0	3 659,8
Балл	4	2	1	3
Уровень сервиса, %	42,1	36,8	42,1	57,9
Балл	3	2	3	4
Количество рекламных акций за 2019–2021 гг., шт.	30	36	67	102
Балл	1	2	3	4
Количество рекламаций от покупателей, шт.	24	39	31	25
Балл	4	3	2	1
Итого	19	12	21	28

По сумме баллов за отдельные показатели деятельности, влияющих на качество и конкурентоспособность продукции, ООО «ЛКМ Ренотон» находится на третьем из четырех мест. Нами выделены проблемные направления деятельности, которые необходимо устранять: недостаточный бюджет на реализацию рекламных мероприятий; ограниченный рынок сбыта; необходи-

мость включения в матрицу поставщиков новых предприятий; механизм ценообразования; отсутствие автоматизации всех бизнес-процессов.

Оценка конкурентоспособности продукции ООО «ЛКМ Ренотон» в сравнении с его ближайшими конкурентами по 10-балльной системе дана в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

**Оценка конкурентоспособности продукции ООО «ЛКМ Ренотон»
в сравнении с его ближайшими конкурентами
по 10-балльной системе**

Критерий	ООО «ЛКМ Ренотон»	ООО «Полимерхолдинг»	ООО «Энамеру Урал»	ООО «ЛКМ- Сервис»
Широта, устойчивость, глубина ассортимента	6	5	8	9
Наличие товарных ком- плексов	6	6	6	9
Экологичность про- дукции	5	4	8	10
Инновационность	5	6	9	8
Удобство упаковки, тары для покупателя	8	6	7	8
Качество продукции согласно ГОСТ	6	4	8	9
Уровень цен	7	9	7	8
Зависимость от импорт- ного сырья	6	4	3	7
Известность продукции	7	8	7	8
Доля рынка пред- приятия	5 (4,7 %)	8 (11,1 %)	6 (5,2 %)	10 (14,3 %)
Маневренность произ- водства	5	4	8	9
Репутация у покупателей	8	8	10	10
Итого	74	72	81	105
Средний балл	6,2	6,0	6,75	8,75

Примечание. Сост. по: *За честный бизнес*. Всероссийская система проверки контрагентов. URL: <https://zachestnyibiznes.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

Таким образом, по итогам проведения оценки конкурентоспособности производства лакокрасочной продукции методом

экспертных оценок исследуемый объект имеет третью позицию на рынке. К числу экспертов привлекали руководителей высшего и среднего звена, представителей органов государственной власти, профессорско-преподавательский состав. Считаем, что V пакет ограничений в лакокрасочной промышленности, в который попали 96 % наименований от имеющихся, стимулировал отечественного производителя к развитию и изменению системы управления хозяйствующим субъектом.

К основным вызовам в плановом периоде для производства лакокрасочной продукции относятся: отсутствие производственных мощностей для выпуска дисперсий, переход на отечественное сырье, проведение научных исследований и внедрение инновационных технологических решений, импортозамещение.

Библиографический список

1. Анимича Е. Г., Власова Н. Ю. Урал: промышленная колея, или новый путь развития? // Современная Евразия: общественно-географический анализ: материалы Междунар. науч. конф. (XIV научная Ассамблея АРГО) (Улан-Удэ, 10–19 сентября 2023 г.). Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2023. С. 10–13.

2. Бутко Г. П., Шарапова В. М., Шарапова Н. В., Поротников П. А. Приоритеты инвестиционной привлекательности АПК: современное состояние на уровне региона // АПК: экономика, управление. 2023. № 10. С. 31–37.

3. Куликова Е. С. Виртуальный маркетинговый потенциал территорий: теория, методология, практика. Екатеринбург: Раритет, 2023. 164 с.

4. Курдюмов А. В., Шайбакова Л. Ф., Мещерягина В. А. Анализ опыта государственных мер поддержки малого и среднего бизнеса за рубежом // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. № 12. С. 72–75.

5. Фролова О. А., Гришина Т. В., Юхлина Ю. А. Новые подходы к выделению критериев отнесения аграрных предприятий к малому предпринимательству // Вестник НГИЭИ. 2023. № 11 (150). С. 90–101.

6. Эссауленко Е. В., Шелковников С. А. Оценка инвестиций в основной капитал сельскохозяйственных организаций Российской Федерации за 2017–2021 гг. // Теория и практика современной аграрной науки: сб. VI нац. (Всерос.) науч. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 27 февраля 2023 г.). Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2023. С. 1790–1794.

Оценка уровня иерархизации рынков промышленной продукции машиностроения в новых условиях

В статье исследуется один из ярких трендов современного развития рынков промышленной продукции — иерархизация. На основе расчета коэффициента относительного перекрестного владения эмпирически оценивается уровень иерархизации 5 рынков промышленной продукции машиностроения в трех проекциях: вертикальной, горизонтальной и компиляторной. Сделан вывод о преобладании вертикальной формы иерархизации на рынках продукции тяжелого и среднего машиностроения.

Ключевые слова: оценка; иерархизация; рынок промышленной продукции; машиностроение; перекрестное владение.

Российская экономика переживает непростые времена. Одним из наиболее ярко проявившихся трендов современного развития рынков промышленной продукции является иерархизация.

В контексте институциональной теории иерархизация рынка означает организацию рыночных отношений и взаимодействий между участниками на основе установленных иерархических структур и отношений власти. Иерархизация предполагает, что рынок организован не только на основе рыночных механизмов конкуренции, но также включает в себя иерархические отношения, влияние и контроль со стороны различных институциональных акторов, которыми могут выступать как участники индустриальной цепи, так и корпорации, государство.

Иерархизация на современных рынках промышленной продукции в России проявляется в следующих формах.

1. *Развитие корпоративных структур.* Крупные корпорации и компании, играющие ключевую роль на рынке, могут создавать иерархические структуры внутри себя, управлять дочерними предприятиями и контролировать различные аспекты бизнеса.

2. *Повышение роли государства.* Государство является не только источником установления норм, правил, стандартов, воздействуя на рыночные отношения, но и активным актором рынка как собственник, как заказчик (в некоторых случаях даже единственный).

3. *Формирование жестких форм взаимодействия между участниками индустриальных цепей.* Такое взаимодействие выстраивается в рамках сложившихся производственных комплексов, формируемых в том числе существенной региональной дифференциацией.

В целом, иерархизация рынка в институциональной теории подчеркивает, что рынок не всегда функционирует полностью децентрализованно и конкурентно. Данный тренд институционально реализован в 2002 и 2007 гг.¹ На сегодняшний день можно выделить следующие госкорпорации и холдинги в машиностроении: Ростех, Российская корпорация нанотехнологий, Роскосмос, ОСК (Объединенная судостроительная корпорация), Автотор, Концерн ВКО «Алмаз-Антей». Целью создания госкорпораций была поддержка промышленного комплекса страны в сложный период и повышение его конкурентоспособности на мировом рынке. Одним из параметров оценки уровня иерархизации рынков промышленной продукции может стать показатель перекрестного взаимного владения (cross-ownership).

Перекрестное владение предполагает общее (единое) владение и контроль над производственными активами и ресурсами в рамках определенного промышленного рынка как на горизонтальном уровне (отдельной отрасли), так и на вертикальном уровне (индустриальной цепи). В отличие от традиционной формы частной собственности, взаимное владение собственностью подразумевает, что участники промышленного рынка владеют активами и ресурсами совместно и делят ответственность за их управление. Любая горизонтальная и вертикальная кооперация сопровождается перекрестным владением собственностью в том или ином объеме (доле).

В рамках вертикальной интеграции формируются иерархические формы со связным спросом, в них с большей вероятностью присутствуют не только формальные, но и неформальные взаимодействия.

¹ *Об открытом* акционерном обществе «Концерн ПВО „Алмаз — Антей“»: Указ Президента РФ от 23 апреля 2002 г. № 412; *Об открытом* акционерном обществе «Концерн ПВО „Алмаз — Антей“»: постановление Правительства РФ от 28 июня 2002 г. № 480; *О Государственной* корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Федер. закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ.

Перекрестное владение является значимым параметром как структурного, так и институционального анализа. Присутствие на промышленном рынке перекрестного владения существенно трансформирует его структуру и институциональную проекцию. Так, в работе Х. Кампоса и Ж. Веги анализируется влияние перекрестного владения на уровень концентрации в отрасли [2]. В. Бенндорф и Й. Оденкирхен доказали существование негативного влияния горизонтального перекрестного владения на уровень конкуренции на олигопольных рынках [1]. В. Харискос, М. Кёнигштейн и К. Г. Пападопулос в своем исследовании оценивают влияние уровня перекрестного владения на динамику цен и общественное благосостояние [4], а в работе Б. С. Чой, Б. Х. Ан и Й. С. Пак оцениваются положительные и отрицательные эффекты присутствия перекрестного владения в отраслях с взаимозаменяемыми и дополняемыми услугами [3].

В качестве параметра оценки уровня иерархизации рынка промышленной продукции предлагается ввести в научный оборот коэффициент относительного перекрестного владения (coefficient of relative cross-ownership) CRCO. Расчет коэффициента проводится в *трех* проекциях: на горизонтальном (в рамках отраслевого рынка); на вертикальном — межотраслевом (в рамках индустриальной цепи) и компиляторном уровне — учитывается вертикальный и горизонтальный уровень интеграции. Расчет строится с учетом формы перекрестного владения (горизонтальный/вертикальный/компиляторный уровень), что позволяет идентифицировать преобладающую форму интеграции на рынке промышленной продукции (горизонтальная или вертикальная).

Формула для расчета будет иметь следующий вид:

$$C_{RCO} = \sum_{i=1}^n (SCO_i \times Q_i),$$

где SCO_i — доля перекрестного владения собственностью компании в отрасли (SCO'_i — на горизонтальном уровне; SCO''_i — на вертикальном уровне; SCO'''_i — на компиляторном уровне); Q_i — доля рынка, рассчитанная по выручке¹.

¹ В данном случае важно учесть долю именно на отраслевом рынке, наиболее объективным показателем является выручка.

Значение коэффициента находится в интервале от 0 до 1 (от 0 до 100 в процентном выражении). И чем выше значение, тем более очевидным является присутствие гибридных организационных форм на рынке промышленной продукции. Более высокое значение коэффициента, рассчитанного для разных значений SCO_i , позволяет однозначно оценить уровень иерархизации на рынке. При этом именно преобладание вертикальной формы актуализирует проявления признаков иерархизации.

Эмпирическое исследование проводилось на примере пяти рынков промышленной продукции, выборка составила 1 428 компаний. Исследование проводилось по данным 2023 г. с использованием базы данных «СПАРК». Выборка обладает структурным разнообразием. В ней представлены рынки промышленной продукции крупного и среднего машиностроения, как встроенные в индустриальные цепочки, так и выпускающие конечную продукцию.

Сбор данных, отражающих долю перекрестного владения в собственности фирмы, осуществлялся на основе информации, представленной во вкладках «Совладельцы», «Анализ владения», «Связи компании» справки о компании БД «СПАРК». Данные собирались индивидуально по каждой фирме, с учетом заявленных видов деятельности и встраиваемости их в индустриальную цепочку (продавец — покупатель). Были учтены все существующие связи в рамках перекрестного владения собственностью, например, учитывалось владение одним физическим лицом несколькими фирмами, работающими в рамках общей индустриальной цепи. Также учитывалось перекрестное владение в рамках длинных цепочек передачи собственности, с несколькими участниками. Итоговая оценка строилась с учетом распределения собственности по всей цепочке перекрестного владения, что позволило автору представить более достоверную и полную информацию по объемам и формам существующей на промышленных рынках интеграции. Рассматривались актуальные данные¹. Итоговые расчеты представлены в таблице.

¹ Июнь 2023 г. Проведение подобного анализа в динамическом формате невозможно, поскольку данные представлены по фактическому состоянию распределения собственности.

Уровень относительного перекрестного владения на промышленных рынках машиностроения

Сегмент машиностроения	Код в ОКВЭД	Вид деятельности	Доля интегрированных компаний, %		Коэффициент относительного перекрестного владения, %		
			вертикально	горизонтально	Вертикальный	Горизонтальный	Комплярный
Тяжелое машиностроение	28.22	Производство подъемно-транспортного оборудования	79,0	36,0	37,00	8,1	29,0
	28.11.2	Производство турбин	83,3	16,6	80,00	49,3	49,3
	28.22.6	Производство лифтов, скриповых подъемников, эскалаторов и движущихся пешеходных дорожек	67,0	44,0	64,00	22,4	39,0
Среднее машиностроение	28.41	Производство металлообрабатывающего оборудования	41,6	—	31,05	—	—
	28.12.2	Производство гидравлических насосов	18,1	—	11,20	—	—

Примечание. Сост. по: данные выборки из БД «СПАРК».

Проведенный анализ позволил выделить следующие значимые структурные особенности современного состояния развития рынков промышленной продукции машиностроения. Иерархизация присутствует на всех анализируемых рынках. Наибольший ее объем — на рынке 28.11.2 «Производство турбин» — 80 % перекрестного владения. На рынке производства лифтов, скриповых подъемников, эскалаторов и движущихся пешеходных дорожек — 64 %; производства подъемно-транспортного оборудования — 37 %. Наименьшее значение среди анализируемых рынков промышленной продукции наблюдается на рынке производства гидравлических насосов.

Комплементарная интеграция чаще всего встречается на рынках с высоким уровнем вертикального перекрестного владения и также максимально представлена на промышленном рынке 28.11.2 «Производство турбин» и в целом на рынках промышленной продукции тяжелого машиностроения.

Итоги расчета коэффициента относительного перекрестного владения позволяют выделить два рынка промышленной продукции, обладающих высоким уровнем иерархизации: 28.22.6 «Производство лифтов, скриповых подъемников, эскалаторов и движущихся пешеходных дорожек» (64 % рынка находится под контролем вертикального перекрестного владения, 22,4 % — горизонтального, компиляторное перекрестное владение составляет 39 %) и 28.11.2 «Производство турбин», где значения существенно выше (значение вертикального коэффициента относительного перекрестного владения составляет 80 %, горизонтального и компиляторного — более 49 %).

Таким образом, проведенные расчеты показывают, что на указанных рынках промышленной продукции присутствует высокий уровень иерархизации, реализуемый в рамках компиляторно-интегрированных компаний.

Представленное исследование является частью научных интересов автора и может быть существенно дополнено оценкой перекрестного владения со стороны государства, государственных корпораций.

Библиографический список

1. *Benndorf V., Odenkirchen J.* An experiment on partial cross-ownership in oligopolistic markets // *International Journal of Industrial Organization*. 2021. Vol. 78. P. 102773.
2. *Campos J., Vega G.* Concentration measurement under cross-ownership: the case of the Spanish electricity sector // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2003. Vol. 3, issue 4. P. 313–335.
3. *Choi B. S., Ahn B. H., Park Y. S.* Cross ownership of wireline and wireless communications carriers: synergy or collusion? // *Information Economics and Policy*. 2003. Vol. 15, issue 4. P. 485–499.
4. *Hariskos W., Königstein M., Papadopoulos K. G.* Anti-competitive effects of partial cross-ownership: Experimental evidence // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2022. Vol. 193. P. 399–409.

Сведения об авторах

Анимица Евгений Георгиевич — доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, главный советник при ректорате Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Анимица Полина Евгеньевна — кандидат экономических наук; научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Белоусова Елизавета Александровна — кандидат экономических наук; доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Бочко Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Вербицкая Наталья Олеговна — доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Вербицкая Татьяна Владимировна — кандидат политических наук; докторант; научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы Государственного архива Свердловской области (г. Екатеринбург)

Виноградова Екатерина Юрьевна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Дворядкина Елена Борисовна — доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, директор Института экономики и финансов Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ермакова Анна Михайловна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры геодезии и кадастровой деятельности Тюменского индустриального университета (г. Тюмень)

Есина Екатерина Анатольевна — соискатель ученой степени кандидата наук; ассистент кафедры экономики социальной сферы Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Закирова Элина Рафиковна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Зова Виктория Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ислев Денис Александрович — соискатель ученой степени кандидата наук, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Карх Дмитрий Андреевич — доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры логистики и коммерции, проректор по учебно-методической работе и качеству образования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Квон Гульнара Магсумовна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Клейн Дмитрий Александрович — заместитель руководителя Западно-Уральского межрегионального управления Росприроднадзора; аспирант кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова (г. Пермь)

Ковалев Виктор Евгеньевич — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры мировой экономики и внешнеэкономической деятельности, проректор по научной работе Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Комбаров Михаил Анатольевич — аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Конов Алексей Александрович — доктор исторических наук, доцент; доцент кафедры управления в социальных и экономических системах, философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург)

Лашевич Диана Валентиновна — ведущий специалист отдела перевозок ВЭД ООО «Дельруском» (г. Екатеринбург)

Логинов Михаил Павлович — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Львова Майя Ивановна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Макогон Юрий Владимирович — доктор экономических наук, профессор; заведующий кафедрой экономики и международных экономических отношений Мариупольского государственного университета им. А. И. Куинджи (г. Мариуполь)

Мансуров Гафур Закирович — доктор юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Мокеева Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Назаров Дмитрий Михайлович — доктор экономических наук, доцент; заведующий кафедрой бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Никитина Оксана Маратовна — директор центра развития карьеры и трудоустройства Московского финансово-юридического университета (г. Москва)

Новикова Наталья Валерьевна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Оборин Матвей Сергеевич — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова (г. Пермь)

Огородникова Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Одинокова Татьяна Дмитриевна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Орехова Светлана Владимировна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пионткевич Надежда Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Плахин Андрей Евгеньевич — доктор экономических наук, доцент; заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Протасова Людмила Геннадьевна — доктор технических наук, профессор; профессор кафедры управления качеством и экспертизы товаров и услуг Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пьянкова Светлана Григорьевна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Рыбаков Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Сергеев Константин Витальевич — директор ООО «Сфера безопасности»; аспирант кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Силин Яков Петрович — доктор экономических наук, профессор; руководитель Свердловской региональной общественной организации Вольного экономического общества России; профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ректор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Смирных Светлана Николаевна — кандидат экономических наук; доцент кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Тарасюк Иван Васильевич — заместитель директора учебно-научного полигона «Саблино» Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II (г. Санкт-Петербург)

Ткаченко Ирина Николаевна — доктор экономических наук, профессор; заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Толмачёва Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Топоркова Елена Винировна — кандидат экономических наук; доцент кафедры логистики и коммерции Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Чудиновских Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Шейна Екатерина Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Шишкина Елена Александровна — кандидат экономических наук; доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ялунина Екатерина Николаевна — доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, директор института непрерывного и дистанционного образования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ярошевич Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент; соискатель ученой степени доктора наук; доцент кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Содержание

Силин Я. П., Анимица Е. Г. Эволюция пространства России в контексте геополитики	3
Белоусова Е. А. Создание экономического благополучия на муниципальном уровне: от устойчивого к ответственному развитию	8
Бочко В. С., Анимица П. Е. Эволюция ремесленного производства как вида малого предпринимательства в условиях новой реальности	15
Виноградова Е. Ю. Автоматизация бизнес-процессов предприятий высокотехнологичного сектора	21
Дворядкина Е. Б., Ермакова А. М. Экономическое развитие муниципальных образований: контекст шокоустойчивости	26
Калабина Е. Г., Смирных С. Н., Есина Е. А. Сравнительный анализ моделей цифровизации региональных систем здравоохранения	31
Карх Д. А., Топоркова Е. В. Цифровое пространство интеллектуального капитала логистических компаний	38
Квон Г. М. Некоторые аспекты проектно-целевого методического подхода в исследовании преобразующих инвестиций	44
Ковалев В. Е., Лашевич Д. В. Транспортно-логистическое сопровождение внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных вызовов	51
Конов А. А., Вербицкая Н. О., Вербицкая Т. В. Исторические пути обеспечения национальной безопасности на железнодорожном транспорте в ситуациях катастроф	58
Логинов М. П. Финансово-правовое регулирование платформенных отношений (кибернетический подход)	64
Львова М. И. Перспективы развития рынка IPO в условиях экономической нестабильности	74
Назаров Д. М. Экономика впечатлений как катализатор промышленной революции «Индустрия 5.0»	79
Новикова Н. В., Ивлев Д. А. Развитие старопромышленного региона в условиях мобилизационной экономики	87
Зова В. А., Макогон Ю. В. Цифровые инструменты туристической отрасли как основа повышения эффективности системы управления рыночным агентом	94
Мансуров Г. З. Цифровой рубль как экономико-правовая категория	99
Моисеева Н. Н. Отдельные аспекты цифровизации банковского сектора	104
Оборин М. С., Клейн Д. А. Государственное управление развитием инновационного потенциала лесопромышленного комплекса	109
Огородникова Е. С. Методология организационного проектирования в оценке модели координации социальной сферы	115
Одиноква Т. Д. Программа долгосрочных сбережений граждан: риски реализации	119

Орехова С. В., Никитина О. М. Поглощающая способность: содержательный фундамент и роль в развитии моделей управления знаниями.....	125
Пионткевич Н. С. Стратегический финансовый потенциал корпораций: источники формирования и направления использования	131
Плахин А. Е., Тарасюк И. В. Платформенная модель координации рынка	137
Протасова Л. Г. Пути перехода к традиционной системе высшего образования.....	141
Пьянкова С. Г., Комбаров М. А. Механизмы сбалансированного развития территории Свердловской области	147
Сергеев К. В., Закирова Э. Р. Система управления финансовой устойчивостью как форма реализации контрольной функции финансового менеджмента хозяйствующего субъекта	153
Рыбаков С. В. Ноономика как проекция перспектив Российской цивилизации.....	159
Ткаченко И. Н. Новые тренды актуальной повестки устойчивого развития бизнеса.....	164
Толмачёва О. В. Долговая политика Свердловской области	169
Чудиновских М. В. Особенности мотивации и контроля в условиях платформенной занятости.....	176
Шенина Е. Г. Социально ориентированное инвестирование как управленческая детерминанта экономического развития в новых условиях	181
Шишкина Е. А. Регулирование развития пространственной инфраструктурной системы региона: риск-ориентированный подход.....	188
Ялунина Е. Н. Повышение конкурентоспособности производства лакокрасочной продукции как индикатор развития отрасли в регионе.....	192
Ярошевич Н. Ю. Оценка уровня иерархизации рынков промышленной продукции машиностроения в новых условиях	201
Сведения об авторах	208

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ,
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
МОДЕЛИ, РЕШЕНИЯ, ПРОГНОЗЫ**

Сборник научных трудов

XI Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук

Корректор
Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка
И. В. Засухиной

Поз. 71. Подписано в печать 11.06.2024.

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 10,6. Усл. печ. л. 12,6. Печ. л. 13,5. Тираж 18 экз. Заказ 307.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

